

Джордж Мартин

Ветра зимы

спойлерные главы

Как и с предыдущими книгами, Мартин периодически зачитывал отдельные главы из будущей книги на различных фестивалях. Некоторые главы имеются лишь в пересказах, другие — полностью отредактированы и даже опубликованы на сайте писателя или как дополнение к электронным изданиям книг. В марте 2014 года Мартин в своем блоге отметил, что, видимо, достиг разумного предела по числу спойлерных глав и больше их выпускать не будет. Для сравнения: до выхода «Танца с драконами» было опубликовано или зачитано 13 спойлерных глав (из 73 глав, вошедших в книгу).

Алейна	2
Арианна I	20
Арианна II	32
Барристан I.....	47
Барристан II.....	54
Мерси.....	56
Теон.....	71
Покинутый (Эйрон I)	88
Виктарион I.....	101
Тирион I.....	104
Тирион II	105

Алейна¹

Она читала своему маленькому лорду сказку о Крылатом рыцаре, когда Мия Стоун, облаченная в кожаный костюм для верховой езды, ботинки и сильно пахнущая конюшней, постучала в дверь его спальни. В волосах Мии была солома, а лицо было нахмурено. «Эта угрюмость из-за того, что Микель Редфорт поблизости», – поняла Алейна.

– Ваша светлость, – обратилась Мия к лорду Роберту, – знамена леди Уэйнвуд видели в часе езды отсюда. Она скоро будет здесь, вместе с вашим кузеном Гарри. Не желаете ли поприветствовать их?

«Зачем было упоминать Гарри? – подумала Алейна. – Теперь мы ничем не вытащим Зяблика из постели». Мальчик ударил подушку.

– Отошлите их прочь. Я не звал их сюда.

Мия выглядела растерянной. Никто в Долине не умел обращаться с мулами лучше нее, но обращение с лордскими сынками — дело совсем другое.

– Они приглашены, – неуверенно произнесла она, – на турнир. Я не...

Алейна закрыла свою книгу.

– Спасибо, Мия. Позволь мне поговорить с лордом Робертом.

С видимым облегчением на лице Мия скрылась, не проронив больше ни слова.

– Я ненавижу этого Гарри, – сказал Зяблик, когда она ушла. – Он называет меня кузеном, но он только и ждет, чтобы я умер и он смог забрать Орлиное Гнездо себе. Он думает, я не знаю — но я знаю.

– Ваша светлость не должен верить в подобную чепуху, – сказала Алейна. – Я уверена, сир Гаррольд тебя очень любит. «И если боги будут милостивы, он полюбит и меня тоже». Ее живот слегка затрепетал.

– Не любит. – Настаивал лорд Роберт. – Он хочет замок моего отца, вот и все, потому он и притворяется.

Мальчик прижал одеяло к своей прыщевой груди.

– Я не хочу, чтобы ты выходила за него, Алейна. Я лорд Орлиного Гнезда и я это запрещаю. – Его голос прозвучал так, будто он был готов расплакаться.

– Ты должна выйти за меня, а не за него. Мы сможем спать в одной кровати каждую ночь, и ты будешь читать мне истории.

¹ пер. Shtee, <http://7kingdoms.ru/2015/alayne-excerpt-from-the-winds-of-winter/>

«Ни один мужчина не может жениться на мне, пока мой супруг-карлик живет где-то в этом мире». Королева Серсея уже получила головы дюжины карликов, рассказывал Петир, но ни одна не принадлежала Тириону.

– Зяблик, ты не должен говорить таких вещей. Ты лорд Орлиного Гнезда и Хранитель Долины, ты должен жениться на высокородной леди и стать отцом сыну, который сядет в Высоком чертоге дома Аррен после тебя. Роберт вытер нос.

– Но я хочу...

Она приложила палец к его губам.

– Я знаю, чего ты хочешь, но этого быть не может. Я не подхожу тебе в жены. Я родилась бастардом.

– Мне все равно. Я люблю тебя больше всех.

«Какой же ты дурачок».

– Твоим лордам-знаменосцам не все равно. Некоторые зовут моего отца выскочкой и честолюбцем. Если бы ты взял меня в жены, они объявили бы, что это он заставил тебя поступить так, что это не твоя воля. Лорды Хартии могут поднять против него оружие снова, и тогда он и я — оба будем преданы смерти.

– Я не позволю им причинить тебе вред! – ответил лорд Роберт. – Если они только попробуют, я заставлю их полететь.

Его руки начали дрожать. Алейна погладила его пальцы.

– Тише, мой Зяблик, успокойся же. – Когда дрожь прошла, она сказала:

– У тебя должна быть достойная жена, законнорожденная девица благородного рождения.

– Нет. Я хочу жениться на тебе, Алейна.

«Когда-то твоя леди-мать задумывала именно это, но тогда я была законнорожденной и благородной».

– Мой лорд так добр, что говорит мне это. – Алейна пригладила его волосы. Леди Лиза никогда не позволяла слугам касаться их, и после того, как она умерла, Роберт перенес несколько ужасных приступов дрожи, едва только кто-нибудь приближался к нему с лезвием. Поэтому его волосы росли до тех пор, пока не стали ниспадать по его круглым плечам, почти достигая его дряблой бледной груди. «У него прелестные волосы. Если боги будут добры и он проживет достаточно долго, чтобы жениться, его жена будет восхищаться его волосами, непременно. Хотя бы это ей в нем будет нравиться».

– Любое наше дитя будет незаконнорожденным. Только законный ребенок

дома Аррен сможет заменить сира Гаррольда в качестве твоего наследника. Мой отец найдет тебе подходящую жену, какую-нибудь высокородную деву намного красивее, чем я. Вы будете выезжать на конную охоту или охотиться с соколами вместе, и она будет давать тебе носить знаки своей благосклонности на турнирах. Скоро ты меня совсем позабудешь.

– Не забуду!

– Позабудешь. Ты должен. – Ее голос был тверд, но ласков.

– Лорд Орлиного Гнезда может поступать так, как пожелает. Разве я не смогу продолжать любить тебя, если женюсь на ней? У сира Гаррольда есть простолюдинка. Бенджикот говорит, что она носит его бастарда.

«Бенджикоту не мешает научиться держать свой дурацкий рот на замке».

– Так вот чего ты хочешь от меня? Бастарда? – Она освободила свои пальцы из его хватки. – Ты обесчестил бы меня так?

Мальчик выглядел пораженным.

– Нет. Я не имел в виду...

Алейна встала.

– Если милорд не возражает, я должна пойти и отыскать моего отца. Должен же кто-то встретить леди Уэйнвуд.

Прежде чем ее маленький лорд сумел найти слова для протеста, она присела в торопливом реверансе и покинула спальню, промчалась по залу и пересекла крытый мост к покоям лорда-протектора.

Когда она ушла от Петира Бейлиша тем утром, он завтракал со старым Освеллом, прибывшим прошлой ночью из Чаячьего города на взмыленном коне. Она надеялась, что они все еще беседуют, но покои Петира оказались пусты. Кто-то оставил окно открытым и кипу бумаг сдуло на пол. Солнце косо светило сквозь толстые желтые окна и пылинки плясали на свету, подобно крохотным золотым насекомым. Хотя снег покрывал пики Копья Гиганта в вышине, у подножья горы еще задержалась осень и озимая пшеница вызревала в полях. Из-за окна до нее доносился смех прачек у колодца, звон стали о сталь со двора, где тренировались рыцари. «Добрые звуки».

Алейне нравилось здесь. Она вновь ощущала себя живой, впервые с той поры, когда ее отец... с той поры, как лорд Эддард Старк умер.

Она закрыла окно, собрала упавшие бумаги и сложила их на столе. Одной из них был список участников соревнования. Шестьдесят четырех рыцарей пригласили состязаться за места в новом Братстве Крылатых Рыцарей лорда Роберта Аррена, и все шестьдесят четыре рыцаря явились схватиться за

право носить соколиные крылья на своих боевых шлемах и охранять своего лорда.

Соревнующиеся пришли со всей Долины, из низин меж гор и с побережья, из Чаячьего города и от Кровавых Ворот, даже с Трех Сестер. Немногие из них были помолвлены, а женаты были лишь трое: восемь победителей должны будут провести последующие три года при лорде Роберте в качестве его личной стражи (Алейна предлагала семерку, как в Королевской гвардии, но Зяблик упорствовал, что у него должно быть больше рыцарей, чем у короля Томмена), так что мужчин в летах с женами и детьми не призвали.

«И они явились, – подумала Алейна гордо. — Они все явились».

Все вышло именно так, как говорил Петир в тот день, когда улетели вороны. – Они молоды, нетерпеливы, жадны до приключений и почестей. Лиза не позволила им уйти на войну, и это второе преимущество. Шанс послужить их лорду и доказать свою доблесть. Они придут. Даже Гарри-Наследник. – Он пригладил ей волосы и поцеловал в лоб. – Какая же умная из тебя вышла дочь.

«Это было умно». Турнир, награды, крылатые рыцари – все это было ее замыслом. Мать лорда Роберта наполнила его страхами, но он всегда черпал отвагу из сказок о сире Артисе Аррене, Крылатом Рыцаре из легенд и основателе его рода, которые она читала ему. «Почему бы не окружить его Крылатыми Рыцарями? – подумала она как-то ночью, после того, как Зяблик наконец-то задремал. — Его собственной Королевской гвардией, что будет защищать его и сделает храбрым». И едва только она рассказала Петире о своей идее, как тот ее осуществил. «Он захочет быть здесь, чтоб приветствовать сира Гаррольда. Куда он мог уйти?»

Алейна пронеслась вниз по башенным лестницам и вошла в галерею с колоннами позади Великого Зала. Под ней слуги расставляли столы для вечернего пира, пока их жены и дочери убирали старый тростник и разбрасывали свежий. Лорд Нестор демонстрировал леди Ваксли свои драгоценные гобелены со сценами охоты и преследования. Те самые гобелены некогда висели в Красном Замке Королевской Гавани, когда Роберт восседал на Железном Троне. Джоффри велел снять их, и они томились в каком-то погребе до тех пор, пока Петир Бейлиш не устроил их доставку в Долину в качестве подарка Нестору Ройсу. Драпировки были прекрасны, но вдобавок Верховный Стюард наслаждался возможностью рассказать каждому, кто бы готов послушать, что некогда они принадлежали королю. В Великом чертоге Петира не оказалось. Алейна прошла через галерею и

спустилась по лестнице в толстой западной стене во внутренний двор, где и планировался турнир. Трибуны для всех приехавших зрителей уже возвели, как и четыре длинных барьера между ними. Люди лорда Нестора белили эти барьеры, драпировали яркими знаменами места на трибунах и развешивали щиты на воротах, через которые участники будут выезжать на поле.

В северном конце двора установили три столба с мишенями для копий, и некоторые из прибывших состязателей атаковали их. Алейна знала их по щитам: колокола Белмора, зеленые гадюки Линдерли, красная кувалда Брейкстоуна, черные и серые клинья дома Толлетт. Сир Микель Редфорт отправил одну из мишеней катиться кувыркком метко нанесенным ударом. Он был одним из тех, кто имел наибольшие шансы завоевать крылья.

Петира не было ни у мишеней, ни где-либо во дворе, но когда она уже развернулась уйти, ее позвал женский голос.

– Алейна! – кричала Миранда Ройс с вытесанной из камня скамьи под буком, где она сидела меж двух мужчин. Вид у нее был такой, будто бы она нуждается в спасении. Улыбнувшись, Алейна направилась к своей подруге. На Миранде были серое шерстяное платье, зеленый плащ с капюшоном, а лицо выражало полное отчаяние. По обе стороны от нее сидело по рыцарю. Тот, что был по правую руку — с седой бородой, лысой головой и животом, что переливался через поясной ремень, покоясь у него на коленях. Тому, что слева, не могло быть больше восемнадцати, он был строен, как копье. Его рыжие бакенбарды лишь отчасти скрывали гневно-красные прыщи, усеивавшие лицо.

Лысый рыцарь носил темно-синий сюрко, украшенный огромной парой розовых губ. Прыщавый рыжий парень противопоставил им девять белых чаек на коричневом поле, по которым в нем узнавался Шетт из Чаячьего города. Он так пристально разглядывал груди Миранды, что едва ли заметил Алейну прежде, чем Миранда встала ее обнять.

– Спасибо, спасибо, спасибо тебе, – шептала ей на ухо Миранда перед тем, как обернуться и произнести:

– Сир, могу ли я представить вам леди Алейну Стоун?

– Дочь лорда-протектора, – объявил лысый рыцарь, весь обратившись в искреннюю галантность. Он неуклюже поднялся. – Ровно такая прелестная, как говорят рассказы о ней, как вижу.

Не желая оставаться в стороне, прыщавый рыцарь вскочил и изрек:

– Сир Оссифер говорит верно, вы прекраснейшая дева всех Семи Королевств. То мог бы быть гораздо более учтивый комплимент, не будь он адресован ее

груди.

– Вы перевидели всех этих дев, сир? – спросила его Алейна. – Вы молоды для совершившего столь дальние путешествия.

Он покраснел, отчего его прыщи стали смотреться еще более разгневанно.

– Нет, я из Чаячьего города.

«А я нет, хотя Алейна родилась там». Придется ей быть осторожной в его присутствии.

– Я вспоминаю Чаячий город с теплотой, – сказала она ему с улыбкой столь неуловимой, сколь приятной. Миранду же она спросила:

– Ты случайно не знаешь, куда подевался мой отец?

– Позвольте мне отвести вас к нему, моя леди.

– Надеюсь, вы простите меня за то, что лишаю вас общества леди Миранды,

– сообщила Алейна рыцарям. Она не стала дожидаться ответа, но взяла старшую девушку за руку и потянула прочь от скамьи. Лишь уйдя от них вне пределов слышимости, она прошептала:

– Ты действительно знаешь, где мой отец?

– Нет, конечно. Пойдем быстрее, мои новые женихи могут следовать за нами,

– Миранда состроила гримасу. – Оссифер Липпе скучнейший рыцарь Долины, но Утер Шетт стремится отвоевать его лавры. Я молюсь, чтоб они сошлись в дуэли за мою руку и убили друг друга.

Алейна хихикнула.

– Лорд Нестор, конечно же, не примет всерьез сватовство от таких мужчин.

– О, он может. Мой лорд-отец рассержен на меня за убийство моего прошлого супруга и за то, что я подвергла его всем этим неприятностям.

– Не твоя вина, что он умер.

– Больше никого в постели не было, насколько я помню.

Алейна невольно содрогнулась. Муж Миранды умер, занимаясь с ней любовью.

– Те сестринцы, что прибыли вчера, были галантны, – произнесла она, желая сменить тему. – Если тебе не нравится сир Оссифер или сир Утер, выйди за кого-нибудь из них. Младший показался мне весьма милостивым.

– Тот, что в плаще из тюленьей шкуры? – недоверчиво спросила Миранда.

– Тогда один из его братьев.

Миранда закатила глаза.

– Они с Сестер. Ты слышала хоть про одного сестринца, который мог бы биться в рыцарском поединке? Они чистят свои мечи жиром трески и моются в ушатах холодной морской воды.

– Ну, – заметила Алейна, – по крайней мере, они чистые.

– Да у некоторых из них перепонки между пальцев. Я скорей выйду за лорда Петира и тогда стану твоей матерью. Насколько мал его мизинец, позволь узнать?

Алейна не почтила этот вопрос ответом.

– Леди Уэйнвуд с сыновьями скоро будет здесь.

– Это предложение или угроза? – поинтересовалась Миранда. – Первая леди Уэйнвуд, наверное, была кобылой. Как еще объяснить то, что у всех мужчин Уэйнвудов лошадиные лица? Если я когда-нибудь выйду за Уэйнвуда, ему придется поклясться надевать шлем каждый раз, как он вздумает меня трахнуть, причем забрало должно быть опущено. – Она ущипнула Алейну за руку. – Мой Гарри тоже будет с ними. Я вижу, что ты его исключила. Никогда не прощу тебя за то, что украла его у меня. Он тот молодец, за которого я хочу выйти.

– Помолвка была делом рук моего отца, – возразила Алейна, как делала сотни раз до того. «Она только шутит, – напомнила она себе. Но за шутками она слышала и боль.

Миранда остановилась и взглянула через двор на рыцарей, занятых тренировкой.

– А вот и супруг, какого мне надо.

В нескольких футах двое рыцарей дрались затупленными тренировочными мечами. Их клинки дважды столкнулись вместе, затем соскользнули друг с друга только чтобы оказаться принятыми на поднятые щиты, но более рослый мужчина попятился от силы удара. Алейна не могла видеть переднюю часть его щита там, где она стояла, но напавший на него носил трех воронов в полете, каждый из них стискивал в когтях по красному сердцу. «Три сердца и три ворона». Тут же она поняла, как кончится схватка. Несколькими мгновениями позже высокий человек без сознания растянулся в пыли с покосившимся шлемом. Когда его оруженосец расстегнул застёжки, чтоб обнажить ему голову, по его скальпу стекала кровь. «Не будь мечи тупыми, там были бы и мозги». Этот последний удар в голову был так тяжел, что Алейна поморщилась от жалости, когда он был нанесен. Миранда Ройс вдумчиво оглядела победителя.

– Как думаешь, если я попрошу вежливо, сир Лин согласится убивать для меня моих женихов?

– Вполне возможно – за пухлый мешок золота. – Сир Лин Корбрей вечно страдал от нехватки денег — о том ведала вся Долина.

– Увы, все, что у меня есть – пухлая пара грудей. Но в случае с сиром Лином пухлая колбаска под моими юбками послужит мне куда лучше.

Смех Алейны привлек внимание Корбрея. Он передал щит своему грубому на вид оруженосцу, снял шлем и стеганый койф.

– Леди. – Его длинные каштановые волосы прилипли к потному лбу.

– Хороший удар, сир Лин, – обратилась Алейна. – Но я боюсь, что ваш удар лишил бедного сира Оуэна сознания.

Корбрей бросил взгляд назад, туда, где его соперника уносил со двора оруженосец.

– Сознания у него не было с самого начала, иначе он бы не испытывал меня. Это правда, подумала Алейна, но какой-то озорной бес вселился в нее тем утром, поэтому она нанесла сире Лину собственный удар. Сладко улыбаясь, она сказала:

– Мой лорд-отец сказал мне, что новая жена вашего брата беременна.

Корбрей одарил ее мрачным взглядом.

– Лионель посылает свои сожаления. Он остается в Доме Сердец со своей дочкой коробейника, глядя, как растет ее живот, будто он первый мужчина, кто сделал девку беременной.

«О, да это открытая рана», – подумала Алейна. Первая жена Лионеля Корбрея приносила ему лишь хрупких, слабых малышей, которые умерли во младенчестве, и все те годы сир Лин оставался наследником своего брата. Когда бедная женщина, наконец, умерла, Петир Бейлиш вступил в дело и устроил лорду Корбрею новую женитьбу. Второй леди Корбрей было шестнадцать и она была дочерью состоятельного купца из Чаячьего города, но за ней было огромное приданое, и мужчины говорили, что она была высокой, сильной, здоровой девицей с большими грудями и хорошими, широкими бедрами. И плодовитой тоже, надо полагать.

– Мы все молимся, чтобы Мать благословила леди Корбрей легкими родами и здоровеньким ребенком, – произнесла Миранда. Алейна не могла сдержаться. Улыбнувшись, она добавила:

– Мой отец всегда счастлив послужить одному из преданных знаменосцев лорда Роберта. Я убеждена, он будет в восторге от возможности устроить брак и вам тоже, сир Лин.

– Как мило с его стороны, – губы Корбрея изогнулись в подобии улыбки, но Алейну от этого зрелища бросило в дрожь. – Но что мне за нужда в наследниках, когда я безземелен и, вероятно, останусь таковым, благодаря нашему лорду-протектору? Нет. Скажите вашему лорду-отцу, что я не

нуждаюсь в его племенных кобылах.

Яд в его голосе был так густ, что на мгновение она почти позабыла, что Лин Корбрей на самом деле был человеком ее отца, купленным и оплаченным.

«Или не был?» Возможно, вместо того, чтобы лишь носить личину врага Петира, он был его врагом на деле и лишь притворялся.

Одних только мыслей об этом было довольно, чтоб заставить ее голову кружиться. Алейна резко обернулась от двора... и натолкнулась на низкорослого человека с острыми чертами лица и копной рыжих волос, подошедшего к ней сзади. Его рука метнулась вперед и поймала ее предплечье прежде, чем она упала.

– Моя леди. Мои извинения, если я застал вас врасплох.

– Эта вина лежит на мне. Я не увидела, что вы здесь стоите.

– Мы, мыши, существа тихие.

Сир Шадрик был так мал ростом, что его без труда можно принять за оруженосца, но лицо его принадлежало человеку более старому. Она видела долгие лиги в морщинах уголков его рта, старые битвы в шраме под ухом и суровость в глазах, которых не может быть ни у какого юнца. Это был взрослый мужчина. Пусть даже Миранда возвышалась над ним.

– Вы будете добиваться крыльев? – спросила девица Ройс.

– Мышь с крыльями была бы глупым зрелищем.

– Быть может, попытаете силы в общей схватке? – предложила Алейна.

Общая схватка была запоздалой мыслью, подачкой для всех тех братьев, дядей, отцов и друзей, что сопровождали участников к Воротам Луны, чтобы увидеть, как те завоюют свои серебряные крылья, а также обещала награды для победителей и шанс выиграть выкуп.

– Хороший общий бой – все, о чем можно мечтать межевому рыцарю, если только он не спотыкнется о мешок драконов. А такое произойдет навряд ли, верно?

– Полагаю, что так. Но сейчас вы должны извинить нас, сир, нам нужно отыскать моего лорда-отца.

Рога прозвучали с вершины стены.

– Поздно, — сказала Миранда. – Они уже здесь. Придется нам воздать все почести самим. – Она заулыбалась. – Последняя, кто добежит до ворот, выйдет за Утера Шетта.

Они устроили гонку, стремглав бросившись через двор и мимо конюшен, взметнув юбками, пока рыцари и слуги одинаково глазели, а свиньи и куры разбегались от них прочь. Это было совершенно неподобающе для леди, но

Алейна обнаружила, что смеется. На время бега, позабыв, кто она и где находится, Алейна вспомнила ясные холодные дни в Винтерфелле, когда она носилась по замку со своей подругой Джейни Пуль, а Арья бежала за ними, стараясь не отстать.

Когда они достигли сторожки у ворот, обе они покраснелись и тяжело дышали. Миранда потеряла свой плащ где-то по дороге. Они появились вовремя. Опускная решетка была поднята, и колонна из двадцати всадников проезжала под ней. Впереди них ехала Аня Уэйнвуд, леди Железного Дуба, строгая и худощавая, ее каштановые с сединой волосы были обвязаны шарфом. Ее дорожный плащ из тяжелой зеленой шерсти, отделанный бурым мехом, был скреплен у горла брошью из черненого серебра со сломанным колесом ее дома.

Миранда Ройс выступила вперед и изобразила реверанс.

– Леди Аня. Добро пожаловать в Ворота Луны.

– Леди Миранда. Леди Алейна, – Аня Уэйнвуд наклонила голову к каждой из них в ответ. – Так учтиво с вашей стороны встретить нас. Позвольте мне представить моего внука, сира Роланда Уэйнвуда, – она указала кивком на рыцаря, который разговаривал. – А это мой младший сын, сир Уоллес Уэйнвуд. И, разумеется, мой воспитанник, сир Гаррольд Хардинг.

«Гарри-Наследник, – подумала Алейна. – Мой будущий муж, если только он согласится жениться на мне». Внезапный ужас заполнил ее. Она задумалась, не красное ли у нее лицо. «Не глазей на него, – напомнила она себе, – не пялься, не разглядывай, не пучь глаза. Гляди в сторону». Ее волосы, должно быть, были в жутком беспорядке после всей этой беготни. Ей понадобилось призвать всю свою волю, чтоб не дать себе начать заправлять выбившиеся пряди на место. «Забудь про дурацкие волосы. Волосы не имеют значения. Главное – он. Он и Уэйнвуды».

Сир Роланд был старшим из трех, хотя было ему не больше двадцати пяти. Он был выше и крепче сбит, чем сир Уоллес, но оба они были длиннолицыми, с широкими выступающими челюстями, тонкими каштановыми волосами и тонкими носами. «Неказистые и лица лошадиные», – подумала Алейна.

А вот Гарри...

«Мой Гарри. Мой лорд, мой любимый, мой жених».

Сир Гаррольд Хардинг выглядел как придворный муж каждым дюймом: пригожий и с чистыми руками, прямой как копье, с крепкими мышцами. Мужчины, достаточно пожившие, чтобы знать Джона Аррена в молодости,

говорили, что сир Гаррольд похож на него. У него были светлые песочного цвета волосы, светлые голубые глаза и орлиный нос. «Джоффри тоже был хорош собой, – напомнила она себе. – Красивое чудовище, вот чем он был. Маленький лорд Тирион был добр, хотя и был искривлен».

Гарри разглядывал ее. «Он знает, кто я, – поняла она, – И не похоже, что он рад меня видеть». Только тогда она обратила внимание на его геральдические знаки. Хотя его сюрко и сбрую его коня украшали красные и белые ромбы дома Хардингов, щит его был расчленен. Гербы Хардингов и Уэйнвудов занимали первую и третью четверти соответственно, но на второй и четвертой изображались луны и соколы дома Аррен, кремовые на небесно-голубом. Зяблику это не понравится.

Сир Уоллес спросил:

– Мы п-п-последние?

– Да, сир, – ответила Миранда Ройс, совершенно не замечая его заикания.

– К-к-когда начнутся б-б-бои?

– О, молюсь о том, чтобы скоро, – ответила Миранда. – Некоторые из состязателей пробыли здесь почти целый поворот луны, угощаясь мясом и медом моего отца. Все добрые молодцы и весьма храбрые... но они и едят довольно много.

Уэйнвуды засмеялись, и даже Гарри-Наследник позволил себе легкую улыбку.

– На перевалах шли снега, если б не это, мы добрались бы сюда скорей, – сказала леди Аня.

– Знай мы, что такая красота поджидает нас в Воротах, мы бы прилетели, – сказал сир Роланд, и хотя его слова предназначались Миранде Ройс, улыбнулся он Алейне.

– Чтобы летать нужны крылья, – ответила Миранда. – А здесь есть рыцари, которым есть что возразить на этот счет.

– Жду не дождусь оживленной беседы, – сир Роланд соскочил со своего коня, обернулся к Алейне и улыбнулся. – Я слышал, что дочь лорда Мизинца красива лицом и полна изящества, но никто не сказал мне, что она воровка.

– Вы с кем-то путаете меня, сир. Я не воровка!

Сир Роланд поместил ее руку над своим сердцем.

– Как тогда вы объясните дыру в моей груди, из которой похитили сердце?

– Он всего лишь д-дразнит вас, моя леди, – прозаикался сир Уоллес. – У моего п-п-племянника никогда не было сердца.

– У колеса Уэйнвудов есть сломанная спица, а у нас есть мой дядюшка.

Сир Роланд отвесил Уоллесу подзатыльник.

– Оруженосцу должно помалкивать, когда говорят рыцари.

Сир Уоллес налился краской.

– Я больше не оруженосец, моя леди. Моему племяннику прекрасно известно, что я был п-пр-произ-пр-пр-произ...

– Посвящен? – мягко предложила Алейна.

– Посвящен, – с благодарностью согласился Уоллес Уэйнвуд.

«Робб был бы в его годах, будь он еще жив, – не удержалась она от мысли, – Но Робб умер королем, а это всего лишь мальчик.

– Мой лорд-отец отвел вам комнаты в Восточной Башне, – сообщила Миранда леди Уэйнвуд, – но боюсь, что вашим рыцарям придется делить постели. Ворота Луны не предназначались для столь большого числа благородных гостей.

– Вам в Соколиную Башню, сир Гаррольд, – вставила Алейна. «Подальше от Зяблика». Так было задумано, она знала. Петир Бейлиш не предоставлял подобные вопросы случаю. – Если вам будет приятно, я покажу вам ваши покои сама.

На сей раз ее глаза встретились с глазами Гарри. Она улыбнулась лишь для него, и произнесла беззвучную молитву Деве. «Пожалуйста, ему не нужно любить меня, только сделай, чтобы я ему понравилась, совсем немного — этого будет пока довольно».

Сир Гаррольд холодно посмотрел на нее сверху вниз.

– С чего бы мне было приятно общество мизинцевой бастардки?

Все три Уэйнвуда искоса взглянули на него.

– Ты здесь в гостях, Гарри, – напомнила ему леди Аня, от ее голоса веяло морозом. – Постарайся это запомнить.

«Вежливость – доспехи леди». Алейна ощущала, как кровь приливает к ее лицу. «Только бы не слезы, – молила она. – Пожалуйста, пожалуйста, я не должна плакать.

– Как пожелаете, сир. А теперь, если вы меня извините, мизинцева бастардка должна отыскать своего лорда-отца и дать ему знать, что вы прибыли, чтобы завтра мы могли начать турнир. – «И да споткнется ваш конь, Гарри-Наследник, чтобы вы упали на свое дурацкое лицо в первой же схватке». Она выслушала Уэйнвудов с каменным лицом, пока те бормотали неуклюжие извинения за своего спутника. Когда они закончили, она развернулась и бросилась вон.

Неподалеку от крепости она врезалась в сира Лотора Брюна и едва не сбила того с ног.

– Гарри-Наследник? Гарри-Задница, я бы сказал. Он всего лишь оруженосец-выскочка.

Алейна была так благодарна, что обняла его.

– Спасибо вам. Видели ли вы моего отца, сир?

– Внизу, в подвалах, – ответил сир Лотор, – проверяет зернохранилища лорда Нестора с лордами Графтоном и Белмором.

Подвалы были велики, темны и грязны́. Алейна зажгла фитиль и подхватила юбку, спускаясь. Почти в самом низу она услышала раскатистый голос лорда Графтона и последовала на звук.

– Торговцы требуют купли, а лорды требуют продажи, – говорил лорд из Чаячьего города, когда она нашла их. Пусть не высокий, Графтон был широк, с толстыми руками и плечами и русой копной волос. – Как же мне прекратить это, мой лорд?

– Поставьте стражников в доках. Если потребуется, задерживайте корабли. Не имеет значения, каким образом, лишь бы пища не покидала Долину.

– Но цены... – возразил лорд Белмор, – эти цены более чем справедливы.

– Вы говорите — более чем справедливы, мой лорд. А я скажу — меньше, чем мы могли бы пожелать. Ждите. Если потребуется, закупите еды сами и храните ее. Зима близко. Цены поднимутся еще выше.

– Возможно, – ответил Белмор с сомнением.

– Бронзовый Джон не станет ждать, – пожаловался Графтон. – Ему не нужны корабли, идущие через Чаячий город, у него есть свои порты. Пока мы стережем наши урожаи, Ройс и другие лорды Хартии превратят свои в серебро, в этом можно быть уверенным.

– Понадеемся на то, – сказал Петир. – Когда их амбары опустеют, им понадобится каждый кусочек того серебра, чтобы выкупить пищу у нас. А сейчас, если вы меня извините, мои лорды, похоже, я понадобился моей дочери.

– Леди Алейна, – поприветствовал лорд Графтон. – Этим утром ваши глаза особенно блестят.

– Это так любезно с вашей стороны, мой лорд. Отец, сожалею, что потревожила тебя, но я подумала, что ты захочешь узнать, что Уэйнвуды прибыли.

– И сир Гаррольд с ними?

«Ужасный сир Гаррольд».

– Да.

Лорд Белмор засмеялся.

– Никогда бы не подумал, что Ройс позволит ему явиться. Он слеп, или просто глупец?

– Он честен. Иногда это означает то же самое. Если б он лишил парня возможности проявить себя, это могло бы внести меж ними разлад, так почему бы не позволить ему принять участие в схватках? Юноша все равно не опытен настолько, чтобы заполучить место среди Крылатых Рыцарей.

– Полагаю, что так, – неохотно ответил Белмор. Лорд Графтон поцеловал Алейне руку и оба лорда направились прочь, оставив ее наедине с ее лордом-отцом.

– Подойди, – сказал Петир. – Идем со мной.

Он взял ее за руку и повел вглубь подвала, по пустому подземелью.

– И как же прошла твоя первая встреча с Гарри-Наследником?

– Он ужасен.

– Мир полон ужасов, милая. Теперь-то ты должна это знать. Ты насмотрелась на них предостаточно.

– Да, – сказала она. – Но почему он такой жестокий? Он назвал меня твоим бастардом. Прямо во дворе, на глазах у всех.

– Насколько ему известно, ты и есть мой бастард. Эта помолвка не была его идеей, и Бронзовый Джон, вне всякого сомнения, предостерег его насчет моих уловок. Ты моя дочь. Он не доверяет тебе и полагает, что ты недостойна его.

– Что ж, это не так. Он может считать себя великим рыцарем, но сир Лотор говорит, что он всего лишь выскочка-оруженосец.

Петир приобнял ее одной рукой.

– Так и есть, но вместе с тем он наследник Роберта. Привести его сюда было первой частью нашего плана, но теперь нам нужно его задержать, и сделать это можешь лишь ты. Он питает слабость к милым личикам, а чье личико краше твоего? Очаруй его. Обворожи его. Околдуй.

– Но я не знаю, как, – произнесла она горестно.

– А я думаю, что знаешь, – ответил Мизинец, улыбаясь одной из тех улыбок, что не достигают его глаз. – Сегодня ночью ты будешь прекраснейшей женщиной в зале, такой же прелестной, как твоя леди-мать в твоем возрасте. Я не могу посадить тебя на помосте, но у тебя будет почетное место выше соли, под настенным канделябром. Огонь будет сиять в твоих волосах, так что всякий увидит, как ты хороша лицом. Не выпускай из рук тяжелую

длинную ложку, чтобы отбиваться от оруженосцев, сладкая. Тебе не нужны путающиеся под ногами зеленые юнцы, когда рыцари окружают тебя, моля о знаке благосклонности.

– Кому нужна благосклонность бастарда?

– Гарри, если ему досталось хотя бы столько ума, сколько боги даруют гусю... Но не соглашайся предоставить ему свою благосклонность.

Предпочти вместо него еще кого-нибудь галантного. Ты ведь не хочешь казаться слишком нетерпеливой.

– Нет, – произнесла Алейна.

– Леди Уэйнвуд будет настаивать, чтобы Гарри потанцевал с тобой, это я могу тебе обещать. Это и будет твой шанс. Улыбнись юноше. Коснись его, когда будешь говорить. Подразни его, чтобы уколоть его гордость. Если он ответит, скажи, что чувствуешь себя дурно, и попроси его вывести тебя наружу подышать свежим воздухом. Ни один рыцарь не откажет в такой просьбе прекрасной деве.

– Да, – согласилась она, – но он же считает, что я бастардка.

– Прекрасная бастардка, и дочь лорда-протектора. – Петир притянул ее ближе и поцеловал в обе щеки. – Ночь принадлежит тебе, милая. Помни об этом всегда.

– Я постараюсь, отец, – сказала она.

Пиршество оказалось именно таким, как обещал ей отец.

Было подано шестьдесят четыре блюда в честь шестидесяти четырех участников турнира, приехавших посоперничать за серебряные крылья перед их лордом. Из рек и озер прибыли щука, форель и лосось, из морей – крабы, треска и сельдь. Тут были и утки, и каплуны, и павлины в оперении, и лебеди в миндальном молоке. Были поданы молочные поросята в хрустящей корочке с яблоками во ртах, а три огромных зубра были зажарены целиком над ямами с огнем в замковом дворе, будучи так велики, что их нельзя было пронести через двери кухни. Караваи горячего хлеба заполняли столы в зале лорда Нестора, огромные колеса сыра извлекались из подвалов. Масло было только-только сбито, были и лук-порей, и морковь, жареный лук, свекла, репа, пастернак. Но восхитительней всего было изготовленное поварами лорда Нестора великолепное лакомство – лимонный торт в форме Копья Гиганта, двенадцати футов высотой и украшенный сахарным Орлиным Гнездом.

«Для меня», – подумала Алейна, когда его выкатили вперед. Зяблик тоже любил лимонные пирожные, но только после того, как она сказала, что они –

ее любимые. На торт пошли все лимоны в Долине, но Петир обещал, что пошлет за добавкой в Дорн.

Тут были и подарки, изумительные подарки. Каждый из соревнующихся получил плащ из серебряной парчи с брошью из ляписа в виде пары соколиных крыльев. Тонкие стальные кинжалы были подарены братьям, отцам и друзьям, что пришли наблюдать за схватками. Матерям, сестрам и прекрасным леди достались рулоны шелка и мирийские кружева.

– У лорда Нестора щедрые руки, – донеслись до Алейны слова сира Эдмунда Брейкстоуна.

– Щедрые руки и мизинец, – ответила леди Уэйнвуд, кивнув Петиру Бейлишу. Брейкстоун не был туп, чтобы не понять смысла ее слов.

Подлинным источником обильных даров был не лорд Нестор, а лорд-протектор.

После того, как был подан и убран десерт, столы подняли с козел, чтоб расчистить место для танцев, и привели музыкантов.

– А разве певцов не будет? – спросил Бен Колдуотер.

– Маленький лорд не может их выносить, – ответил сир Лимонд Линдерли. – Это после Мариллиона.

– Ах... тот человек, что убил леди Лизу, не так ли?

Алейна вступила в разговор:

– Его пение весьма ей нравилось, и она уделяла ему слишком много внимания, должно быть. Когда она вышла за моего отца, он обезумел и вытолкнул ее в Лунную Дверь. С тех пор лорд Роберт ненавидит пение. Но ему все еще нравится музыка.

– Равно как и мне, – сказал Колдуотер. Поднявшись, он предложил Алейне руку. – Почтите ли вы меня танцем, миледи?

– Вы очень добры, – ответила она, в то время как он повел ее на площадку. Он был ее первым партнером в тот вечер, но отнюдь не последним. Как и обещал ей Петир, молодые рыцари стекались к ней, соперничая за ее благосклонность. После Бена был Эндрю Толлетт, приятной наружности сир Байрон, красноносый сир Моргарт и сир Шадрик Бешеная Мышь. Потом был сир Албар Ройс, тучный и туповатый брат Миранды и наследник лорда Нестора. Она протанцевала со всеми тремя Сандерлендами: ни у кого из них не оказалось перепонок меж пальцев, но за пальцы ног она поручиться не могла. Утер Шетт появился, дабы расточать сальные похвалы, попутно наступая ей на ноги, зато сир Таргон Полудикий оказался самым воплощением учтивости. После того сир Роланд Уэйнвуд перехватил ее и

рассмешил своими комментариями о половине собравшихся в зале рыцарей. Его дядя Уоллес в свою очередь попытался сделать то же самое, но слова не шли. В конце концов Алейна сжалась над ним и принялась весело щебетать, дабы уберечь его от чувства неловкости. Когда танец завершился, она извинилась и вернулась на свое место, чтобы выпить вина.

Там он и стоял, Гарри Наследник собственной персоной. Высокий, привлекательный, хмурающийся.

– Леди Алейна. Могу ли я потанцевать с вами?

Она задумалась на миг.

– Нет. Думаю, нет.

Краска прихлынула к его щекам.

– Я был непростительно груб с вами во дворе. Вы должны простить меня.

– Должна? – она тряхнула волосами и отпила глоток вина, заставив его подождать. – Как вообще простить кого-то, кто непростительно груб? Может быть, вы объясните мне, сир?

Сир Гаррольд выглядел сконфуженным.

– Прошу. Один танец.

«Очаруй его. Обворожи его. Околдуй».

– Если вы настаиваете.

Он кивнул, предложил свою руку и повел ее танцевать. Пока они ждали продолжения музыки, Алейна бросила взгляд на возвышение, где сидел, глядя на них, лорд Роберт. «Пожалуйста, – молилась она, – Только бы он не начал трястись и дрожать. Не здесь. Не сейчас». Мейстер Колемон должен был убедиться, что он выпил большую дозу сладкого молока перед пиром, но все же...

Тут музыканты вновь начали играть, и она танцевала.

«Скажи что-нибудь, – упрашивала она себя. — Ты никогда не заставишь сира Гарри полюбить тебя, если у тебя не хватает храбрости заговорить с ним».

Должна ли она сказать ему, какой он искусный танцор? «Нет, должно быть, это он слышал уже дюжину раз за ночь. К тому же, Петир сказал, что я не должна казаться нетерпеливой». Вместо этого она выговорила:

– Я слышала, вы скоро станете отцом.

Это было не совсем то, что большинство девиц могли бы сказать своему почти-жениху, но ей хотелось посмотреть, станет ли сир Гарри лгать.

– Во второй раз. Моей дочери Алис два года.

«Твоей дочери-бастардке Алис», – подумала Алейна, но сказала только:

– У той была другая мать.

– Да. Девчушка была прелестна, когда я ее встретил, но роды превратили ее в толстую корову, так что леди Аня устроила ей брак с одним из своих всадников. С Шафран все иначе.

– Шафран? – Алейна попыталась не рассмеяться. – Ее правда так зовут? Сир Гаррольд хватило приличия, чтобы покраснеть.

– Ее отец говорит, что она для него дороже, чем золото. Он богат, один из богатейших людей в Чаячьем городе. Сделал состояние на специях.

– И как же вы назовете дитя? – спросила она. – Если будет девочка, то Корицей? А мальчика Гвоздикой?

Это едва не заставило его оступиться.

– Моя леди изволит шутить.

– О, вовсе нет. – «Петир взвояет, когда я расскажу ему, что говорила».

– Шафран очень красива, скажу я вам. Высокая и стройная, с большими карими глазами и волосами, как мед.

Алейна подняла голову.

– Красивее меня?

Сир Гаррольд изучал ее лицо.

– Вы довольно милостивы, я признаю. Когда леди Аня сказала мне об этой партии, я побоялся, что вы будете похожи на отца.

– Вы про острую маленькую бородку? – Алейна смеялась.

– Я не имел в виду...

– Надеюсь, бьетесь вы лучше, чем говорите.

Мгновение он выглядел шокированным. Но когда песня уже подходила к концу, он расхохотался.

– Никто не говорил мне, что вы умны.

«У него хорошие зубы, – подумала она. — Прямые и белые. И когда он улыбается, у него появляются чудные ямочки». Она провела пальцем по его щеке.

– Если мы когда-нибудь поженимся, вам придется отправить Шафран обратно к ее отцу. Я стану всеми праностями, какими только захотите.

Он расплылся в улыбке.

– Я буду надеяться на ваше обещание, моя леди. А до того дня, могу ли я надеть знак вашей благосклонности на турнире?

– Нет. Он уже обещан... другому, – она пока не была уверена, кому именно, но знала, что кого-нибудь найдет.

Арианна I ²

Поутру, когда она покидала Водные Сады, отец встал со своего кресла, чтобы расцеловать ее в обе щеки.

– В твоих руках судьба Дорна, дочь, – сказал он, вкладывая ей в ладонь пергамент с посланием. – Пусть твое путешествие будет быстрым и безопасным. Будь моими глазами, моими ушами, моим голосом... и прежде всего, береги себя.

– Поберегу, отец.

Она не плакала – Арианна Мартелл была принцессой дорнийской, а дорнийцы не тратят воду по пустякам. Но до слез дело едва-едва не дошло: не поцелуи отца заставили глаза Арианны увлажниться, не его осипший голос, а то усилие, с которым он поднялся на ноги – больные, трясущиеся, с раздувшимися, набрякшими от подагры коленями. Встав с кресла, Доран Мартелл показывал свою любовь; встав, он показывал свою веру.

«Он в меня верит, и я его не подведу».

Всемерóm они отправились в путь на семи дорнийских пустынных конях. Маленький отряд двигался быстрее бы, чем большой, но наследнице Дорна не под стать путешествовать в одиночестве. Из Дара Богов прибыл сир Деймон Сэнд – бастард, когда-то оруженосец принца Оберина, теперь присягнувший мечом Арианне. Из Солнечного Копья явилась пара отважных юных рыцарей, Джосс Худ и Гарибальд Шеллс, чтобы вручить Арианне свои мечи. Водные Сады прислали ей семь воронов и рослого юношу, чтобы ухаживать за ними. Его звали Нэт, но этот Нэт столько времени провел со своими птицами, что иначе как Пырышком его никто не называл. И, поскольку у принцессы должны быть свои фрейлины, спутницами Арианны стали прекрасная Джейн Ледибрайт и дикая Элия Сэнд, девица четырнадцати лет.

Они отправились к северу через северо-запад, через засушливые земли, прокаленные солнцем равнины и бледные пески к Призрачному Холму, твердыне дома Толандов – там их ждал корабль, который перевезет принцессу и ее спутников через Дорнийское море.

– Посылай ворона, как только у тебя появятся новости, – велел ей принц Доран, – но пиши только о том, что знаешь доподлинно. Мы здесь блуждаем в тумане, в лабиринте слухов, небылиц, моряцких баек. Я и пальцем не

² пер. Xavier Xanbie, <http://7kingdoms.ru/2013/spojlernaya-glava-vetrov-zimy-arianna-i/>

пошевелю, пока не буду знать точно, что творится.

«А творится война, – думала Арианна. – И в этот раз Дорн она не минует». – К нам идут смерть и погибель, – предупредила их Эллэрия Сэнд, прежде чем сама покинула дворец принца Дорана. – Самое время моим маленьким змейкам разделиться – тем больше шансы пережить войну.

Эллэрия вернулась в замок своего отца – Адову Нору, и с собой она забрала младшую дочь Лорезу, которой только-только исполнилось семь. Дорей осталась в Водных Садах, затерявшись среди доброй сотни других детей. Обеллу должны были отправить в Солнечное Копье – служить чашницей жене кастеляна Манфри Мартелла.

А Элия Сэнд – старшая из четырех дочерей Эллэрии и принца Оберина – пересечет Дорнийское море вместе с Арианной.

– Как леди, а не как воин, – твердо сказала ее мать, но, как и все песчаные змейки, Элия была себе на уме.

Два дня и почти две ночи они ехали через пустыню, трижды сделав остановку, чтобы сменить лошадей. Арианна чувствовала себя одинокой в окружении незнакомцев. Элия приходилось ей кузиной, но это был еще наполовину ребенок, а Деймон Сэнд... Арианна не могла относиться к нему так, как прежде – до того, как бастард из Дара Богов посватался к ней, и Доран Мартелл отказал ему. Деймон был тогда еще мальчишкой, к тому же незаконнорожденным, и не годился в мужья принцессе дорнийской – чем он думал? И это было решение ее отца, а не ее собственное. Других своих спутников она почти и не знала.

Арианне не хватало ее старых друзей. Дрю, Гаррин и милая Сильва-Крапинка были неразлучны с принцессой с детства – верные товарищи, которые хранили секреты, подбадривали, когда ей было грустно, помогали ей одолеть свои страхи. Один из них ее предал – и все же Арианне не хватало их всех в равной степени.

«Это моя вина».

Арианна впутала их в свой заговор – похитить Мирцеллу Баратеон, короновать ее, маленьким мятежом заставить отца поднять большой – но чей-то неверный язык испортил все дело. Наивный сговор кончился ничем – разве что бедная Мирцелла лишилась части лица, а сир Арис Окхарт – жизни. И сира Ариса не хватало Арианне – много сильнее, чем ей хотелось бы. «Он обезумел от любви ко мне, – говорила себе принцесса, – а он мне в лучшем случае нравился. Я завлекла его к себе постель и в свой заговор, присвоила его любовь и его честь, а ему не отдала ничего, кроме своего тела. В конце

концов, после того, что мы сделали, ему захотелось жить».

Иначе зачем ее белый рыцарь ринулся на секиру Арео Хотеха и умер так, как он умер?

«Своенравная дурочка сыграла в игру престолов так, словно пьяница мечет кости в таверне».

Дорого ей обошлась эта игра. Дрю услали прочь за полмира – в Норвос, Гаррина – в Тирош на два года; милую веселую глупышку Сильву отдали в жены Элдону Эстермонту, который годился ей в деды. Сир Арис расстался с жизнью, а Мирцелла с ухом.

Один только сир Герольд Дейн удрал в целости и сохранности. «Темная Звезда». Не шарахнись в последний момент лошадь Мирцеллы, меч раскрыл бы девочку от груди до пояса – а так ей только отрубил ухо. Дейн был худшим из грехов Арианны, тем, о котором принцесса жалела больше всего. Одним ударом меча он превратил неуклюжий заговор в нечто грязное и кровавое. Милостью богов к этому дню Обара Сэнд уже загнала Темную Звезду в его горную крепость и прикончила его.

Именно это она и сказала Деймону Сэнду в первый вечер, когда они остановились на привал.

– Поосторожнее с молитвами, принцесса, – ответил он. – Темная Звезда и сам запросто может прикончить Обару.

– Вместе с ней Арео Хотех, – капитан стражи принца Дорана убил сира Ариса Окхарта одним ударом, хотя рыцари Королевской Гвардии считались лучшими бойцами во всем государстве. – Ни одному человеку не выстоять против Хотеха.

– Кем-кем вы назвали Темную Звезду? Человеком? – сир Деймон скривился.

– Человек не сделал бы того, что Дейн сделал с принцессой Мирцеллой. Сир Герольд куда больше заслуживает звания змеи, чем ваш дядя. Принц Оберин видел, что это за ядовитая гадина, он не раз так говорил – жаль, что так и не потрудились ее раздавить.

«Гадина, – подумала Арианна. – Да. Вот только красивая гадина». Вот что ее провело – Герольд Дейн был черств и жесток, но так прекрасен на вид, что принцесса и наполовину не поверила тем слухам, что о нем ходили.

Красивые юноши всегда были ее слабостью – особенно те, в ком чувствовалось что-то темное и опасное. «Это было раньше, когда я была девочкой, – говорила она себе. – Теперь я женщина, дочь своего отца. Я усвоила урок».

С рассветом они снова отправились в путь. Элия Сэнд скакала впереди, и

черная коса вилась у нее за спиной, когда всадница неслась галопом по растрескавшимся сухим равнинам и вверх по склонам холмов. Эта девочка одержима лошадьми – вот почему от нее и разит лошадью, к неудовольствию ее матери. Иногда Арианна от всей души жалела Элларию: четыре дочери, и каждая из них – дочь своего отца.

Остальной отряд двигался более умеренным темпом. Принцесса оказалась рядом с сиром Дейемоном и вспоминала другие конные прогулки прошлых лет, прогулки, которые часто заканчивались объятиями. Арианна ловила себя на брошенных украдкой взглядах в сторону Дейемона – как он высок, как величав в седле – и напоминала себе, что она наследница Дорна, а он всего лишь ее телохранитель.

– Расскажи, что ты знаешь об этом Джоне Коннингтоне, – велела она.

– Он мертв, – сказал Дейемон Сэнд. – Погиб на Спорных Землях. Или спился – я слышал и такие рассказы.

– Значит, этой армией командует мертвый пьяница?

– Может, этот Джон Коннингтон – сын того, покойного. Или просто какой-то хитрый наемник присвоил имя мертвеца.

– А может, он никогда и не умирал, – что, если Коннингтон все эти годы только прикидывался мертвым? Тогда у него терпения не меньше, чем у ее отца. От этой мысли Арианне стало беспокойно. Вести переговоры с человеком таких качеств может быть опасно. – На что он был похож... при жизни?

– Когда его отправили в изгнание, я был еще ребенком в Даре Богов. Я его не знал.

– Значит, расскажи мне о том, что услышал о нем от других.

– Как велит принцесса. Коннингтон был лордом Гнезда Грифонов, когда Гнездо Грифонов еще было лордством. Оруженосцем принца Рейегара – или одним из оруженосцев. Потом – другом и спутником Рейегара. Во время восстания Роберта Безумный Король сделал Коннингтона десницей, но в Каменной Септе состоялась Колокольная битва, десница был разбит, и Роберт улизнул от него. Король Эйерис пришел в ярость и отправил Коннингтона в ссылку. Там он и умер.

– Или не умер, – все это ей рассказывал принц Доран. Должно быть что-то еще. – Это просто вещи, которые он делал, я все это и так знаю. Каким человеком он был. Честным и благородным, алчным и корыстным, гордым?

– Гордым – это уж точно. Даже горделивым. Рейегару он был верным другом, но с другими он вел себя колко. Роберт был его сюзереном, но, как я

слышал, Коннингтону не по нраву была служба у такого лорда. Даже в те времена Роберта интересовали в основном шлюхи и вино.

– Значит, самого лорда Джона шлюхи не интересовали?

– Я этого не говорил. Некоторые предпочитают держать свои постельные похождения в тайне.

– У него была жена? Любовница?

Сир Деймон пожал плечами.

– Ни о чем подобном я не слышал.

Это тоже озаботило Арианну. Сир Арис Окхарт нарушил присягу ради нее, но, похоже, Джона Коннингтона так легко поколебать не удастся. «Как я буду противостоять такому человеку, когда у меня нет ничего, кроме слов?»

Принцесса погрузилась в молчание, размышляя, что ждет ее в конце путешествия. Вечером, когда они остановились на привал, Арианна укрылась в шатре, который делила с Джейн Ледибрайт и Элией Сэнд, и вытащила из рукава пергамент, чтобы заново перечитать послание.

Принцу Дорану из дома Мартеллов

Вы вспомните меня, надеюсь. Я хорошо знал вашу сестру и был верным слугой вашему зятю. Как и вы, я скорблю по ним обоим.

Я жив, и жив сын вашей сестры. Чтобы спасти ему жизнь, мы долго скрывались, но настала пора показаться на свет. Дракон вернулся в Вестерос, чтобы заявить свое право на то, что принадлежит ему с рождения, и отомстить за своего отца, и принцессу Элию – свою мать. Ради нее я обращаюсь к Дорну: не оставьте нас.

Джон Коннингтон,

лорд Гнезда Грифонов,

десница истинного короля.

Арианна прочла письмо трижды, затем скатала и запихнула назад в рукав. «Дракон вернулся в Вестерос», гласило послание, но это был не тот дракон, которого ждал отец. Письмо ни словом не обмолвилось ни о Дейенерис Бурерожденной... ни о принце Квентине, родном брате Арианны, отправленном к трону драконьей королевы. Принцесса вспоминала, как отец вложил ей в руки кайвассную фигурку из оникса и тихим сиплым голосом излагал свой план. «Долгое и опасное путешествие, исход которого предсказать нельзя, – сказал отец. – Обрато он должен привезти то, чего желают наши сердца. Возмездия. Справедливости. Огня и крови».

И Джон Коннингтон – если это и вправду был он – тоже предлагал огонь и кровь. Или нет?

– Он явился с наемниками, но без драконов, – поведал ей принц Доран в ту самую ночь, когда прилетел ворон. – Золотые Мечи – лучший и крупнейший из всех наемных отрядов, но десяти тысячам наемников не завоевать Семь Королевств. Сын Элии... Я лил бы слезы радости, если родная кровь моей сестры осталась жить на свете, но где доказательства, что это Эйегон? – его голос надломился. – Где драконы, – спрашивал Доран Мартелл. – Где Дейенерис?

И Арианна знала, что на самом деле он спрашивает: «Где мой сын»? На Костяном Пути и Принцевом перевале сгрудились два дорнийских войска; там они стояли, точили копья, полировали доспехи, играли в кости, пили, ссорились, с каждым днем их ряды редели – и все они ждали, ждали, ждали того дня, когда принц дорнийский спустит их на врагов дома Мартеллов. «Они ждут драконов. Огня и крови. Меня». Одно слово Арианны – и армии выступят в поход... если этим словом будет «дракон». Если вместо этого она пришлет им слово «война», лорды Айронвуд и Фоулер и их войска не сдвинутся с места. Принц дорнийский был сама осторожность: в его устах «война» означало «ждите».

На третий день, в середине утра, на горизонте показался Призрачный Холм – белые меловые стены сияли на фоне лазури Дорнийского моря. На квадратных башнях в углах замка трепетали знамена дома Толандов: зеленый дракон, кусающий свой собственный хвост, на золотом поле. Солнце и копье дома Мартеллов полоскались над главной центральной башней – золото-красно-оранжевые, непокорные.

Принц Доран послал вперед воронов, чтобы известить леди Толанд о приходе Арианны и ее спутников, так что ворота замка были открыты, и старшая дочь Нимеллы вместе со своим стюардом выехала навстречу, чтобы встретить гостей у подножия холма. Валена Толанд – высокая и бодрая – приветствовала Арианну криком:

– А, наконец-то! Неспешные у вас кони!

– Достаточно быстры, чтобы обогнать твоего до ворот замка.

– Поглядим.

Валена развернула своего огромного рыжего коня и пришпорила, и понеслась гонка по пыльным улицам деревни под холмом, и куры и крестьяне разбежались с дороги. В тот момент, когда Арианна пустила свою кобылу галопом, она отставала на три корпуса, но на склоне холма сократила разрыв до одного. Бок о бок они неслись к воротам, но в пяти ярдах от ворот из облака пыли вырвалась Элия Сэнд, чтобы пронестись мимо на своей

черной кобылке.

– Не лошадь ли ты сама наполовину, дитя? – захохотала во дворе Валена. – Принцесса, вы привели с собой конюшонку?

– Я Элия, – объявила девочка. – Леди Копье.

Кто бы ни сочинил ей это прозвище, ему предстояло за это ответить – впрочем, его наверняка выдумал сам принц Оберин, а Красный Змей ни перед кем не держал ответа, кроме себя самого.

– А, девочка-поединщица, – сказала Валена. – Да, я о тебе слышала. Раз уж ты первой оказалась во дворе – честь напоить и разнуздать лошадей принадлежит тебе.

– А после этого поищи купальню, – добавила принцесса Арианна. Элия была в мелу и пыли с макушки до пят.

В этот вечер Арианна и ее рыцари ужинали с леди Нимеллой и ее дочерьми в великом чертоге замка. У Теоры – младшей дочери – были те же рыжие волосы, что и у Валены, но в остальном они были ничем не похожи. Теора была мала ростом, толста и так застенчива, что могла бы сойти за немую – она уделяла больше внимания жаркому с перцем и утке в меду, чем пригожим юным рыцарям за тем же столом, и предоставляла своим матери и старшей сестре говорить за весь дом Толандов.

– До нас доходят те же самые слухи, что и до вас в Солнечном Копье, – сказала гостям леди Нимелла. – Наемники высаживаются на мысе Гнева, замки осажжены или уже пали, посевы разорены или сожжены. Никто толком не знает, откуда взялись эти люди и кто они.

– Сначала говорили, что это пираты и авантюристы, – сказала Валена. – Затем полагали, что это Золотые Мечи. Теперь говорят, что это Джон Коннингтон, десница Безумного Короля, восстал из могилы, чтобы заявить права на свое наследство. Кто бы это ни был, они взяли Гнездо Грифонов. Дождливый Дом, Гнездо Вороны, Туманный Лес, даже островной Зеленый Камень – все взяты.

Арианна немедленно вспомнила про милую Сильву-Крапинку.

– Зачем кому-то понадобился Зеленый Камень? Там была битва?

– Насколько мы слышали, нет – но все слухи туманны.

– Как вам расскажут рыбаки, пал и Тарт, – сообщила Валена. – Наемники удерживают большую часть мыса Гнева и половину Ступеней. Ходят слухи о слонах в Дождливом Лесу.

– О слонах? – Арианна понятия не имела, что об этом думать. – Вы уверены? Не о драконах?

– О слонах, – твердо сказала леди Нимелла.

– И кракенах на Сломанной Руке, утаскивающих на дно разбитые штормом галеры, – добавила Валена. – Это кровь привлекает их на поверхность, говорит наш мейстер. В воде плавают мертвецы – нескольких выкинуло и на наши берега. И это еще не все – на Пыточной Глуби завелся новый пиратский король. Лорд Уотерс, вот как он себя называет. У этого настоящие боевые корабли, трехпалубные, чудовищно огромные. Лучше бы вам и не пытаться плыть морем. С тех пор, как флот Редвинов ушел за Ступени, эти воды так и кишат чужестранным кораблями – по всему морю до Тартских проливов и залива Губительных валов. Мирийцы, волантийцы, лиссенийцы, даже налетчики с Железных Островов. Некоторые вошли в Дорнийское море, чтобы высадить войска на южной стороне мыса Гнева. Мы нашли вам отличный быстрый корабль, как приказал ваш отец, но все равно... берегите себя.

«Значит, это правда». Арианне хотелось спросить Толандов о своем брате, но отец предупредил ее: следи за языком. Если эти корабли не привезли домой ни Квентина, ни его драконью королеву, лучше его и не поминать. Только отец и самые доверенные люди знают о миссии Квентина Мартелла, с которой он отправился в залив Работоторговцев. Леди Толанд к таким не относились. Если бы это был Квентин, он, конечно, привез бы Дейенерис назад в Дорн. Зачем ему высаживаться где-то на мысе Гнева, среди штормовых лордов?

– Есть ли угроза для Дорна? – спросила леди Нимелла. – Честно признаюсь, каждый раз, когда я вижу чужой парус на горизонте, сердце у меня уходит в пятки. Что, если эти корабли повернут на юг? Львиная доля войска Толандов стоит с лордом Айронвудом на Костяном Пути. Кто будет защищать Призрачный Холм, если чужаки высадутся на наших берегах? Не стоит ли мне призвать моих людей домой?

– Ваши люди нужны там, где они находятся, миледи, – заверил ее Дейемон Сэнд. Арианна не замедлила подкрепить его слова кивком. Любой другой совет – и войско лорда Айронвуда развалится, как ветхий гобелен, когда все воины разбегутся по домам – защищать их от врага, который может прийти, а может и не прийти.

– Как только мы точно будем знать, друзья это или враги, мой отец решит, что делать, – объявила принцесса.

Именно в этот момент одутловатая толстушка Теора оторвала взгляд от пирожных с кремом у себя на тарелке:

– Это драконы.

– Драконы? – переспросила ее мать. – Теора, не глупи.

– Я не глуплю. Они идут.

– Да откуда тебе знать? – сердито сказала ей старшая сестра с насмешкой в голосе. – Еще один сон?

Теора легко кивнула, и губы у нее задрожали.

– Они танцевали... В моем сне. И везде, где танцевали драконы, люди умирали.

– Спасите нас Семеро, – раздраженно вздохнула леди Нимелла. – Ела бы ты поменьше пирожных – дурные сны бы и не снились. Жирная пища не для девочек твоего возраста, пока телесные соки не пришли в равновесие.

Мейстер Томан говорит...

– Ненавижу мейстера Томана, – объявила Теора и выскочила из-за стола, оставив свою леди-мать приносить извинения.

– Будьте с ней помягче, миледи, – сказала Арианна. – Я помню себя в том же возрасте – уверена, отец был в отчаянии.

– О, это я могу подтвердить, – сир Дейемон хлебнул вина из чаши и сказал, – у дома Толандов на знамени тоже дракон.

– Дракон, пожирающий свой собственный хвост, – подтвердила Валена. – Со времен эйегонова завоевания. Везде он жег своих врагов – он и его сестры; но мы утекли от него, оставив драконьему огню только камень и песок. И драконы вились кругами, хватая себя за хвосты от недостатка другой пищи, пока не завязались узлом.

– Наши предки сыграли в этом свою роль, – гордо сказала Нимелла. – Вершились доблестные деяния, и гибли храбрые люди. Все это записали мейстеры, служившие нам – у нас есть книги, если принцессе угодно узнать об этом поподробнее.

– Как-нибудь в другой раз, – ответила Арианна.

Ночью, когда Призрачный Холм уснул, принцесса накинула от ночного холода плащ с капюшоном и вышла на крепостную стену – прояснить голову. Там ее нашел Дейемон Сэнд – Арианна облокотилась на парапет и глядела в море, где луна плясала среди волн.

– Принцесса, – сказал он. – Вам стоит вернуться в постель.

– Я могу сказать тебе то же самое, – Арианна обернулась и поглядела бастарду в лицо. «Хорошее лицо, – решила она. – Мальчишка, которого я знала, превратился в прекрасного мужчину». Глаза синие, как небо над пустыней, волосы русые, как пески пустыни, оставшейся за спиной. Коротко

подстриженная борода очерчивает контуры сильной челюсти, но не прячет ямочки на щеках, когда он улыбается. «Я всегда любила его улыбку».

Бастард из Дара Богов – еще и один из лучших воинов Дорна, как и следует ожидать от того, кто был оруженосцем принца Оберина и принял посвящение в рыцари от самого Красного Змея. Кое-кто поговаривал, что Дейемон был и любовником ее дяди тоже – хотя такие вещи редко говорили в лицо. Арианна не знала, правда ли это; однако ее любовником он был. В четырнадцать лет она отдала ему свое девичество. Дейемон был немногим старше, так что в постели они были неуклюжи настолько же, насколько страстны. До сих пор сладко было вспоминать об этом.

Арианна одарила его самой соблазнительной улыбкой.

– Мы могли бы и разделить постель.

Лицо сира Дейемона осталось каменным.

– Вы забыли, принцесса? Я бастард, – он взял ее руку в свои. – Если я недостоин этой руки, как я могу быть достоин вашей щели?

Она отдернула руку.

– Стоило бы дать тебе пощечину.

– Мое лицо принадлежит вам – поступайте как вам угодно.

– Что мне угодно, тебе неудобно, по всей видимости. Ладно, давай тогда поговорим. Может ли это быть настоящий принц Эйегон?

– Григор Клиган вырвал Эйегона из руки Элии и разбил его голову о стену, – ответил сир Дейемон. – Если у этого коннингтоновского принца череп всмятку – значит, и правда Эйегон восстал из могилы. Если нет – значит, нет. Это какой-то самозванец, не более того – хитрость наемников, чтобы привлечь других на свою сторону.

«Мой отец боится того же самого».

– Но если это не так... если это и правда Джон Коннингтон, если этот мальчик – сын Рейегара...

– На что вы надеетесь – что он настоящий, или что он самозванец?

– М... мой отец был бы очень рад, если бы сын Элии оказался жив. Он очень любил свою сестру.

– Я вас спрашиваю, а не вашего отца.

«Вот оно как».

– Мне было семь лет, когда Элии не стало. Говорят, что мне один раз дали на руки подержать ее дочь Рейенис, но я была слишком мала и теперь этого не помню. Эйегон – настоящий или подложный – будет для меня чужаком, – принцесса помолчала. – Нам нужна была сестра Рейегара, а не его сын, –

отец был уверен в верности сира Деймона, когда выбрал его в телохранители для дочери, так что при нем она могла говорить свободно, – я предпочла бы, чтобы вернулся Квентин.

– Это вы так говорите, – ответил Деймон Сэнд. – Доброй ночи, принцесса, – он поклонился и ушел, оставив ее на стене.

«Что он имел в виду, – Арианна глядела, как он уходит. – Что из меня за сестра, если бы я не желала возвращения брата?». Сказать по правде, она ненавидела Квентина все те годы, когда воображала, что отец хочет назначить брата наследником вместо ее самой – но это оказалось недоразумением. Она была наследницей Дорна, в этом отец ее заверил. Квентин был предназначен в мужья драконьей королеве Дейенерис. В Солнечном Копье висел портрет другой принцессы Дейенерис – той, что приехала в Дорн и вышла замуж за одного из предков Арианны. В детстве Арианна часами его рассматривала – еще в те дни, когда она была плоскогрудой нескладехой и каждую ночь молилась богам, чтобы те сделали ее красивой. «Сто лет назад Дейенерис Таргариен прибыла в Дорн, чтобы заключить мир. Теперь другая движется сюда с войной, и мой брат станет ее королем и супругом. Король Квентин – ну почему это звучит так глупо?». Почти так же глупо, как представлять Квентина верхом на драконе. Ее брат был серьезным юношей, хорошо воспитанным и преданным долгу, но скучным. «И некрасивым, совсем некрасивым». Боги даровали Арианне всю ту красоту, о которой она молилась, но Квентин, должно быть, молился о чем-то другом. Голова у него была слишком большая и какая-то квадратная, волосы цвета высушенной грязи. Плечи покатые, живот великоват. «Он слишком похож на отца».

– Я любила брата, – сказала Арианна, хотя теперь ее слушала только луна. Сказать по правде, она почти его и не знала. Квентин воспитывался у лорда Андерса из дома Айронвудов, Королевской Крови, сына лорда Ормонда Айронвуда и внука лорда Эдгара. В юности дядя Оберин бился с Эдгаром на дуэли и нанес ему рану, от которой тот заболел и умер. После этого Оберина стали называть Красным Змеем и поговаривать о яде на его клинке. Айронвуды – дом древний, гордый и могущественный. До прихода ройнаров они были королями и царствовали над половиной Дорна, и рядом с их владениями собственные земли Мартеллов были ничем. За смертью лорда Эдгара неминуемо должны были последовать кровная месть и восстание, но отец Арианны ответил незамедлительно. Красного Змея выслали в Старомест, а потом и вовсе в Лисс через Узкое море, хотя никто не

осмелился назвать это ссылкой. И в должном возрасте Квентина отдали в воспитанники лорду Андерсу – как знак доверия. Этот шаг избавил Солнечное Копье и Айронвудов от разлада, но породил новый разлад – между Квентином и Песчаными Змейками... и сама Арианна была гораздо ближе со своими кузинами, чем с далеким братом.

– И все-таки мы одной крови, – прошептала она. – Конечно, я хочу, чтобы мой брат вернулся домой. Хочу.

От ветра с моря руки у нее покрылись гусиной кожей до самого плеча.

Арианна запахнула плащ потеплее и отправилась в постель.

Корабль, который им подобрали Толанды, носил название «Сапсан».

Отчалил он с утренним приливом. Боги были милостивы к ним: море было спокойно. Даже при попутном ветре путешествие заняло добрые сутки.

Джейн Ледибрайт маялась морской болезнью, и почти все плавание ее тошнило. Элию Сэнд это, кажется, веселило.

– Кому-то надо будет отшлепать эту малявку, – заявил Джосс Худ... к несчастью, Элия это услышала.

– Я почти взрослая женщина, сир, – объявила она заносчиво. – Я позволю вам себя отшлепать... но сначала придется съехаться со мной в поединке и выбить меня из седла.

– Мы на корабле, и лошадей здесь нет, – ответил Джосс.

– И леди не сражаются в поединках, – добавил сир Гарибальд Шеллс – юноша куда как более серьезный и пристойный, чем его спутник.

– Я сражаюсь. Я – Леди Копье.

Арианна решила, что с нее достаточно.

– Может, ты и копье, но уж точно не леди. Марш в каюту и сиди там, пока мы не доберемся до суши.

Кроме этого разговора, ничего примечательно в пути не случилось. На закате они заметили вдалеке галею – весла опускались и поднимались под вечерними звездами, но чужой корабль уходил от них прочь, и скоро превратился в точку и исчез. Арианна сыграла партию в кайвассу с сиром Дейемоном, потом еще одну с Гарибальдом Шеллсом и каким-то образом ухитрилась обе проиграть. Сиру Гарибальду хватило такта сказать, что Арианна играет отважно, но Дейемон разродился насмешкой:

– У вас есть и другие фигуры, кроме дракона, принцесса. Попробуйте как-нибудь двигать и их тоже.

– Но мне нравится дракон, – ей хотелось согнать ухмылку с его лица пощечиной, а может, и поцелуем. Этот бастард настолько же самодоволен,

насколько хорош собой. «Из всех дорнийских рыцарей отец выбрал именно его мне в телохранители?». – Это просто игра. Расскажи мне о принце Визерисе.

– Короле-Попрошайке? – удивился сир Дейемон.

– Все говорят, что принц Рейегар был прекрасен. Визерис тоже был красив?

– Наверное. Он был Таргариеном. Я никогда его не видел.

Тайный договор, который принц Доран заключил много лет назад, предлагал обвенчать Арианну с принцем Визерисом – не Квентина с Дейенерис. Этот план был обращен в ничто в Дотракийском море, когда Визерис был убит, коронован горшком расплавленного золота.

– Его убил дотракийский кхал, – сказала Арианна. – Собственный муж драконьей королевы.

– Я об этом слышал. Ну и что?

– Просто... почему Дейенерис это допустила? Визерис был ее родным братом, всем, что осталось от ее рода.

– Дотракийцы – дикари. Кто знает, отчего они могут убить человека? Может, Визерис подтер себе задницу не той рукой.

«Может быть, – подумала Арианна, – а может, потому что Дейенерис поняла: как только ее брата коронуют и обвенчают со мной, самой ей будет суждено до конца своих дней спать в походных шатрах и вонять конским потом».

– Она – дочь Безумного Короля, – сказала принцесса. – Откуда нам знать...

– Мы не можем знать, – ответил сир Дейемон. – Мы можем только надеяться.

Арианна II³

По всему южному побережью Мыса Гнева стояли обветшалые сторожевые башни – их воздвигли еще в стародавние времена, чтобы оповещать побережье о дорнийских налетчиках, приходящих в набег из-за моря. Со временем вокруг башен выросли деревни, а кое-где и целые городки.

«Сапсан» причалил в гавани одного из них, Скорбящего городка, где в свое время на три дня в пути домой задержался кортеж с телом Юного Дракона.

Над крепким деревянным палисадом вокруг башни полоскались на ветру

³ пер. Xavier Xanbie, <http://7kingdoms.ru/2015/arianna2-excerpt-from-the-winds-of-winter/>

знамена с оленем и львом короля Томмена – знать, в этих местах власть Железного Трона все еще держалась.

– Держите языки за зубами, – предупредила Арианна своих спутников, сходя на берег. – Лучше, если в Королевской Гавани не узнают, что мы здесь проезжали.

Если мятеж лорда Коннингтона подавят, и притом будет известно, что на переговоры с ним и с его претендентом Доран присылал свою дочь — всем недобровать. Еще один урок, который ей внушил отец: если выбираешь, на чью сторону встать, выбирай тщательно и только такую, у которой есть шансы победить.

Скорбящий городок был достаточно велик, чтобы дорнийцы смогли найти лошадей на продажу, хотя и по цене впятеро большей, чем те могли стоить год назад.

– Кони старые, но добрые, – сказал им продавец, – и по эту сторону от Штормового Предела вы все равно лучше не найдете. Люди Грифона забирают себе всех лошадей и мулов, какие им только на глаза попадутся, и волов тоже. Некоторые дают расписки на пергаменте, если у них попросить денег, но есть и другие – эти вспорют тебе брюхо и заплатят твоими собственными кишками. Если на таких наедете, лучше придержите язык да отдавайте коней миром.

Еще в городке уместились три таверны, и во всех трех в общих залах кишмя кишели слухи. Арианна разослала людей в каждую – послушать, что говорят. В «Сломанном щите» Деймону Сэнду поведали, что морские налетчики сожгли великий септрий на Острове Людей, а из Дома Матери на Девичьем острове увезли в полон сотню юных послушниц. В «Ткацком станке» Джосс Худ узнал, что из Скорбящего городка на север выступило с полсотни мужчин и подростков – присоединиться к Джону Коннингтону у Грифоньего Гнезда, и среди них был молодой Аддам, сын и наследник старого лорда Уайтхеда. В заведении с уместным названием «Пьяный дорниец» Перышко подслушал разговор о том, что Грифон казнил брата Рыжего Роннета и изнасиловал его девственную сестру, а сам Рыжий Роннет идет на юг – отомстить за смерть брата и бесчестье сестры.

Той ночью Арианна отправила назад в Дорн первого ворона – сообщить отцу обо всем, что они увидели и услышали. Утром, когда среди остроконечных крыш и кривых улочек Скорбящего городка сквозили первые солнечные лучи, отряд выехал на дорогу к Туманному Лесу. К середине утра пошел легкий дождик, а дорнийцы все ехали и ехали на север среди зеленых полей и

деревенек. Никаких следов сражений видно не было, но все путники, что попадались отряду на разъезженной дороге, шли навстречу, на юг, и женщины в деревнях смотрели на проезжих исподлобья и не отпускали от себя детей. Дальше на север поля уступили место покатым холмам и густым старым рощам; дорога превратилась в проселок, и деревни стали попадаться реже.

Закат застал дорнийцев на опушке Дожделесья – влажного зеленого царства ручьев и речушек, текущих по темному лесу, грязи и гниющих листьев под ногами. Над водотоками склонялись громадные ивы – больше, чем Арианне когда-либо доводилось видеть; огромные стволы, корявые и морщинистые, точно старческие лица, обросли бородами седого мха. Деревья со всех сторон обступали дорогу, заслоня солнце: гемлоки и красные кедры, белые дубы, гвардейские сосны, высокие и стройные, точно башни, и исполинские страждеревья, большелистные клены, секвойи, полынные, там и сям даже дикие чардрева. Под спутанными сучьями благоденствовали цветы и папоротники: мечевидник и кочедыжник, колокольчик и дудочная трава, вечерница и жгучецвет, печеночник, медуница и роголистник. Грибы лезли наружу из-под древесных корней, да и с самих стволов тоже, словно пегие ладони, в которых собирался дождь. На других деревьях пушился мох, зеленый, серый, с красной опушкой и иной раз ярко-пурпурный. Камни обросли лишайником, гнилой валежник облепили поганки. Даже воздух здесь был какой-то зеленый.

Арианна как-то слышала, как отец и мейстер Келион спорили с септоном о том, почему северное и южное побережья Дорнийского моря так не похожи друг на друга. Септон уверял, что дело в Дюрране Богоборце, первом Штормовом короле, который украл дочь у Бога моря и Богини ветра, чем и заслужил их ненависть на веки веков. Принц Доран и мейстер склонялись к тому, что дело в воде и ветре и говорили о том, как большие бури, что образуются в Летнем море, собирают там влагу, несут ее на север и разбиваются о Мыс Гнева.

– По какой-то причине бури никогда не задевают Дорна, – говорил отец.
– И я знаю, почему, – отвечал септон, – не родился еще такой дорниец, который сумел бы украсть дочь двух богов.

Путешествие теперь шло куда как медленнее, чем в Дорне: вместо хорошей дороги отряд ехал кривыми прогалинами, которые вились по лесу и так, и этак, через расщелины между заросшими мхом скалами и по глубоким оврагам, захваченным ежевичными кустами. Иногда дорога и вовсе

пропадала, утонув в болоте или затерявшись в папоротниках – тогда Арианне и ее товарищам приходилось искать себе новый путь среди молчаливых деревьев. Дождь шел по-прежнему – беспрестанный, нескончаемый. Везде дорнийцев сопровождали звуки капель, и каждую милю пути или около того в хор вступал очередной водопадик.

В лесу в избытке встречались и пещеры – в первую же ночь дорнийцы остановились в одной из них, чтобы укрыться от дождя. В Дорне, бывало, они нередко ездили и по ночам, когда под лунным светом пески загорались серебром – но в Дожделесье было слишком много болот, оврагов и карстовых вымоин, и под древесным пологом, где про луну можно было только вспоминать, царила кромешная тьма.

Перышко разжег костер и изжарил на нем принесенных сиром Гарибальдом пару зайцев с диким луком и грибами, найденными у дороги. Когда отряд отужинал, Элия Сэнд соорудила себе факел из палки и сухого мха и отправилась исследовать недра пещеры.

– Только далеко не забирайся, – предупредила Арианна. – Некоторые пещеры заходят очень далеко – запросто можно заблудиться.

Принцесса проиграла партию в кайвассу Деймону Сэнду, выиграла другую у Джосса Худа, потом ретировалась, оставив Деймона с Джоссом учить правилам Джейн Ледибрайт. Такие игры ей надоели.

«Ним и Тиена, наверное, уже в Королевской Гавани», думала она, устроившись со скрещенными ногами у входа в пещеру и глядя на дождь. Если и нет, скоро они должны доехать. С ними ушли триста закаленных копейщиков – по Костяному пути, мимо руин Летнего замка и дальше по Королевскому тракту. Если Ланнистеры и вздумали захлопнуть свою западню в Королевском лесу, леди Ним должна была позаботиться о том, чтобы для них это плохо кончилось. Никакие лесные убийцы свою жертву бы и не нашли, впрочем – принц Тристан после трогательного прощания с принцессой Мирцеллой остался в безопасности в Солнечном Копье. «С одним братом все в порядке, – думала Арианна. – А где же Квентин? Он не с Грифоном. Неужели женился на своей драконьей королеве?» «Король Квентин» – звучало по-прежнему глупо. Эта новая Дейнерис Таргариен была лет на шесть младше Арианны – что в ее скучном братце-книгочее может привлечь девушку таких лет? В таком возрасте грезят о прекрасных рыцарях с лукавой улыбкой, не об унылых мальчиках, исполняющих свой долг. Дейнерис, впрочем, понадобится Дорн – если она хочет воссесть на Железный Трон, ей нужно Солнечное Копье, и если ради этого нужно будет

выйти замуж за Квентина, драконья королева может так и сделать. А что если это она там, в Грифоньем Гнезде с Коннингтоном, а все эти разговоры о другом Таргариене – просто хитрость? Тогда с ними может быть и братец.

«Король Квентин» – вдруг придется преклонять перед ним колена?

Нет, лучше и не ломать над этим голову – Квентин либо станет королем, либо нет. «И пусть Дейнерис обойдется с ним поласковее, чем со своим собственным братом».

Настало время спать – завтра предстоит проехать еще немало лиг. Стоило Арианне прилечь, как ей в голову стукнуло: Элия Сэнд так и не вернулась из похода вглубь пещеры. «Ее сестры устроят мне семь разных казней, если с ней что-то случится». Леди Джейн Ледибрайт божилась, что девочка так и не вышла назад ко входу – значит, она до сих пор бродит где-то там во мраке. Докричаться до Элии дорнийцы так и не сумели – осталось только делать факелы и идти на поиски.

Пещера оказалась намного глубже, чем они могли подумать. От каменного входа, где дорнийцы разбили свой лагерь и привязали коней, расходилась сеть извилистых коридоров – вниз и вниз, зияя черными дырами по обеим сторонам. Потом стены раздались вновь, и искатели оказались в огромной известняковой пещере, больше великого чертога в замке. Криками они потревожили гнездо летучих мышей, которые громко хлопали крыльями над головой – но отвечало дорнийцам только далекое эхо. При обходе зала обнаружили еще три коридора, один такой узкий, что по нему пришлось бы ползти на четвереньках.

– Попробуем сначала другие, – решила Арианна. – Деймон, пойдешь со мной. Гарибальд, Джосс, посмотрите, что там во втором проходе.

Коридор, который себе выбрала Арианна, уже через сотню футов сделался крутым и скользким, держаться на ногах стало тяжело. Один раз она поскользнулась и только чудом не покатилась вниз. Не раз и не два ей в голову приходила мысль повернуть назад – но принцесса видела впереди факел сира Деймона и слышала, как он зовет Элию, и шла дальше. И вдруг она опять оказалась в очередном зале, впятеро больше предыдущего, в окружении леса каменных колонн. Деймон Сэнд подошел сбоку и поднял факел.

– Посмотрите только на резьбу на камне, – сказал он. – Вон те колонны на стене. Видите?

– Лица, – увидела их Арианна. Сколько тут грустных глаз, и все смотрят на нее.

– Когда-то это место принадлежало Детям Леса.

– Тысячу лет назад, – Арианна повернула голову. – Послушай, это там Джосс кричит?

Так и было. Когда они с Деймоном взобрались по скользкому склону к последней норе, Элию как раз и нашли. Коридор привел к неподвижному черному озерцу – девочка была там, по пояс в воде: она ловила белых слепых рыб голыми руками, а факел догорал и чадил там, где Элия воткнула его в песок.

– Ты могла погибнуть! – заругалась Арианна, когда ей об этом рассказали. Она схватила Элию за плечо и встряхнула: – Если бы факел догорел, ты бы осталась одна в темноте, где ничего не видно. Что тебе вообще в голову взбрело?

– Я поймала две рыбки, – похвасталась Элия Сэнд.

– Ты могла погибнуть! – повторила Арианна, и слова отразились эхом от стен пещеры: «Погибнуть... гибнуть... гибнуть...».

Позже, когда они выбрались назад на поверхность и гнев Арианны несколько утих, принцесса отвела девочку в сторону и заставила присесть.

– Элия, это нужно прекратить, – сказала она девочке. – Мы уже не в Дорне, не с твоими сестрами, и это не игра. Дай мне клятву, что будешь изображать служанку, пока мы не вернемся в Солнечное Копье. Я хочу, чтобы ты была тихой, смирной и послушной, и чтобы держала язык за зубами. Больше никаких разговоров про Леди Копье или поединки, и даже не упоминай своего отца или сестер. Люди, с которыми я буду вести переговоры – наемники. Сегодня они служат человеку, который называет себя Джоном Коннингтоном, а завтра запросто могут перекинуться к Ланнистерам. Чтобы завоевать сердце наемника, нужно только золото, а в нем у Утеса Кастерли недостатка нет. Если дурные люди узнают, кто ты такая, тебя могут похитить ради выкупа...

– Нет, – оборвала ее Элия, – это тебя захотят похитить за выкуп, ты же наследница Дорна. Я просто бастард. Твой отец даст за тебя сундук золота, а мой отец мертв.

– Мертв, но не забыт, – сказала Арианна, которая полжизни мечтала о том, чтобы ее отцом был принц Оберин. – Ты – Песчаная Змейка, и принц Доран уплатит любую цену, чтобы убереечь тебя и твоих сестер от беды.

Это, по крайней мере, заставило девочку улыбнуться.

– Ну что, клянешься, или я отправляю тебя домой?

– Клянусь, – несчастным голосом ответила Элия.

– Костями твоего отца.

– Костями моего отца.

«Эту клятву она сдержит», решила Арианна. Она поцеловала кузину в щечку и отправила спать. Может, от этого злключения и будет какая-то польза.

– Я до сих пор и не знала, какая она дикая, – пожаловалась потом Арианна Деймону Сэнду. – И за что отец послал мне такое наказание?

– В отместку? – предположил рыцарь.

На третий день они добрались до Туманного Леса. Сир Деймон отправил Джосса Худа вперед на разведку – разузнать, кто держит замок.

– На стенах ходит человек двадцать, может, и больше, – отчитался тот по возвращении. – Много телег и оружия. Внутри заезжают тяжело груженные, наружу выходят пустые. На всех воротах стража.

– А знамена? – спросила Арианна.

– Золотые. И над воротами, и на твердыне.

– Какой на них герб?

– Гербов не видел – ветра нет, знамена висят на древках, как тряпки.

«Досадно». У Золотых Мечей и знамена были тоже золотые, без каких-либо фигур и узоров, но золотыми были и знамена дома Баратеонов, хотя на последних еще должен был быть коронованный олень Штормового Предела. Обвисшие золотые знамена могли быть и такими, и этакими.

– А какие-нибудь еще знамена там были? Серебряные с серым?

– Я видел только золотые, моя принцесса.

Арианна кивнула: Туманным Лесом владел дом Мертинсов, на чьем гербе был бело-серый филин. Если хозяйских знамен над замком не было, слухи, видно, говорили правду – замок захватили Джон Коннингтон и его наемники.

– Придется рискнуть, – сказала она своему отряду. Осторожность ее отца сослужила Дорну хорошую службу – теперь Арианна это признавала – но сейчас пора проявить дядину храбрость. «Идем к замку».

– Развернуть ваше знамя? – спросил Джосс Худ.

– Пока не надо, – решила Арианна. Обычно полезно показать всем, что ты принцесса, но бывают и времена, когда этого делать не стоит.

В полумиле от ворот замка из леса на дорогу вышли трое в кожаных клепаных колетах и полушлемах. У двоих в руках арбалеты на взводе, третий был вооружен только наглой улыбкой.

– Куда это вы, красавицы мои?

– В Покоренный Лес повидаться с вашим господином, – ответил Деймон Сэнд.

– Хороший ответ, – сказал улыбчивый. – Пойдете с нами.

Новые господа Туманного Леса величали себя Молодой Джон Мадд и Цепочник. Оба, если верить им самим, были рыцарями, и ни тот, ни другой манерами не напоминал ни одного рыцаря, которого Арианне доводилось встречать. Мадд был одет в коричневое с головы до пят – наряд того же цвета, что и кожа, но в ушах у него позвякивала пара золотых монет. Мадды, как Арианна знала, тысячу лет назад были королями на Трезубце, но в этом господине ничего королевского не было, да и молодым он не был. Его отец, видимо, тоже некогда служил в Золотых Мечах и звался «Старый Джон Мадд».

Цепочник был раза в полтора выше Мадда; его широкую грудь украшали две ржавые цепи, повешенные крест-накрест, от пояса до плеч. Если Мадд носил на поясе меч и кинжал, то у Цепочника не было никакого оружия, кроме еще одной цепи – железной, длиной футов пять и вдвое толще и тяжелее, чем цепи у него на груди. Эту цепь он носил наподобие кнута.

Это были люди суровые, грубые и жестокие, неучтивые; шрамы и загорелые лица говорили о долгой службе в вольных отрядах.

– Сержанты, – шепнул сир Деймон, когда их увидел. – Знаю я эту породу. Впрочем, когда Арианна назвалась и рассказала, куда едет, сержанты проявили достаточно гостеприимства.

– Переночуете тут, – объявил Мадд. – Кроватей на всех хватит. Утром дам свежих лошадей и провизию, если надо. Мейстер миледи может послать птицу в Грифонье Гнездо, пусть они знают, что вы едете.

– «Они» – это кто? – полюбопытствовала Арианна. – Лорд Коннингтон? Наемники обменялись взглядами.

– Полумейстер, – сказал Джон Мадд. – Это его вы найдете в Гнезде.

– Грифон в походе, – пояснил Цепочник.

– Куда? – спросил Деймон.

– Этого не скажем, – заявил Мадд. – Цепочник, молчи там.

Цепочник фыркнул:

– Она ж дорнийка, откуда ей знать? Собираетесь к нам присоединиться? «Это мы еще решим», подумала Арианна Мартелл, но на пока что решила наемников не допрашивать.

Вечером в горнице, высоко в Совиной башне, подали добрый ужин – к нему вышла и вдовья леди Мертинс со своим мейстером. Старушка, даже будучи пленницей в собственном замке, сохраняла живость и бодрость духа.

– Мои сыновья и внуки ушли в поход, когда лорд Ренли созвал свои знамена, – поведала она принцессе и ее спутникам. – С тех пор я их не видела, но они присылают ворона с письмом время от времени. Одного внука у меня ранили на Черноводной, но потом он поправился. Надеюсь, скоро они вернуться и приведут с собой достаточно людей, чтобы вздернуть эту банду воров, – тут она махнула утиной ножкой в сторону Мадда и Цепочника, которые сидели напротив.

– Мы не воры, – возразил Мадд, – мы фуражиры.

– Значит, вы купили всю эту еду у меня во дворе?

– Нафуражировали, – откликнулся Мадд, – и все равно твои люди еще вырастят. Мы служим твоему законному королю, бабуся, – его этот разговор, кажется, забавлял. – Поучилась бы разговаривать с рыцарями как подобает.

– Если вы двое рыцари, то я еще девица, – заявила леди Мертинс, – и буду разговаривать как хочу. Что вы сделаете – убьете меня? Я уже свое отжила.

Принцесса Арианна вмешалась:

– Хорошо ли с вами обращаются, миледи?

– Меня-то не изнасиловали, если вы об этом спрашиваете, – ответила старуха. – Некоторым служанкам не так повезло, как мне. Замужем или нет – их не различали.

– Никто тут никого не насиловал, – заявил Молодой Джон Мадд, – Коннингтон этого бы не допустил. У нас приказы.

Цепочник закивал:

– Может, некоторых девушек *уговорили*.

– А как же, и крестьян наших небось уговорили отдать вам весь урожай. Дыни или девичество – вашей братии все едино: что захочется, то и берете, – леди Мертинс повернулась к Арианне. – Если свидитесь с этим лордом Коннингтоном, то скажите ему: я знала его мать, и ей было бы сейчас очень стыдно.

«Может, и стоит», подумала Арианна. Этой ночью она отправила отцу второго ворона.

На обратном пути в свои покои принцесса услышала приглушенный смех из соседней комнаты; остановилась, прислушалась на мгновение, затем резко открыла дверь – оказалось, что Элия Сэнд уютно устроилась у окна и целуется с Перышком. Увидев, что в дверях стоит Арианна, Перышко вскочил на ноги и начал мямлить. «По крайней мере, они оба одеты». Арианна немного утешилась тем, что прогнала Перышко испепеляющим взглядом и коротким «Вон», а затем повернулась к Элии.

– Этот человек вдвое старше тебя, и он слуга. Он чистит за мастера птичье дерьмо. Элия, что тебе в голову взбрело?

– Мы просто целовались. Я же не собираюсь идти за него замуж, – Элия с вызовом скрестила на груди руки. – Думаешь, я раньше с мальчиками не целовалась?

– Перышко – мужчина. Слуга, но все равно мужчина, – принцесса не забывала о том, что Элии сейчас столько же, сколько было самой Арианне, когда она отдала свое девичество Деймону Сэнду. – Я тебе не мать, целуйся с мальчиками сколько хочешь, когда вернешься в Дорн. Но здесь и сейчас? Элия, это не место для поцелуев. Ты пообещала, что будешь тихой, смиренной и послушной. Мне к этому прибавить «целомудренной»? Ты поклялась костями своего отца.

– Помню, – пристыженно сказала Элия. – Тихой, смиренной и послушной. Не буду больше с ним целоваться.

Кратчайшая дорога от Туманного Леса в Грифонье Гнездо вела через самые зеленые и влажные области Дожделесья – дорога даже в лучшем случае нескорая, и у Арианны с отрядом этот путь занял без малого восемь дней. Они ехали под шум непрерывного ливня в кронах наверху – под плотным зеленым покрывалом листьев принцесса и ее спутники оставались в неожиданной сухости.

Первые четыре дня пути на север их сопровождал Цепочник с длинным обозом и десятью своими солдатами. Теперь, когда Мадда рядом не было, наемник оказался не таким скупым на слова, и Арианне удалось вытянуть из него всю историю его жизни. Больше всего Цепочник гордился прадедом, который сражался вместе с Черным Драконом на Краснотравном поле и пересек Узкое море вместе со Жгучим Клинком. Сам Цепочник родился прямо в отряде – отец-наемник зачал его с лагерной шлюхой. Хотя сержант с детства говорил на общем языке и привык считать себя вестеросцем, до этой войны он ни разу не ступал на землю Семи Королевств. «История грустная и знакомая», подумала Арианна. Жизненный путь Цепочника был ему под стать – длинный список мест, где он воевал, врагов, которых встретил в бою и убил, ран, которые получил. Принцесса дала ему возможность рассказывать, время от времени подбадривая смехом, прикосновением или вопросом, притворяясь, что заинтересована. Она узнала даже больше, чем нужно, о том, как умело Мадд играет в кости, про Два Меча и его страсть к рыжим девушкам, о том, как кто-то сбежал из отряда с любимым слоном Гарри Стрикленда, про Кису и его кошку, приносящую счастье, и о многих

других подвигах и причудах солдат и офицеров Золотых Мечей. На четвертый день Цепочник по неосторожности обмолвился: «...когда мы возьмем Штормовой Предел...».

Принцесса не стала на это отвечать, но надолго задумалась. «Штормовой Предел? Этот Грифон отчаянный малый, кажется – или совсем уж дурак». Штормовой Предел, служивший вотчиной Баратеонов три столетия и Штормовым королям тысячи лет до того, считался неприступным. Арианне доводилось слышать споры о том, какой замок в королевстве сильнее всех – некоторые называли Утес Кастерли, некоторые Орлиное Гнездо Арренов, некоторые Винтерфелл на стылом Севере, но Штормовой Предел в таких разговорах поминали всегда. Предания гласили, что его выстроил Брандон Строитель, и выстроил так, чтобы замок выстоял против гнева рассерженного бога. У этого замка стены выше и крепче, чем у любого другого замка в Семи Королевствах, от сорока до восьмидесяти футов в толщину. Огромная башня-барабан без окон достала бы лишь до середины Высокой башни в Староместе, но у нее стены отвесные, не ступенчатые, и втрое толще староместских. Ни одна осадная башня не достала бы до зубцов на стенах Штормового Предела, ни один мангонель или требушет не пробил бы их каменную толщу. Неужели Коннингтон собирается затевать осаду? И сколько у него людей? Задолго до того, как замок сдастся, Ланнистеры пришлют армию и снимут осаду и так тоже дело безнадежное.

Ночью, когда Арианна поведала сиру Деймону о том, что узнала от Цепочника, бастард из Дара Богов растерялся не меньше, чем она сама. – Штормовой Предел, как я слышал, держат верные люди Станниса. Казалось бы, Коннингтону было бы выгоднее объединиться с другим мятежником, а не воевать с ним.

– Станнис слишком далеко, чтобы ждать от него помощи, – задумалась Арианна. – Захватить несколько мелких замков, пока их лорды и гарнизоны воюют в чужих краях – одно дело. А вот если лорд Коннингтон и его карманный дракончик каким-то образом возьмут одну из сильнейших крепостей в стране...

– ...В таком случае стране придется отнестись к ним серьезно, – закончил за нее Деймон, – и под их знамена могут встать кое-кто из тех, кто не любит Ланнистеров.

Той же ночью Арианна написала очередное короткое письмо отцу и велела Перышку отправить его домой с третьим вороном.

Молодой Джон Мадд тоже, видимо, отправлял птиц. На четвертый день, ближе к закату, когда Цепочник с телегами уже уехал своей дорогой, Арианну и ее спутников встретила колонна наемников, которая шла от Грифоньего Гнезда под предводительством самого диковинного существа, которое принцессе только доводилось видеть – с крашеными ногтями и самоцветами в ушах. Лисоно Маар прекрасно говорил на общем языке. – Имею честь служить отряду Золотых Мечей глазами и ушами, моя принцесса.

– Вы выглядите... – она заколебалась.

– Как женщина? – хохотнул он. – Нет, я не женщина.

– Как Таргариен, – твердо сказала Арианна. У лиснийца глаза были бледно-сиреневые, волосы спадали бело-золотым каскадом – все-таки было в нем что-то, от чего у нее мурашки бежали по коже. «Интересно, не так ли выглядел Визерис», подумалось ей. Если так, даже к лучшему, что он мертв. – Я польщен. Говорят, женщины из дома Таргариенов не знают себе равных во всем мире.

– А мужчины из дома Таргариенов?

– О, они еще прекраснее. По правде сказать, я видел только одного, – Маар взял ее за руку и легко поцеловал в запястье. – Туманный Лес прислал весть о том, что вы на подходе, милая принцесса. Нам выпала честь проводить вас в Гнездо, но, боюсь, вы разминувшись с лордом Коннингтоном и нашим юным принцем.

– Ушли в поход? — «На Штормовой Предел?»

– Именно.

Лисниец оказался человеком совсем другого склада, чем Цепочник. «Этот лишнего слова не проронит», – это Арианна сообразила, проведя едва ли несколько часов в его компании. Маар был достаточно словоохотлив, но он до совершенства отточил искусство говорить много, не сообщая ничего; всадники из его свиты, с которыми пытались общаться дорнийцы, молчали как рыбы, так что Арианна в конце концов решилась спросить Маара прямо. Вечером пятого дня пути из Туманного Леса, когда они остановились на привал у развалин старой башни, обросших травой и мхом, она села рядом с командиром наемников и задала вопрос:

– Правда, что у вас есть слоны?

– Несколько, – Лисоно Маар улыбнулся и пожал плечами.

– А драконы? Сколько у вас драконов?

– Один.

– Вы имеете в виду мальчика.

– Принц Эйгон – взрослый мужчина, моя принцесса.

– Может, он летать умеет? Дышать огнем?

Лисниец засмеялся, но его сиреневые глаза остались холодными.

– Вы играете в кайвассу, милорд? – спросила Арианна. – Меня этой игре научил отец. Должна признаться, я не самый сильный игрок, но кое-что знаю: дракон сильнее слона.

– Отряд Золотых Мечей как раз основал дракон.

– Жгучий Клинок был драконом только наполовину, и бастардом к тому же. Я не мейстер, но историю знаю – вы всего лишь наемники.

– Если вам угодно, моя принцесса, – возразил Маар, лучась любезностью, – мы предпочитаем называть себя вольным братством изгнанников.

– Как пожелаете. Я вас заверяю, ваш отряд на голову выше всех остальных.

Однако Золотые Мечи терпели поражение каждый раз, когда ходили войной на Вестерос. Они проигрывали тогда, когда ими командовал Жгучий Клинок, они подвели всех претендентов-Блэкфайров, потерпели поражение под началом Мейлиса Ужасного.

Это Маара только позабавило.

– Мы, по крайней мере, настойчивые – уж признайте. И в кое-каких из этих поражений были в шаге от победы.

– Или не в шаге. И тот, кто пал в шаге от победы, мертв точно так же, как и тот, кого убили при полном разгроме. Принц Доран, мой отец, человек мудрый и ведет только такие войны, которые может выиграть. Если дела на войне для вашего дракона сложатся неудачно, Золотые Мечи, несомненно, убегут назад за Узкое море, как они это уже делали не раз, и как сделал сам лорд Коннингтон, когда Роберт разбил его в Колокольной битве. Дорн такого убежища не даст. Зачем вообще нам присоединять свои мечи и копья к вашему... рискованному предприятию?

– Принц Эйгон вам родич, моя принцесса. Он сын принца Рейгара и Элии Дорнийской, сестры вашего отца.

– Дейнерис Таргариен тоже нам родня – дочь короля Эйриса, сестра Рейгара. И у нее есть драконы, – или, по крайней мере, так говорят байки.

«Пламя и кровь».

– И где она? За полмира от нас, в заливе Работорговцев, – сказал Лисоно Маар. – Что до этих хваленых драконов, я их не видел. В кайвассе дракон и правда сильнее слона, а вот на поле боя? Дайте мне слонов, которых я могу

увидеть, пощупать и послать на врага – не драконов, существующих только на словах.

Принцесса надолго замолчала, погрузившись в размышления, и в ту же ночь отправила отцу четвертого ворона.

Наконец, в серый сырой день под холодной моросью из моря тумана выросло Грифонье Гнездо. Лисоно Маар поднял руку, звук трубы отдался эхом среди утесов, и ворота замка распахнулись перед ними. Мокрый от дождя флаг над воротами был красно-белым – это принцесса увидела. Цвета Коннингтонов – но и золотые знамена вольного отряда тоже были здесь. Всадники проехали по узкой гряде – «грифоньей глотке» – колонной по двое; внизу с обеих сторон на скалах шумели воды залива Разбитых Кораблей.

В замке поприветствовать дорнийскую принцессу собралась добрая дюжина офицеров Золотых Мечей – они один за другим становились перед ней на колени и прижимались губами к тыльной стороне ладони, а Лисоно Маар представлял коленопреклоненного. Большинство услышанных имен у Арианны в памяти не задержались. Главным у них был человек постарше – с сухощавым морщинистым лицом, гладко выбритый, с длинными волосами, забранными сзади в пучок. «Это не боец», почувяла Арианна.

Лисниец подтвердил ее подозрения, представив командира как Хелдона Полумейстера.

– Мы приготовили покои для вас и ваших людей, принцесса, – сообщил Хелдон, когда с представлениями было покончено. – Надеюсь, они вам подойдут. Знаю, вы хотите встретиться с лордом Коннингтоном, а он желает побеседовать с вами, и как можно скорее. Завтра утром к вашим услугам будет корабль, который отвезет вас к нему.

– Это куда же? – осведомилась Арианна.

– А вам никто не сказал? – Хелдон Полумейстер одарил ее улыбкой, тонкой и острой, как кинжал. – Штормовой Предел в наших руках, там вас и ожидает десница.

Деймон Сэнд приблизился к Арианне и сказал:

– Залив Разбитых Кораблей опасен и в погожий летний день. Безопаснее доехать к Штормовому Пределу по суше.

– Дороги разбило дождями в грязь, путь займет два дня, а может, и три, – предупредил Хелдон Полумейстер. – Морем принцесса доберется туда за полдня или меньше. Прямо сейчас армия из Королевской Гавани идет на Штормовой Предел. Вы будете в большей безопасности, если пересидите битву за стенами.

«Пересижусь ли?», подумала Арианна.

– Битву или осаду? – ей совсем не хотелось оказаться взаперти в Штормовом Пределе.

– Битву, битву, – твердо сказал Хелдон. – Принц Эйгон намерен разбить врага в поле.

Арианна обменялась взглядами с Деймоном Сэндом.

– Не окажете любезность показать наши покои? Я хотела бы помыться и переодеться в сухое.

Хелдон поклонился.

– Сейчас же.

Дорнийцев поместили в восточной башне, в покоях со стрельчатыми окнами, выходящими на залив Разбитых Кораблей.

– Ваш брат не в Штормовом Пределе, теперь мы это знаем, – сказал сир Деймон, когда они оказались за закрытыми дверями. – Если у Дейнерис Таргариен и есть драконы, они за полмира от нас и для Дорна бесполезны. Нам нечего искать в Штормовом Пределе, принцесса. Если бы принц Доран собирался послать вас в самое пекло битвы, он дал бы вам триста рыцарей, а не троих.

«Вот уж не была бы так в этом уверена, сир, – подумала Арианна. – Он отправил моего брата в залив Работорговцев с пятью рыцарями и мейстером».

– Мне надо поговорить с Коннингтоном, – Арианна расстегнула на горле застежку с копьём и солнцем и дала мокрой от дождя верхней одежде соскользнуть с плеч в лужу на полу. – И я хочу поглядеть на этого принца-дракона. Если он и правда сын Элии...

– Чей бы он там ни был сын, если Коннингтон встретит Мейса Тирелла в чистом поле, принц Эйгон может скоро оказаться в плену или в могиле.

– Нет, Тирелл не тот человек, чтобы его бояться. Мой дядя Оберин...

– ...Мертв, принцесса. И десять тысяч человек – столько будет во всем отряде Золотых Мечей.

– Лорд Коннингтон знает, сколько у него людей, не сомневаюсь. Если он решил рискнуть и дать сражение, он рассчитывает победить.

– Знаете, сколько людей пали в битвах, где рассчитывали победить? – спросил Деймон Сэнд. – Откажите им, принцесса. Не верю я этим наемникам. Не надо ехать в Штормовой Предел.

– А дадут ли мне вообще выбирать? – у Арианны было недоброе предчувствие, что Хелдон Полумейстер и Лисоно Маар утром посадят ее на корабль, захочет она этого или нет. Лучше их и не испытывать.

– Деймон, ты служил оруженосцем моему дяде Оберину, – сказала она ему. – Если бы сейчас с тобой был он, а не я, ты бы тоже посоветовал ему отказаться? – ответа она ждать не стала. – Я знаю, что ты скажешь... и если ты собираешься напомнить, что я не Красный Змей, я это знаю не хуже тебя. Принц Оберин мертв. Принц Доран стар и болен. Я – наследница Дорна.

– Вот как раз поэтому рисковать и не надо, – рыцарь опустился на одно колено. – Отправьте в Штормовой Предел меня. Если план грифона провалится и Мейс Тирелл отобьет замок, в их руках окажется всего лишь еще один безземельный рыцарь, который присягнул мечом самозванцу в надежде на богатство и славу.

– А если в их руках окажусь я, у Железного Трона будет живое доказательство того, что Дорн сговорился с наемниками и оказал помощь иностранным захватчикам. Очень храбро с твоей стороны рисковать за меня жизнью, сир – за это я тебя благодарю, – она взяла его за руку и подняла на ноги. – Но мой отец поручил это задание мне, а не тебе. Приходи завтра к отплытию – проведем дракона в его логове.

Барристан I⁴

Во тьме ночной летели мертвецы и падали дождем на город. Доспевшие трупы разваливались еще в полете и взрывались при ударе о кирпич, разбрызгивая вокруг себя червей, личинок и что похуже. Другие отскакивали от стен пирамид и башен, отмечая место удара кровавым пятном. Сколь ни велики были юнкайские требушеты, им не хватало дальности, чтобы закинуть все свои ужасные снаряды далеко в город — большинство покойников падало сразу за стенами или разбивалось о парапеты и навесные башни. И все же шесть сестер-осадных машин, выстроившись вокруг Миэрина неровным полукругом, били по всем городским кварталам, и только самые северные у реки избежали обстрела: нет на свете такого требушета, чтобы стрелять через всю ширину

⁴ пер. Xavier Xanbie, <http://7kingdoms.ru/2013/spojlernaya-glava-vetrov-zimy-barristan/>

Скажадхана.

«И на том спасибо», — думал Барристан Селми, выезжая на рыночную площадь у больших западных ворот Миэрина. Когда Дейенерис брала город, эти самые ворота выбили огромным тараном по прозвищу Хрен Джозо, сделанным из корабельной мачты. Здесь, у ворот, на их пути стали великие господа и их рабы-солдаты, и бой шел на окрестных улицах не один час — когда город наконец пал, сотни мертвых и умирающих усыпали площадь. А потом рынок вновь обернулся бойней — но на этот раз покойников привезла бледная кобылица.

Днем кирпичные улицы Миэрина пестрили полусотней красок, но ночь превратила мозаику разноцветного кирпича в черно-бело-серую. Свет факелов блестел в лужах, оставленных недавним дождем, рисовал огненные блики на шлемах, поножах и нагрудниках солдат.

Сир Барристан Селми ехал мимо медленно. Старый рыцарь облачился в те самые латы, что подарила ему королева — финифтевый панцирь, инкрустированный золотом; плащ, ниспадавший с плеч, был бел как зимний снег, и таков же щит у луки седла. А под седлом была собственная лошадь королевы, та самая серебряная кобыла, которую кхал Дрого подарил невесте в день свадьбы. Дерзкая выходка, — это Барристан знал, но думал, если в этот роковой час с ними нет самой Дейенерис, пусть уж вид ее Серебрянки в гуще боя ободрит солдат королевы, напомнит им, за кого и за что они сражаются. Кроме того, Серебрянка не один год жила бок о бок с драконами, привыкла к их виду и запаху — в отличие от вражеских коней за стенами. За Барристаном ехали трое его ребят: Тумко Лхо нес знамя с трехговым драконом Таргариенов, красным на черном поле, у Ларрака Кнута был белый раздвоенный штандарт Королевской Гвардии — семь серебряных мечей вокруг золотой короны. Рыжему Ягненку Селми отдал большой боевой рог, окованный серебром, чтобы подавать сигналы на поле боя. Остальные ребята остались в Великой Пирамиде — они побывают в бою в другой раз или, может быть, никогда. Не каждый оруженосец годится в рыцари.

Час волка — самый длинный, самый темный час ночи. Для многих из тех, кто стоит сейчас на рыночной площади, эта ночь станет последней. Под нависшим над площадью кирпичным фасадом старой миэринской Биржи рабов выстроились в десять длинных шеренг пять тысяч Безупречных. Они стояли неподвижно, точно высеченные из камня, каждый с тремя копьями, коротким мечом и щитом. Факельные огни блестели на пиках, венчавших бронзовые шлемы, омывали светом безбородые лица под ними. Когда с небес

на строй падал труп, евнухи просто отходили в сторону, делая не больше шагов, чем необходимо, а затем снова смыкали ряды. Все они были пешие, даже офицеры, и Серый Червь со своими тремя пиками на шлеме впереди всех.

Вороны-Буревестники построились у торговой галереи на южной стороне площади, где портики защищали их от дождя мертвецов. Лучники Джокина прилаживали тетивы на луки, когда Барристан ехал мимо; мрачный Вдовец сидел верхом на тощей серой лошади, с щитом у локтя и шипастым боевым топором в руке, и плюмаж из черных перьев свисал с одного бока его железной каски. Парнишка позади сжимал в руках стяг отряда — дюжина рваных черных вымпелов на высоком древке, увенчанном резной деревянной вороной.

На площадь явились и конные владыки, дотракийцы: Агго и Ракхаро увели за Скахазадхан большую часть маленького кхаласара королевы, но старый кривоногий джакка рхан Роммо собрал двадцать всадников, что остались в городе. Некоторые были не младше его, многие отмечены старыми шрамами и увечьями; остальные — безбородые мальчишки, юнцы, еще не заслужившие ни колокольчика в волосы, ни даже права заплетать косу. Они кружили на конях вокруг изъеденной временем бронзовой статуи Кователя Цепей, боясь отбиться от своих и отскакивая в сторону, когда сверху падал труп.

Невдалеке под зловещим памятником, который великие господа называли Шпилем Черепов, собралось несколько сотен гладиаторов. Селми увидел среди них Пятнистого Кота, а рядом стоял Бесстрашный Иток, и где-то еще Сенерра Женщина-Змея, Камаррон Три Счета, Полосатый Мясник, Тогош, Марриго, Орлос Катамит. Даже Гогор-Великан был здесь, возвышаясь над окружающим, как взрослый мужчина среди детей. «Похоже, свобода для них все же кое-что значит». Гладиаторы питали к Хиздару больше любви, чем к Дейенерис, но Селми все равно был рад их здесь видеть. На некоторых даже были доспехи — видать, победа Барристана над Храззом кое-чему их научила.

Укрепления вверху над воротами были запружены людьми в разноцветных плащах и медных масках: Бритоголовый послал Медных Бестий на городские стены, чтобы заменить Безупречных и дать им выйти в поле. Если битва будет проиграна, это Скахаз и его люди останутся защищать Миэрин от юнкайцев... пока не вернется королева Дейенерис. Если она вообще вернется.

На разных концах города, у других ворот, собирались другие отряды. Таль Торак и его Крепкие Щиты строились у восточных ворот, которые в городе называли воротами в холмы или Хизайскими воротами, поскольку через них вела дорога в Лхазар, через Хизайский перевал. Марселен и Дети Матери стояли у южных ворот — Желтых. Саймон Полосатая Спина и Вольные Братья стянулись к северным воротам, выходящим на реку — этим будет проще всего, там их не ждут враги, разве что несколько кораблей. Юнкайцы, правда, разместили к северу два гискарских легиона, но те стояли за Скахазадханом, и между ними и стенами города была река.

Главный юнкайский лагерь лежал к западу, между стенами Миэрина и теплыми зелеными водами залива Работорговцев. Именно там стояли два требушета, один у реки, второй напротив главных ворот Миэрина, и каждый охраняли две дюжины юнкайских мудрых господ, каждый с отрядом рабов-солдат. За гигантскими осадными машинами начинались укрепленные лагеря еще двух гискарских легионов. Рота Кошки разбила лагерь между городом и морем. Еще у врага были толосские пращники, и где-то в ночи таились три сотни элирийских арбалетчиков.

«Слишком много врагов, — мрачно подумал сир Барристан. — Перевес не в нашу пользу».

Эта атака противоречила всем инстинктам старого рыцаря — стены Миэрина были толсты и прочны, за ними у защитников были все преимущества. Но у него не было другого выбора, кроме как повести своих людей прямо в пасть юнкайских осадных линий, против многократно превосходящих врагов.

«Белый Бык назвал бы это глупостью», — и еще он предостерег бы Барристана: не доверяй наемникам. «Вот до чего мы докатились, моя королева, — думал сир Барристан, — Наши судьбы висят на волоске, на алчности наемника. Ваш город, ваш народ, наши жизни... Всех нас держит Принц-Оборванец в своих кровавых руках». Даже возложив последнюю надежду на откровенно безнадежную затею, Селми знал, что другого выбора у него нет. Он годами удерживал бы город, будь его врагами одни юнкайцы — но теперь, когда по улицам скачет бледная кобылица, у него нет и месяца. Площадь смолкла, когда старый рыцарь и его знаменосцы направились к воротам. Селми слышал, как шепчутся бесчисленные голоса, как шумно дышат и ржут кони, скребя подкованными копытами по раскрошенному кирпичу, как лязгают мечи и щиты — все как-то затихло и отдалилось. Не мертвая тишина — просто затишье, словно набираешь в грудь побольше воздуха перед криком. Факелы дымили и трещали, раздвигая тьму

подвижным оранжевым пламенем. Тысячи, как один человек, повернулись к старому рыцарю, когда тот сделал круг в тени огромных ворот, окованных железом. Барристан Селми чувствовал, как все взгляды устремлены на него. Капитаны и командиры отрядов стянулись к воротам Барристану навстречу — Джокин и Вдовец от Ворон-Буревестников, звеня кольчугами под вылинявшими плащами; Серый Червь, Верное Копье и Убийца Собак от Безупречных, в своих шипастых бронзовых шлемах и стеганых доспехах; Роммо от дотракийцев; Камаррон, Гогор и Пятнистый Кот от гладиаторов. — Наш план атаки вы знаете, — сказал белый рыцарь, когда капитаны собрались вокруг него. — Сначала ударит наша конница — сразу же, когда ворота откроются. Скачите быстро, во весь опор, прямо на рабов-солдат. Когда выстроятся легионы, обогните их — бейте с тыла или с фланга, но не лезьте на копья. Помните про цель.

— Требушет, — сказал Вдовец. — Тот, который юнкайцы называют Каргой. Захватите его, повалите или подожгите.

Джокин кивнул.

— Постарайтесь выбить столько знатных господ, сколько сможете — и поджигайте их шатры, большие павильоны.

— Всех убить, — сказал Роммо, — не брать рабов.

Сир Барристан повернулся в седле.

— Кот, Гогор, Камаррон, ваши люди пойдут в бой пешими. Вы славьтесь как грозные бойцы — так запугайте их. Кричите, вопите — к тому времени, как вы доберетесь до юнкайских линий, наша конница уже их прорвет. Бегите в брешь и убейте столько врагов, сколько получится. Если сумеете — щадите рабов, убивайте хозяев — знатных господ и офицеров. Отступайте, прежде чем вас окружают.

Гогор гулко ударил себя кулаком в грудь:

— Гогор не отступает. Никогда.

«Значит, Гогор умрет, — подумал старый рыцарь, — и умрет скоро». Но сейчас было не то время и не то место, чтобы вести споры. Оставив Гогора без внимания, он продолжил:

— Эти атаки должны отвлекать юнкайцев достаточно долго, чтобы Серый Червь смог вывести Безупречных из ворот и построить их.

Здесь в его плане было узкое место, Барристан это знал. Если у юнкайских командиров есть хоть крупица ума, они пошлют к воротам конницу, и она стопчет евнухов, прежде чем они успеют построиться — когда они наиболее уязвимы. Его собственная конница должна это предотвратить, дать

Безупречным время сомкнуть щиты и опустить частокол копий.

— По звуку моего рога Серый Червь двинет строй вперед и возьмет работорговцев и их солдат в клещи. Возможно, вам навстречу выдвинут один или больше гискарский легион — щит к щиту, копьё к копьё.

Слева от Барристана боком приблизилась лошадь Вдовца:

— А если ваш рог не затрубит, сир? Если вас зарубят с этими вашими молокососами?

Хороший вопрос — сир Барристан собирался первым броситься на врага, и, возможно, первым и умереть. Часто именно так и бывает.

— Если я погибну, командуешь ты. Потом Джокин и после него — Серый Червь.

«А если всех нас убьют, битва проиграна», — мог бы добавить он, но все они и так это знали, и никто не хотел это услышать. «Никогда не говори о поражении перед битвой, — как-то сказал ему лорд-командующий Хайтауэр в те времена, когда мир был молод, — ибо боги могут тебя услышать».

— А если мы найдем капитана? — спросил Вдовец.

«Даарио Нахарис».

— Дайте ему меч и следуйте за ним, — хотя Барристан Селми не испытывал симпатии к любовнику королевы и тем более не доверял ему, но в том, что Нахарис отважен и блестяще владеет мечом, сомневаться не приходилось. «И если он падет в бою как герой, тем лучше». — Если у вас больше нет вопросов, возвращайтесь к своим солдатам и помолитесь тому богу, в которого верите. Рассвет близок.

— Красный рассвет, — заметил Джокин.

«Драконий рассвет», — подумал сир Барристан. Сам он уже произнес свои молитвы, пока оруженосцы облачали его в доспехи. Пусть его боги были далеко за морем, в Вестеросе, но если септоны не лгут, Семеро присматривают за своими детьми повсюду, куда занесла их судьба. Сир Барристан помолился Старице, чтобы она поделилась с ним крупницей мудрости и он смог повести миэринское войско к победе. Воину, своему старому другу, он молился о силе; он просил Матерь о милосердии, если он падет, и обратился к Отцу, чтобы тот приглядел за его ребятами — эти недоученные оруженосцы были старому рыцарю почти как сыновья, которых у него никогда не было. Наконец он склонил голову перед Неведомым: «В конце концов Ты приходишь за всеми, — молился он, — но помилуй меня и моих людей сегодня, пожни души наших врагов». За городскими стенами слышался далекий грохот трубушета, отправляющего свои снаряды в

полет, и с небес обрушились мертвецы и куски тел — один разбился среди гладиаторов, засыпав их ошметками кости, мозга и мяса, другой отскочил от бронзовой головы Кователя Цепей, скатился по руке и мокро шлепнулся статуе под ноги. Раздувшаяся нога плеснула в луже не далее как в трех ярдах от Барристана, ждущего в седле на лошади своей королевы.

— Бледная кобылица, — прошептал Тумко Лхо хрипло, темные глаза горят на темном лице. Затем он сказал что-то на языке островов Василиска, не иначе как молитву.

«Он боится бледной кобылицы больше, чем наших врагов», — сообразил сир Барристан. Другие ребята тоже были напуганы — несмотря на всю храбрость, никто из них еще не бывал в бою. Он повернул Серебрянку: — Ко мне, ребята.

Когда они подвели коней поближе, Барристан сказал им:

— Я знаю, что вы чувствуете. Я сам испытывал это сотню раз. Дышишь быстрее, чем нужно, в животе свернулся страх, точно холодный черный червяк. Хочется сходить по малой нужде, а может, и по большой. Во рту сухо, точно в дорнийских песках. Ты спрашиваешь себя — не осрамлюсь ли я? Не забуду ли все, чему меня учили? Ты хочешь быть героем, а в глубине души боишься, что на самом деле ты трус. Так себя перед битвой чувствует каждый юноша — и взрослые люди тоже. Вороны-Буревестники на той стороне площади чувствуют то же самое, и дотракийцы тоже. В страхе нет ничего постыдного, если ты не дашь ему завладеть собой. Мы все испытываем страх.

— Я не боюсь, — Рыжий Ягненко сказал это громко, почти сорвавшись на крик. — Если я умру, я предстану перед Великим Пастырем Лхазара, сломаю его посох о колено и скажу ему: «Зачем ты сделал свой народ овцами, когда мир полон волков?». И плюну ему в глаз.

Сир Барристан улыбнулся.

— Хорошо сказано... но не ищи смерти там, в битве, иначе ты ее непременно найдешь. Неведомый приходит за всеми нами, но незачем стремиться ему в объятия. То, что нас ждет на поле боя, случилось раньше, и с людьми получше нас. Я старый человек и старый рыцарь, и я видел больше битв, чем любой из вас встретил новых лет. На свете нет ничего страшнее, ничего славнее, ничего нелепее. Тебя может стошнить — и ты будешь не первым, кто так сделает. Можешь уронить свой меч, свой щит, свое копьё — но их роняли и другие, так что подбери его и иди в бой. Можешь наделать себе в штаны — со мной именно так и вышло в первой битве. Никто на тебя и не

глянет — все поля сражений пахнут дерьмом. Можешь звать маму, молиться богам, о которых ты и думать забыл, сквернословить так, как ты от себя и ждать не мог. Все это уже когда-то с кем-то случилось. В каждой битве погибают люди, но больше людей выживает. На западе и на востоке, в каждом трактире и кабаке вы найдете старых солдат, которые дожили до седины и продолжают без конца воевать в битвах своей юности. Они пережили свои битвы, авось переживете и вы. Вот что надо помнить: враг у вас на пути — просто другой человек, который наверняка напуган еще пуще вашего. Если надо — ненавидьте его, если угодно — любите, но уж поднимите меч и убейте его, и гоните коня дальше. Прежде всего двигайтесь — нас слишком мало, чтобы выиграть эту битву. Мы едем, чтобы поднять хаос, купить Безупречным достаточно времени, чтобы они выстроили стену копий, а мы... — Сир? — Ларрак показал вверх штандартом Королевской Гвардии, и одновременно с тысяч уст сорвался нечленораздельный возглас. На дальней окраине города, где темные уступы Великой Пирамиды Миэрина в восемь сотен футов высотой подпирали беззвездное небо, там, где раньше стояла гарпия, вспыхнуло пламя. Желтая искра блеснула на вершине пирамиды, моргнула и исчезла, и на мгновение сир Барристан испугался, что ветер задул ее. Затем огонь вернулся — ярче, свирепее, пламя полыхнуло желтым, красным, оранжевым, поднявшись и разрывая мрак. На востоке среди холмов брезжил рассвет. Теперь вопила уже тысяча людей, а еще тысячи глядели, указывали пальцами, надевали шлемы, тянулись за мечами и топорами. Сир Барристан услышал лязг цепей — опускная решетка поднималась, и вслед за ней заскрежетали огромные железные петли ворот. Время пришло. Рыжий Ягненок протянул Барристану крылатый шлем. Барристан Селми надел его на голову, пристегнул к воротнику, снял щит с седла и пропустил руку под ремни. Воздух пах до странности сладко — ничто не заставляет чувствовать себя настолько живым, как близость смерти.

— Да защитит нас всех Воин, — сказал он своим ребятам. — Трубите атаку.

Барристан II⁵

Полный текст главы отсутствует, но имеется пересказ.

⁵ Перевод пересказа Robusta

Его внутренности сжимаются от волнения, когда он проезжает в ворота. Он знает, что это ощущение пройдет, когда время замедлится в хаосе сражения. Лошадь Дени легко обгоняет его соратников и остальную кавалерию; Барристан рад этому, потому что он намерен опередить Вдовца и нанести первый удар. Юнкайцы совершенно не готовы, и Барристан приближается к Ведьме — самому большому требушету. Вороны-буревестники издают боевые кличи: “Даарио!” и “Вороны-буревестники, летите!” Барристан думает, что никогда больше не будет сомневаться в доблести наемников.

К тому моменту, когда организовывается хоть какая-то защита, между лошадью и юнкайскими легионами остается лишь тридцать ярдов. Воздух наполняется стрелами. Оруженосец ворон-буревестников убит, а болт пронзает щит Барристана. Раздаются три сигнала рога, и бойцы из ям выходят из ворот вслед за авангардом.

Барристан оборачивается, чтобы увидеть бойцов из ям. Их около двух сотен, но шумят они как две тысячи. Выделяется одна женщина, на которой не надето ничего кроме ножных лат, сандалий, кольчужной юбки и питона. Барристан несколько шокирован и, наблюдая, как прыгают ее груди, думает о том, что этот день определенно станет ее последним. Бойцы из ям кричат, в основном, “Лорак!” и “Хиздар!”, но некоторые выкрикивают “Дейенерис!” Ларраку в грудь попадает стрела, что привлекает внимание Барристана, но оруженосец высоко держит знамена и отбрасывает ее.

Барристан добрался до Ведьмы, но гискарский легион в составе шести тысяч человек выстроился, чтобы защитить огромный требушет. Легион выстроен в шесть рядов — первый ряд стоит на колене и направляет копья наружу и вверх, второй ряд стоит и направляет копья наружу на высоте талии, третий ряд направляет копья на высоте плеч. У остальных — небольшие метательные копья, и воины готовы выступить вперед, когда их товарищи падут.

Барристан знает, что мейстерская цепь сильна настолько, насколько сильно ее самое слабое звено. Он определяет, что из его нынешних врагов слабейшие — юнкайские лорды. Определенно слабее, чем легионы рабов. В частности, Барристан нацелен на Маленького Голубя и его цапель. Рабы, выбранные для того, чтобы быть цаплями, были чудовищно высокими и до того, как их поставили на ходули. Они носят розовые пластины, перья и стальные клювы. Но Барристан видит, что они будут ослеплены из-за рассвета, поднимающегося над городом, и, скорее всего, их ряды легко будет сломать. Барристан в последнюю минуту сворачивает от легионов, охраняющих требушет, и направляется к цаплям.

Он отсекает голову одному из цапель, а его парни присоединяются к стычке. Лошадь Дени сбивает цаплю, он задевает троих других, и все они падают. В мгновение ока цапли рассыпаются и убегают, ведомые самим Маленьким Голубем. К несчастью для Маленького Голубя, он запутывается в своих птичьих доспехах и оказывается в руках Красного Ягненка. Маленький Голубь умоляет о пощаде, уверяя, что он достанет большой выкуп. Красный Ягненок отвечает лишь: “Я пришел сюда за кровью, а не за золотом” и разбивет голову Маленького Голубя булавой, забрызгивая кровью Барристана и белую лошадь Дени.

Через ворота начинают маршировать Безупречные, и Барристан видит, что юнкайцы упустили шанс начать эффективную контратаку. Он наблюдает за тем, как убивают легионы рабов, особенно тех, что были скованы цепями и не могли отступить, и размышляет, куда подевались отряды наемников вроде вероломных Младших Сыновей. Безупречные заканчивают построение за воротами, непреклонные, даже когда один из них падает, сраженный арбалетным болтом в шею.

Тумко привлекает внимание Барристана к заливу, спрашивая: “Почему там так много кораблей?” Барристан вспоминает, что вчера их было двадцать, но сейчас их втрое больше. Его сердце обрывается, когда он делает вывод, что это, видимо, прибыли корабли из Волантиса, но затем он видит, как некоторые корабли сталкиваются друг с другом.

Он спрашивает Тумко, чьи молодые глаза видят получше, что за стяги на кораблях. Тумко отвечает: “Кальмары, большие кальмары. Как на островах Василиска — там они иногда утаскивают под воду целые корабли”. Барристан отвечает: “Там, откуда я родом, мы называем их кракенами”.

Он понимает, что прибыли Грейджои, и его первая мысль: “Бейлон присоединился к Джоффри или к Старкам?” Но потом он вспоминает, что слышал о смерти Бейлона, и думает, не связано ли прибытие кораблей с сыном Бейлона, мальчиком, который был стюардом у Старков. Он видит, что железнорожденные сходят на берег, сражаясь с юнкайцами, и удивленно произносит: “Они на нашей стороне!” Наемники не пришли отражать его атаку, потому что уже были заняты железнорожденными!

Барристан почти уже ликует. “Словно Бейлор Сломи Копье и принц Мэйкар, молот и наковальня. Мы одолели их! Мы их одолели!”

Мерси⁶

Она проснулась, глотая воздух и сама не зная, кто она и где.

В ноздрях стоял тяжелый запах крови... или это продолжался кошмар? Ей снова снились волки, снилось, как она бежит по темному сосновому бору и за ней – огромная стая, взяв след добычи.

Комната, серая и сумрачная, тонула в полутьме. Поежившись, девочка села в постели и провела рукой по черепу. Отросшая щетина колола ладонь. «Мне надо побриться, пока Изембаро не увидел. Мерси, меня зовут Мерси, и сегодня меня изнасилуют и убьют». По-настоящему ее звали Мерседина, но все ее звали просто Мерси...

«Но не во сне». Она сделала глубокий вдох, чтобы сердце перестало выть и

⁶ пер. Xavier Xanbie, <http://7kingdoms.ru/2014/twow-spoiler-arya/>

колотиться, и попыталась вспомнить, что ей снилось, но сон почти успел растаять. Там была кровь – это она помнила, и полная луна над головой, и дерево, которое глядело, как она бежит.

С вечера она отворила ставни, чтобы дать утреннему солнцу себя разбудить – но сейчас за окном комнатухи Мерси не было солнца, только стена текучей серой мглы. С улицы тянуло холодом... и это было хорошо, а иначе бы она проспала весь день до вечера. «Как похоже на Мерси – проспать, когда ее должны изнасиловать».

Ноги покрылись гусиной кожей, одеяло обмоталось вокруг нее, как змея. Девочка размотала его, скинула на голый дощатый пол и голой пошлепала к окну. Браавос заволокло туманом – видно было зеленую воду в канале внизу, булыжную мостовую под зданием, две арки обросшего мхом моста... но дальний конец моста сгинул в серой мгле, и от зданий по ту сторону канала только и осталось, что несколько еле видных огней в окнах. Она услышала тихий плеск в канале – из-под средней арки моста выплыла змея-лодка.

– Который час? – закричала Мерси человеку, который стоял на задранном хвосте змеи, направляя лодку шестом.

Лодочник поднял голову на голос.

– Четыре часа по реву Титана, – его голос отразился эхом от зеленых вод и стен невидимых зданий.

Она не опаздывает – пока нет, но и мешкать не стоит. Мерси – девочка славная и трудолюбивая, но со временем у нее нелады – а сегодня это было бы некстати. В этот вечер во «Вратах» ждали вестеросского посла, и Изембаро не захочет слушать никаких оправданий, даже если их приправить самой милой улыбкой.

Тазик еще с вечера, перед сном, был наполнен водой из канала – она, конечно, была солоновата, но лучше, чем склизкая зеленая дождевая, которая застаивалась в цистерне за домом. Обмакнув тряпку в тазик, девочка обтерлась с головы до пят, время от времени становясь на одну ногу, чтобы потереть мозолистую подошву другой. После мытья она нашла бритву: на бритую голову лучше садится парик – так говорил Изембаро.

Девочка побрилась, надела исподнее и через голову натянула бесформенное бурое платье. Один из чулков просил штопки, как она заметила, надевая его. Об этом придется просить Язву – у самой девочки шитье выходило так плохо, что костюмерша жалела ее и шила сама. «Или можно стянуть из костюмерной пару получше» – но это дело рискованное. Изембаро терпеть не мог, когда актеры выносят костюмы наружу. «Только Вендейны это не

касается – отсоси Изембаро член и бери себе любой костюм, какой вздумается». Мерси на эту удочку не попала, Дейна ее предупреждала. – Кто сворачивает на эту дорожку, оказывается на «Корабле», где каждый в зрительном зале может переспать с любой красоткой со сцены – если в кошельке у него хватит денег.

Башмаки – два комка старой бурой кожи с крапинками морской соли, растрескавшиеся от долгой носки; вместо ремня кусок пеньки, покрашенной в голубой цвет. Девочка завязала его на талии и повесила нож на правом бедре и кошелек на левом, а после всего накинула плащ на плечи. Это был настоящий скомороший плащ – пурпурное сукно подбито красным шелком, сзади капюшон от дождя, и под плащом три потайных кармашка. В одном из них было спрятано несколько монет, в другом железный ключ и в третьем – клинок. Настоящий клинок, не такой, как нож для фруктов, какой она носила на бедре – но это оружие и не принадлежало Мерси, как и другие сокровища. Мерси принадлежал нож для фруктов – она была создана для того, чтобы есть фрукты, улыбаться, шутить, усердно трудиться и делать, что прикажут. – Мерси, Мерси, Мерси, – пела она, спускаясь по деревянной лесенке вниз. Занозистые перила, крутые ступеньки и пять пролетов по пути вниз – но поэтому комната и досталась ей так дешево. Поэтому, и еще благодаря улыбке Мерси. Она была лысой и тощей, но улыбка у нее была прелестная, и держалась она с изяществом – даже Изембаро признавал, что в ней это есть. По прямой до «Врат» было совсем недалеко, но для девочки, у которой вместо крыльев ноги, путь предстоял неблизкий. Браавос – город кривой: улицы кривые, переулки еще кривее, а каналы кривее некуда. Обычно девочка ходила дальней дорогой: по улице Старьевщиков к Внешней гавани, откуда было видно море и небо над ним, и все что вокруг, от Великой лагуны до Арсенала и заросших соснами склонов Щита Селлагоро. Моряки махали ей, когда она проходила мимо причалов, звали ее с бортов вымазанных дегтем иббенских китобоев и пузатых вестеросских коггов. Мерси не всегда понимала язык, но знала, что ей кричат. Иногда она улыбалась в ответ и кричала морякам, что они смогут найти ее во «Вратах» – если у них найдутся деньги.

Дальняя дорога приводила ее на Мост Глаз с его резными каменными ликами. С высоты середины моста, между арками, было видно весь город: зеленые медные купола Дворца Истины, лес мачт в Пурпурной гавани, высокие башни поместий и золотую молнию, которая поворачивалась на шпилье над дворцом Морского Начальника... даже бронзовые плечи Титана

по ту сторону темно-зеленого залива. Но это все было видно только тогда, когда над Браавосом светило солнце. Когда в городе стоял туман, кроме серой мглы, ничего не было видно – так что Мерси избрала короткую дорогу, чтобы сберечь свои бедные заношенные башмачки.

Туман словно расступался перед ней и смыкался за спиной, бульжник под ногами был мокрым и скользким, и где-то жалобно вопил кот. Браавос был раем для кошек, и они бегали повсюду, особенно по ночам. «В тумане все кошки серы, – думала Мерси. – В тумане все люди – убийцы».

Ей ни разу не доводилось видеть такой густой туман, как сегодня. На больших каналах лодчики наверняка сталкиваются друг с другом в своих змеях-лодках, не видя по сторонам ничего, кроме тусклого света из окон. Мерси разминулась со стариком, который шел навстречу с фонарем в руках, и позавидовала тому, что у него есть свет. На улице стоял такой сумрак, что нельзя было толком разглядеть, куда ступаешь. В кварталах города победнее дома, лавки и склады лепились один к другому, наваливались друг на друга, как пьяные любовники, верхние этажи сходились так близко, что с одного балкона можно было перешагнуть на другой, напротив. Улицы там превращались в темные туннели, где каждый шаг отдавался эхом, а узкие каналы были особо опасны, поскольку во многих домах отхожие места нависали над водой. Изембаро обожал представлять на сцене речь Морского Начальника из «Печальной купеческой дочери», о том, как «здесь еще стоит последний из Титанов, расставив ноги на каменных плечах своих братьев», но Мерси больше нравилось другое место из той же пьесы – где толстый купец справляет большую нужду на голову Морского Начальника, когда тот плывет внизу по каналу в своей пурпурной с золотом барже. Говорили, что такое могло случиться только в Браавосе, и только в Браавосе и Морской Начальник, и простой моряк могли надрывать животики со смеху, глядя на это зрелище.

«Врата» стояли у самого края Затонувшего Города, между Внешней и Пурпурной гаванями. Здесь когда-то сгорел старый склад, и земля под ним с каждым годом понемногу уходила в море, так что участок достался Изембаро дешево. На полузатопленном каменном фундаменте склада Изембаро воздвиг свой похожий на пещеру театр. Быть может, у «Купола» или «Голубого фонаря» окружение будет поизысканнее, говорил он своим актерам, но здесь, в квартале между гаванями, театр никогда не будет знать недостатка в зрителях – моряках и шлюхах. Тут же по соседству был и «Корабль», и к причалу, где это плавучее заведение было пришвартовано уже лет двадцать,

каждый день стягивались приличные толпы – так что и «Врата» должны процветать, так говорил Изембаро.

Время подтвердило справедливость его слов. С годами по мере просадки здания сцену перекосило, костюмы актеров страдали от плесени, а в затопленном подполе гнездились водяные змеи, но все это никак не тревожило труппу, пока театр продолжал собирать полные залы.

Последний мост – из веревок и отсыревших досок – казалось, уходил в никуда, но причиной тому был туман. Мерси перебежала его, стуча каблуками по дереву. Туман раздвинулся перед ней, словно рваный серый занавес, открыв здание театра. Масляный желтый свет лился из дверей, и Мерси были слышны голоса внутри. У входа Большой Бруско замазал название предыдущего представления и написал вместо этого большими красными буквами: «Кровавый десница». Под надписью он намалевал кроваво-красную руку для тех, кто не умел читать. Мерси остановилась, чтобы посмотреть.

– Красивая рука, – сказала она ему.

– Большой палец криво вышел, – Бруско мазнул кистью по нарисованной руке. – Король Актеров про тебя спрашивал.

– Было так темно, что я проспала.

Когда Изембаро впервые объявил себя Королем Актеров, труппа нашла в этом своеобразное удовольствие, наслаждалась негодованием соперников из «Купола» и «Голубого фонаря». Со временем, однако, Изембаро начал относиться к своему титулу излишне серьезно.

– Он теперь играет только королей, – закатывал глаза Марро, – и если в пьесе нет ни одного короля, он и ставить ее не захочет.

В «Кровавом деснице» было целых два короля, толстяк и мальчик. Изембаро играл толстяка – роль не очень большая, но у него был красивый монолог перед смертью, а еще перед этим впечатляющий бой с демоническим вепрем. Пьесу написал Фарио Форель, который исторгал своим пером больше крови, чем любой другой сочинитель в Браавосе.

Мерси обнаружила, что труппа уже собралась за кулисами, и прошмыгнула между Дейной и Язвой в задний ряд, надеясь, что ее опоздание не заметят.

Изембаро рассказывал всем, что в этот вечер, по его ожиданиям, «Врата» будут забиты до отказа, несмотря на туман.

– Король Вестероса прислал своего посла, дабы воздать по заслугам Королю Актеров, – вещал он перед своей труппой. – Мы не желаем разочаровать нашего брата-монарха.

– «Мы»? – переспросила Язва, которая шила костюмы актерам. – Он там теперь не один?

– Он такой толстый, что считается за двоих, – прошептал Бобоно. У каждой труппы должен быть свой карлик – Бобоно был их карликом. Завидев Мерси, он одарил ее сальным взглядом. – Ого, – сказал он, – вот и она. Готова ли малютка, чтобы ее изнасиловали?

Он пошлепал себя по губам, а Язва наградила его подзатыльником:

– Тихо.

Король Актеров не обратил никакого внимания на этот краткий беспорядок. Он продолжал свою речь, рассказывая актерам, насколько великолепно они должны сыграть. Кроме вестеросского посла, среди зрителей будут ключники, а также знаменитые куртизанки, и Изембаро не желал, чтобы все эти благородные господа ушли из «Врат» недовольными.

– Кто подведет меня, тому добра не ждать, – пообещал он, и эта угроза была позаимствована из монолога, который принц Гэрин произносит перед битвой в «Ярости драконьих владык», дебютной пьесе Фарио Фореля.

К тому времени, как Изембаро окончил свою речь, до представления осталось меньше часа, и актеры изрядно нервничали. Во «Вратах» только и было слышно, как Мерси зовут то туда, то сюда.

– Мерси, – умоляла ее подруга Дейна, – леди Сторк опять наступила на подол платья. Помоги пришить.

– Мерси, – звал Неведомый, – неси проклятый клей, у меня рог отклеился.

– Мерси, – гудел сам Изембаро Великий, – куда ты засунула мою корону, девчонка? Я не могу выйти на сцену без короны. Как они поймут, что я король?

– Мерси, – пищал карлик Бобоно, – Мерси, у меня что-то развязалось, и член вываливается.

Она принесла липкую пасту и приклеила левый рог Неведомого ему обратно на лоб. Она нашла корону Изембаро в уборной, где он вечно ее забывал, и помогла пришпилить ее к парику, а затем сбегала за иголкой и ниткой, чтобы Язва могла пришить подол парчового платья, которое королева должна была носить в сцене свадьбы.

И член Бобоно действительно вываливался – такое у него было устройство, специально для сцены с изнасилованием. «Ну и мерзкая же штука», думала Мерси, когда ей пришлось стать перед карликом на колени, чтобы поправить член. Он был не меньше фута длиной и толщиной с ее руку – таких размеров, чтобы его было видно с самой высокой галереи. Мастер, однако, довольно

скверно выкрасил кожу – штукавина вышла крапчатой, бело-розовой, с головкой цвета зрелой сливы. Мерси пристроила его назад на бриджи Бобоно и зашнуровала.

– Мерси, – пел он, когда она затягивала завязки, – Мерси, Мерси, приходи ко мне в спальню и сделай меня мужчиной.

– Я тебя евнухом сделаю, если ты не перестанешь распускать завязки только для того, чтобы я потрогала тебя за пипку.

– Мы созданы друг для друга, Мерси, – настаивал Бобоно. – Посмотри, мы одного роста.

– Только когда я становлюсь на колени. Ты не забыл свою первую строчку? Не далее как две недели назад карлик вышел на сцену во хмелю и открыл «Тоску архонта» монологом грамкина из «Похотливой купчихи». Изембаро пообещал, что освежает Бобоно заживо, если он во второй раз устроит такой конфуз, и не посмотрит, как тяжело найти хорошего актера-карлика.

– А что мы сегодня ставим, Мерси? – невинно осведомился Бобоно.

«Он просто дразнится, – сообразила Мерси. – Он трезв и прекрасно знает пьесу».

– Мы ставим новую пьесу Фарио, «Кровавого десницу», в честь посла из Семи Королевств.

– Теперь я вспомнил, – Бобоно понизил голос до зловещего шепота. – Как надо мною поглумился семиликий бог! Благородный мой родитель был из золота изваян, и золотыми были мои брат с сестрою. Но меня творец слепил из мерзости – костей, крови и глины, небрежно, кое-как слепив из них убогое обличье, то, что стоит пред вашими глазами, – с этими словами он ухватил девочку за грудь, неуклюже нащупывая сосок. – Ну вот как мне насиловать женщину без сисек?

Мерси ухватила его большим и указательным пальцами за нос и скрутила.

– Не уберешь руки – останешься без носа.

– А-а-а-ай, – запищал карлик, отпуская ее.

– Сиськи у меня вырастут через год или два, – Мерси поднялась на ноги и нависла над коротышкой, – а вот новый нос у тебя никогда не отрастет. Так что подумай, прежде чем в другой раз распускать руки.

Бобоно потер пострадавший нос.

– Нечего стесняться, я все равно тебя скоро изнасилую.

– Не раньше второго акта.

– Когда я насилую Вендейну в «Тоске архона», я всегда мну ее сиськи как следует, – пожаловался карлик. – Ей это нравится, и зрителям тоже. Надо же

угодить зрителям.

Это была одна из «мудростей» Изембаро, как он любил их называть. Надо угодить зрителям.

– Думаю, зрителям еще больше понравится, если я оторву карлику член и отлуплю его этим членом по голове, – заявила Мерси. – Уж этого они точно никогда не видели.

«Показывать зрителям то, чего они никогда не видели» – это тоже была одна из «мудростей» Изембаро, и Бобоно не нашелся, что ответить.

– Ну вот и готово, – сказала Мерси. – Посмотрим, сумеешь ли ты удержать его в штанах до тех пор, пока он не понадобится.

Изембаро опять ее звал – на этот раз он не мог найти копые для охоты на вепря. Мерси разыскала оружие, помогла Большому Бруску надеть костюм вепря, проверила бутафорские кинжалы – не заменил ли кто один из них настоящим клинком (такое уже случалось в «Куполе» и закончилось гибелью актера), а также налила леди Сторк чарку вина, без которой актриса не могла выйти на сцену. Когда все призывы «Мерси, Мерси, Мерси» наконец затихли, она улучила момент, чтобы заглянуть из-за кулис в театр.

В зале было больше народу, чем ей когда-либо приходилось видеть, и они уже развлекались вовсю, шутя, пихаясь локтями, поглощая еду и напитки. Она заметила разносчика, который торговал ломтями сыра и отламывал их от большой сырной головы каждый раз, когда на них находился покупатель. Среди зрителей толклась женщина с мешком сморщенных яблок. Бурдюки с вином переходили из рук в руки, девушки торговали поцелуями, и какой-то моряк играл на волынке. Тут был и Коссомо-Фокусник, и рука об руку с ним Ина, одноглазая шляха из «Счастливого порта», но Мерси не могла знать этих двоих, а они не знали Мерси. Дейна заприметила в толпе нескольких завсегдааев «Врат» и показывала их подруге: красильщика Деллоно с изможденным белым лицом и руками в пурпурных пятнах; Галео-колбасника в сальном кожаном фартуке, верзилу Томарро с ручной крысой на плече. – Лучше Томарро не показывать Галео эту свою крысу, – предупреждала Дейна. – Он никакого другого мяса в свои колбасы не кладет – я так слышала.

Мерси прикрыла рот ладонью и засмеялась.

Галереи наверху тоже наполнились народом. Первый и третий ярусы предназначались для купцов, капитанов и прочей респектабельной публики. Головорезы-бравы предпочитали четвертый, самый высокий ярус, где были самые дешевые сидячие места. Там, наверху, буйствовали яркие краски,

тогда как на ярусах ниже господствовали цвета поскромнее и потемнее. Второй ярус был разделен на отдельные ложи, чтобы знатные господа могли расположиться в удобстве и приватности, будучи огражденными от грубого мужичья над ними и под ними. Оттуда сцену было видно лучше всего, и слуги носили туда кушанья, вино, подушки – все, чего мог пожелать знатный посетитель. Нечасто второй ярус во «Вратах» заполнялся больше чем наполовину: если уж знатный господин и желал посвятить вечер театру, он скорее отправился бы в «Купол» или «Голубой фонарь», где представления были изящнее и поэтичнее.

В эту ночь все было по-другому – и причиной тому, без сомнения, был вестеросский посол. В одной из лож сидели три члена рода Отерисов, каждый в компании знаменитой куртизанки; Престейн, такой древний старец, что непонятно, как он вообще добрался до своего места, сидел в своей ложе один; Торон и Пранелис, состоявшие в стесняющем их союзе, сидели вдвоем; Третий Меч пригласил в свою ложу с полдюжины друзей.

– Я насчитала пять ключников, – сказала Дейна.

– Бессаро такой толстый, что надо посчитать его за двоих, – захихикала Мерси. Изембаро был весьма дороден, но по сравнению с Бессаро казался стройным, точно тополь. Ключник был таким огромным, что ему и кресло понадобилось особенное, втрое больше обычного.

– Они все толстые, эти Рейяны, – сказала Дейна. – Животы у них еще больше, чем корабли. Видела бы ты его отца – по сравнению с ним Бессаро еще маленький. В один прекрасный день его вызвали во Дворец Истины для голосования, и стоило ему погрузиться на баржу, как она тут же пошла ко дну, – она двинула Мерси локтем. – Смотри на ложу Морского Начальника. Морской Начальник никогда не бывал во «Вратах», но Изембаро все равно выделил ему отдельную ложу – самую большую и самую роскошную во всем театре.

– Это, должно быть, вестеросский посол. Ты когда-нибудь видела такие одежды на таком старике? И смотри, он привел с собой Черную Жемчужину! Посол оказался человеком худосочным и лысеющим, с потешным седым пучком волос, торчащим с подбородка. На нем был желтый бархатный плащ и бриджи такого же цвета, а дублет был настолько ярко-синим, что у Мерси едва не заслезились глаза. На груди у него был желтой нитью вышит щит и на этом щите – гордый голубой петушок, набранный из ляпис-лазури. Один из гвардейцев помог ему устроиться в кресле, тогда как двое других встали у стены позади ложи.

Компаньонка посла была, наверное, втрое его моложе, и она была так красива, что светильники, казалось, загорались ярче, когда она проходила мимо. Она носила платье с низким вырезом, и его бледно-желтый шелк был ослепителен на фоне светло-коричневой кожи. Черные волосы были убраны под сеть из золотой канители, и ожерелье из золота и черного гагата терлось о верх полных грудей. На глазах Мерси и Дейны женщина наклонилась к послу и прошептала ему на ухо что-то, что заставило его засмеяться.

– Надо им называть ее Коричневая Жемчужина, – сказала Мерси Дейне. – Она скорее коричневая, чем черная.

– Первая Черная Жемчужина была черной, как чернильница, – сказала Дейна.

– Она была пиратской королевой, а ее родителями были сын Морского Начальника и принцесса с Летних Островов. Король-дракон из Вестероса взял ее себе в любовницы.

– Я бы хотела увидеть дракона, – мечтательно сказала Мерси. – Почему у посла на груди курица?

Дейна взвыла.

– Мерси, разве ты ничего не знаешь? Это его херб. В Закатных Королевствах у каждого лорда есть свой херб – у некоторых цветы, у некоторых рыбы, у некоторых медведи, лоси и всякое другое. Смотри, у гвардейцев посла львы на плащах.

И действительно. Всего гвардейцев было четверо: крупные, суровые на вид мужчины в кольчугах, с тяжелыми вестеросскими мечами в ножнах у бедра. Края алых плащей окаймляли золотые завитки, и каждый плащ на плече скрепляла пряжка в виде золотого льва с красными гранатовыми глазами. Когда Мерси глянула на лица под золочеными гривастыми шлемами, в животе у нее что-то перевернулось. «Боги прислали мне подарок». Она сжала пальцами руку Дейны.

– Вон тот гвардеец. Тот с краю, за Черной Жемчужиной.

– Что с ним не так? Ты его знаешь?

– Нет, – Мерси родилась и выросла в Браавосе, откуда ей знать какого-то вестеросца? Она задумалась на мгновение. – Просто... знаешь, он красивый, ты так не думаешь?

Гвардеец был красавчик – на свой грубый лад, хотя глаза у него были жестокие.

Дейна пожала плечами.

– Он же старый. Не такой старый, как остальные, но... ему лет тридцать, не меньше. И он вестеросец. Они все ужасные дикари, Мерси. От таких людей

лучше держаться подальше.

– Держаться подальше? – Мерси захихикала. Она была смешливой девочкой, эта Мерси. – Нет, мне надо подержаться поближе, – она обняла Дейну за плечи и сказала, – если Язва будет меня искать, скажи ей, что я отошла, чтобы повторить роль.

В пьесе у нее было всего несколько реплик, и большая часть из них была такого сорта: «Нет-нет-нет» и «Не надо, не надо, не трогайте меня» и «Сжальтесь, милорд, я еще девица», но это был самый первый раз, когда Изембаро дал ей какие-нибудь реплики, и можно было ожидать, что бедняжка Мерси только и думает, как правильно их произнести.

Посол из Семи Королевств взял с собой в ложу двух гвардейцев, чтобы они стояли за спиной у него с Черной Жемчужиной, а двоих других поставил снаружи у двери, чтобы никто не смел его беспокоить. В тот момент, когда девочка бесшумно проскользнула за ними в темный закуток, они тихо беседовали на общем языке Вестероса. Мерси этого языка знать не могла.

– Семь преисподних, в этом городе сыро, – жаловался ее гвардеец. – Я продрог до костей. Где апельсиновые деревья? Я всегда слышал, что в Вольных Городах есть апельсиновые деревья. Лимоны и лаймы. Гранаты. Острый перец, теплые ночи, девушки с голыми животиками. Где девушки с голыми животиками, я тебя спрашиваю?

– На юге – в Лисе, Мире, Старом Волантисе, – отвечал другой воин. Это был пожилой человек, пузатый и поседелый. – Я как-то ездил в Лис с лордом Тайвином, когда он еще был десницей Эйриса. Браавос севернее Королевской Гавани, балда – ты смотрел когда-нибудь на карту?

– И сколько нам тут мариноваться?

– Дольше, чем тебе хочется, – сказал пожилой гвардеец. – Если он вернется без золота, королева снимет с него голову. Кроме того, видел я его жену. Есть в Утесе Кастерли такие лестницы, по которым она боится спускаться, чтобы не застрять – настолько она толстая. Ну какой дурак поедет назад к такой женушке, если здесь его встречает такая черная королева?

Красивый гвардеец ухмыльнулся.

– Как думаешь, он потом с нами поделится?

– Умом тронулся? Думаешь, он нас вообще замечает? Клятый петух даже имена наши перевирает через раз. У вас с Клиганом было по-другому?

– Сира скоморошьи представления и шлюхи с рюшечками не особо интересовали. Когда сир хотел женщину, он ее брал, но после иногда и нам давал попользоваться. Если и мне перепадет немного этой Черной

Жемчужины, возражать не буду. Как думаешь, между ног она розовая? Мерси хотелось послушать еще, но времени не было. Представление вот-вот начнется, и Язва будет искать девочку, чтобы та помогла ей с костюмами. Изембаро, может быть, и был Королем Актеров, но по-настоящему в его театре боялись одну Язvu. Время для красавчика-гвардейца найдется позже. Действие «Кровавого десницы» начиналось на кладбище.

Когда карлик внезапно появился из-за деревянного надгробия, публика разразилась шиканьем и бранью. Бобоно вперевалку прошел к краю сцены и окинул зрителей хитрым взглядом.

– Как надо мною поглумился семиликый бог! – зарычал он. – Благородный мой родитель был из золота изваян, и золотыми были мои брат с сестрою. Но меня творец слепил из мерзости – костей, крови и глины...

В этот момент за его спиной появился Марро – костлявый и страшный в черной хламиде Неведомого. Его лицо тоже было вымазано черным, красные зубы блестели от крови, а надо лбом торчали костяные рога. Бобоно его не видел, но с галерей Неведомого было видно, а теперь его видела и публика в зале. Во «Вратах» воцарилась гробовая тишина, и Марро безмолвно двинулся вперед.

Точно так же вперед двинулась и Мерси. Все костюмы уже повешены, и Язва занята, зашивая Дейну в платье для сцены при дворе короля, так что отсутствия Мерси никто не заметит. Тихая, как тень, она опять проскользнула во внешний коридор, там, где у дверей ложи посла стояли на страже гвардейцы. Из темного закутка, неподвижная, как камень, она долго разглядывала его лицо – изучала внимательно, чтобы действовать наверняка. «Не слишком ли я для него маленькая? – думала она. – Недостаточно красивая? Слишком плоская?» Оставалось надеяться, что этот человек не из тех, кто предпочитает большие груди – уж о ее-то груди Бобоно был прав. «Лучше всего было бы, если бы он пошел со мной домой – тогда бы он весь был мой. Но пойдет ли он со мной?».

– Как думаешь, это может быть он? – говорил красавец.

– Иные тебя побери, сдурел, что ли?

– А почему бы и нет? Он же карлик, разве нет?

– Бес – не единственный карлик в мире.

– Может, и нет, но сам подумай – все только и говорят, какой он был хитрый, правда? Может, он раскинул мозгами и решил, что последнее место в мире, где сестра будет его искать – какой-то скомороший балаган, где он будет представлять себя самого. Может, он так и делает, чтобы утереть ей нос.

– Ты спятил.

– Ну, может, мне стоит проследить за ним после представления и самому все выяснить, – гвардеец положил руку на рукоять меча. – Если я прав, стану лордом, а если неправ – ну и хрен с ним, карликом больше, карликом меньше, – и он заржал.

На сцене Бобоно заключал сделку со зловещим Неведомым-Марро. Для такого коротышки у него был очень звучный голос, и сейчас этот голос наполнял зал до самых высоких стропил наверху.

– Дай кубок мне, чтобы упиться, – говорил он Неведомому. – И ежели на языке почувствую вкус золота и львиной крови – что ж, тем лучше для меня. Раз уж не вышел из меня герой, то надлежит мне стать чудовищем и людям страх внушать, а не любовь.

Мерси безмолвно повторяла за ним последние реплики – они были лучше, чем ее собственные, и более подходящие. «Либо он меня захочет, либо нет, – подумала она, – и пусть начнется представление». Она произнесла про себя молитву многоликому богу, выскользнула из своего закутка и бросилась к гвардейцам. Мерси, Мерси, Мерси.

– Милорды, – сказала она, – не говорите ли вы по-браавосски? Прошу вас, скажите, что это так.

Гвардейцы обменялись недоуменными взглядами.

– Что это? – спросил пожилой. – Кто она такая?

– Одна из скоморохов, – сказал красавчик. Он откинул светлые волосы со лба и улыбнулся ей. – Прости, малышка, мы не говорим на вашей тарабарщине. «Пропадите вы пропадом, – подумала Мерси, – они знают только общий язык». Это было плохо – теперь либо сдавайся, либо иди в наступление, а сдаваться она не могла, потому что хотела красавчика всем нутром.

– Я немножко говорю по-вашему, – соврала она с самой милой улыбкой Мерси. – Моя подруга сказала, что вы лорды из Вестероса.

Пожилый покатился со смеху.

– Лорды? Да, это мы и есть.

Мерси уставилась себе под ноги, робея.

– Изембаро сказал, что лордов надо порадовать, – прошептала она. – Если вам что-то нужно, что угодно...

Гвардейцы снова обменялись взглядами, затем красавчик потянулся к ней и потрогал за грудь.

– Что угодно?

– Ну и мразь же ты, – сказал пожилой.

– Да что такого? Если уж этот Изембаро хочет нас попотчевать, грех отказываться, – он щипнул ее за сосок сквозь ткань платья, точно так же, как это делал карлик, когда она поправляла ему член. – Актриски только немногим хуже шлюх.

– Может быть, но это же ребенок.

– Нет, – соврала Мерси, – я уже девушка.

– Ну, это ненадолго, – сказал красавчик. – Я лорд Рафффорд, милашка, и я знаю, что мне угодно. Ну-ка, задери юбки, да наклонись вон к той стене.

– Не здесь, – сказала Мерси, отталкивая его руки. – Не сейчас, когда идет представление. Я могу закричать, и Изембаро будет сердиться.

– Тогда где?

– Я знаю место.

Пожилой гвардеец заворчал:

– Думаешь отлучиться со службы? Что если его сирство спросит, куда ты подевался?

– С чего это? Он смотрит представление. И у него есть своя собственная шлюха – так почему бы мне не перепихнуться со своей? Много времени это не займет.

«Нет, – подумала она, – не займет». Мерси взяла его за руку, вывела через черный ход, и дальше по лестнице, наружу, в туманную ночь.

– Вы могли бы сами стать актером, если бы захотели, – сказала ему девочка, когда красавчик прижал ее к стене театра.

– Я? – фыркнул гвардеец. – Только не я, малышка. Вся эта ваша говорильня – я и половины не запомню.

– Поначалу это трудно, – признала она. – Но со временем привыкаешь – я могу научить вас, как произносить свою роль. Я могу.

Красавчик сжал ее запястье.

– Учить здесь буду я – вот и первый урок, – он притянул ее руку к себе и поцеловал в губы, запихнув Мерси в рот свой язык, мокрый и склизкий, как угорь. Мерси облизнула его своим языком, а затем отпрянула назад, не переводя дыхания:

– Не здесь. Кто-нибудь может нас увидеть. У меня есть комната поблизости, но надо поторопиться. Мне надо вернуть ко второму действию, или я пропущу свое изнасилование.

Красавчик ухмыльнулся.

– Этого не бойся, малышка, – но он все же дал ей повести себя за собой.

Держась за руки, они бежали сквозь туман, по мостам и переулкам, вверх по

пяти пролетам занозистой деревянной лестницы. К тому времени, когда Мерси и ее мужчина заскочили в дверь ее комнатухи, гвардеец задыхался. Мерси зажгла сальную свечу и, хихикая, заплясала вокруг своего гостя.

– А вот вы и умотались, милорд – я и забыла, какой вы старый. Хотите прилечь и вздремнуть? Просто ложитесь, закройте глаза, я вернусь сразу же, как только Бес меня изнасилует.

– Никуда ты не пойдешь, – красавчик грубо притянул ее к себе. – Скидывай эти тряпки, и я покажу тебе, какой я старый, малышка.

– Мерси, – сказала она. – Меня зовут Мерси. Можете повторить?

– Мерси, – повторил он. – Меня зовут Рафф.

– Я знаю, – она сунула руку ему между ног, потрогав твердо стоящий член через ткань бриджей.

– Завязки, – торопил ее гвардеец, – давай, малышка, развяжи их.

Вместо этого ее палец скользнул ниже, по внутренней стороне бедра. Рафф заворчал.

– Эй, поосторожнее там, ты...

Мерси сглотнула воздух и отступила на шаг с растерянным лицом:

– У вас там кровь идет.

– Чего? – он глянул вниз, – боги, помилуйте. Что ты со мной сделала, маленькая дрянь?

Красное пятно расплзлось по бедру, плотная ткань намокала.

– Ничего, – пискнула Мерси. – Я никогда... ох, здесь столько крови.

Прекратите, пожалуйста, вы меня пугаете.

Гвардеец ошеломленно потряс головой; когда он прижал руку к бедру, кровь брызнула между пальцами. Она стекала вниз по ноге в сапог. Теперь Рафф не казался таким уж красивым – скорее белым и напуганным.

– Полотенце, – выдохнул гвардеец. – Дай полотенце, тряпку какую-нибудь, прижми ее. Боги, мне нехорошо, – его ногу от бедра заливало кровью, и когда Рафф попытался перенести на нее вес, колено подломилось, и он рухнул на пол. – Помоги, – молил он, а бриджи в паху заплывали красным. – Матьерь всеблагая, девочка. Врача... беги, найди мне врача, скорее.

– У соседнего канала живет один, но он сюда не пойдет. Надо идти к нему. Идти сможете?

– Идти? – пальцы Раффа были склизки от крови. – Малышка, ты ослепла, что ли? Из меня кровь хлещет, как из резаной свиньи. Я идти не смогу.

– Ну, – сказала она, – даже не знаю, как вам туда попасть.

– Придется уж тебе меня нести.

«Видишь? – подумала Мерси. – Ты знаешь свою роль, а я свою».

– Нести, говоришь? – любезно спросила Арья.

Рафф-Красавчик успел вскинуть глаза, когда длинное тонкое лезвие выпорхнуло у нее из рукава. Она приставила клинок к горлу гвардейца, под челюстью, повернула и резанула наискось одним плавным движением.

Пролился славный красный ливень, и глаза Раффа потухли.

– Валар моргулис, – прошептала Арья, но Рафф был мертв и этого уже не услышал. Она шмыгнула носом. «Надо было помочь ему спуститься по лестнице, прежде чем добивать. Теперь придется тащить его вниз до самого канала и скинуть в воду». Остальное сделают угри.

– Мерси, Мерси, Мерси, – грустно пропела она. Глупая ветреная девочка с добрым сердцем. Арья будет по ней скучать – и она будет скучать и по Дейне, и по Язве, и по всем остальным, даже по Изембаро и Бобоно. Эта ее выходка прибавит забот и Морскому Начальнику, и послу с курицей на груди – в этом она не сомневалась.

Но об этом она подумает позже – сейчас времени нет. Надо бежать. У Мерси еще осталось несколько реплик – ее первые реплики и последние, и Изембаро снимет с нее миленькую маленькую пустую головку, если она опоздает на свое изнасилование.

Теон⁷

Королевский голос захлёбывался от гнева.

– Вы пират похлеще Салладора Саана!

Теон Грейджой открыл глаза. Его плечи горели, руки не слушались. На миг он испугался, что вернулся в прежнюю камеру под Дредфортом, а мешанина воспоминаний у него в голове – лишь обрывки какого-то лихорадочного сна. «Я спал» – сообразил он. Или же вырубился от боли. Попытавшись двинуться, Теон закачался из стороны в сторону, царапая спину о камень. Он висел на внутренней стене башни, прикованный за запястья парой покрытых ржавчиной железных колец.

В воздухе стояла вонь горящего торфа. Полom служила сильно утоптанная земля. Деревянные ступени лестницы спиралью вились вдоль стен к крыше.

⁷ пер. Teana, <http://7kingdoms.ru/2011/twow-spoiler-theon/>

Окон он не заметил. Башня была сырой, тёмной и неудобной. Вся мебель составляли стул с высокой спинкой да грубый стол на трёх подпорках. Нужник отсутствовал, но в полумраке ниши Теон увидел ночной горшок. Единственным источником света были стоявшие на столе свечи. Ноги Теона болтались в шести футах над землёй.

– Долги моего брата, – ворчал король, – и обязательства Джоффри, хотя этот мерзкий ублюдок мне и родней-то не приходился.

Теон дёрнулся в своих оковах. Он узнал этот голос. *«Станнис»*.

Грейджой сдавленно рассмеялся. Руки пронзило болью от плеч до запястий. Всё, что он сделал, всё, что пережил: Ров Кейлин, Барроутон и Винтерфелл, Абель со своими прачками, Воронье Мясо и Амберы, побег в метель – всё лишь для того, чтобы сменить одного мучителя на другого.

– Ваше величество, – тихо произнёс второй голос. – Прошу прощения, но ваши чернила замёрзли.

«Бравосец, – понял Теон. – Как там его звали? Тихо... Тихо чего-то там...»

– Может, немного тепла?..

– Я знаю способ побыстрей.

Станнис вытащил кинжал, и Теону на миг показалось, что его величество заколет им банкира. *«Из этого и капли крови не выжмешь, милорд»*, – мог бы сказать он королю. Станнис приложил лезвие к подушечке большого пальца своей левой руки и резанул.

– Вот так. Подпишусь собственной кровью. Это должно осчастливить ваших хозяев.

– Что угодно вашему величеству, угодно и Железному Банку.

Станнис обмакнул перо в сочащуюся из пальца кровь и нацарапал своё имя на куске пергамента.

– Выезжайте сегодня же. Вскоре на нас может напасть лорд Болтон. Не хочу, чтобы вы угодили в сражение.

– Я бы и сам предпочёл уехать. – Бравосец спрятал свиток в деревянную трубку. – Надеюсь иметь честь вновь навестить ваше величество, когда вы сядете на ваш Железный Трон.

– Хотите сказать: надеетесь вернуть ваше золото. Приберегите свои любезности. Мне нужны от Браавоса деньги, а не пустая учтивость.

Передайте страже снаружи, что мне нужен Джастин Масси.

– С удовольствием. Железный Банк всегда рад услужить, – поклонился банкир.

После его ухода вошёл другой человек – рыцарь.

Теон смутно помнил, что королевские рыцари сновали туда-сюда всю ночь. Этот, похоже, один из приближённых короля. Худой, темноволосый, с тяжёлым взглядом и лицом, обезображенным оспинами и старыми шрамами, одет он был в выцветший плащ с изображением трёх бабочек.

– Сир, – объявил рыцарь, – мейстер ждёт снаружи, а лорд Арнольф Карстарк сообщил, что будет весьма рад позавтракать с вами.

– С сыном?

– И с внуками тоже. Лорд Вулл также просит вашей аудиенции. Он хочет...

– Знаю я, чего он хочет. – Король указал на Теона. – Его. Вулл желает его смерти. Флинт, Норри... все они хотят, чтобы он умер. За убитых им мальчиков. Месть за их драгоценного Неда.

– Вы удовлетворите их желание?

– Пока от живого перевёртыша больше пользы. У него есть сведения, которые могут нам пригодиться. Приведите этого мейстера. – Король схватил со стола пергамент и пробежался по нему глазами. «Письмо», – понял Теон. Сломанная печать была из чёрного воска, твёрдого и блестящего. «Я знаю, что там говорится», – подумал он, хихикая.

Станнис поднял глаза.

– Перевёртыш зашевелился.

– Теон. Меня зовут Теон.

Нужно помнить своё имя.

– Я знаю твоё имя. Я знаю, что ты сделал.

– Я спас её.

Внешняя стена Винтерфелла восьмидесяти футов в высоту, но под тем местом, откуда он спрыгнул, снега навалило на высоту не менее сорока. «Холодная белая подушка». Девушка пострадала сильнее. «Джейни, её зовут Джейни, но она никогда им этого не скажет». Теон упал на неё и сломал ей несколько рёбер.

– Я спас девушку, – повторил он. – Мы улетели.

Станнис фыркнул.

– Вы упали. Её спас Амбер. Если бы Морса Воронье Мясо и его людей не оказалось у замка, Болтон вернул бы вас обоих в два счёта.

«Воронье Мясо». Теон вспомнил. Высокий и могучий старик с красным лицом и косматой белой бородой восседал на мохнатом коньке, завернувшись в огромную белую шкуру с медвежьей головой в качестве капюшона. Ниже виднелась запачканная наглазная повязка из белой кожи, напомнившая Теону о дяде Эуроне. Ему хотелось сорвать её с лица Амбера и

убедиться, что под ней лишь пустая глазница, а не чёрный глаз, сияющий злобой, но вместо этого он проскулил сквозь сломанные зубы:

– Я...

– ...перевёртыш и братоубийца, – закончил за него Воронье Мясо. – Попридержи-ка свой лживый язык, не то лишишься его.

Но Амбер пригляделся к девушке повнимательней своим единственным глазом.

– Ты младшая дочь?

Джейни кивнула.

– Арья. Меня зовут *Арья*.

– Да, Арья из Винтерфелла. Когда последний раз я гостил в этих стенах, ваш повар приготовил нам бифштекс и пирог с почками и подал их с элем, на мой взгляд, лучшим, что я когда-либо пробовал. Как его звали, этого повара?

– Гейдж, – тут же ответила Джейни. – Он был хорошим поваром. Когда у нас были лимоны, он всегда пёк с ними пирожки для Сансы.

Воронье Мясо пробежал пальцами по своей бороде.

– Теперь уже мёртв, наверно. Да и кузнец ваш тоже. В стали он знал толк. Как его звали?

Джейни задумалась. *«Миккен, – подумал Теон. – Его звали Миккен»*. Кузнец не пёк для Сансы лимонных пирожков и потому в прекрасном мирке, который та делила со своей подружкой Джейни Пуль, ему не придавали такого значения, как повару. *«Вспоминай, будь ты неладна. Твой отец служил стюардом, он управлял всем хозяйством. Кузнеца звали Миккен, Миккен, Миккен. Его казнили у меня на глазах!»*

– Миккен, – произнесла Джейни.

Морс Амбер промычал:

– Угу.

Теон так и не узнал, что тот собирался сказать или сделать дальше, ведь в тот самый миг прибежал парень с копьём в руках и прокричал, что решётку на главных воротах Винтерфелла поднимают. *«И как тогда ухмыльнулся Воронье Мясо...»*

Теон повернулся в цепях и посмотрел вниз, на короля.

– Воронье Мясо нашёл нас, да, и послал сюда, к вам, но спас её я. Сами у неё спросите.

Она подтвердит.

– Ты спас меня, – прошептала Джейни, когда он тащил её сквозь снег.

Она побледнела от боли, но провела рукой по его щеке и улыбнулась.

– Я спас *леди Арию*, – прошептал Теон в ответ, и в тот самый миг их окружили копейщики Морса Амбера.

– Это моя награда? – спросил он Станниса, слегка стукнув ногой по стене. Плечи горели от боли. Под тяжестью его веса руки вырывались из суставов. Как долго я здесь вишу? Снаружи всё ещё ночь? В башне не было окон, поэтому он никак не мог этого узнать.

– Раскуйте меня, и я послужу вам.

– Как послужил Русе Болтону и Роббу Старку? – фыркнул Станнис. – Ну, уж нет. У нас для тебя припасена кончина погорячее, перевёртыш. Но только после того, как мы с тобой закончим.

«*Он намерен убить меня*». Эта мысль, как ни странно, его успокоила. Смерть не пугала Теона Грейджоя. Смерть избавила бы от боли.

– Тогда кончайте со мной, – попросил он короля. – Отрубите мне голову и насадите на копьё. Я убил сыновей лорда Эддарда, я должен умереть. Но поскорее. *Он идёт*.

– Кто идёт? Болтон?

– Лорд Рамси, – прошипел Теон. – Сын, не отец. Вы не должны позволить ему взять его... Русе... Русе в безопасности в стенах Винтерфелла со своей новой толстой женой. *Рамси* идёт.

– Ты хотел сказать Рамси Сноу. Бастард.

– *Никогда не называйте его так!* – брызжа слюной, взвизгнул Теон. – Рамси *Болтон*, не Рамси Сноу. Только не Сноу. Нужно помнить его *имя*, иначе он причинит вам боль.

– Пусть попробует. Под любым именем.

Дверь открылась, впустив порыв холодного чёрного ветра и кружащийся снег. Рыцарь бабочек вернулся с явившимся по зову короля мейстером в накинутаой поверху серой одежды тяжёлой медвежьей шкуре. Следом вошли два рыцаря, каждый нёс клетку с вороном. Один из вошедших оказался тем самым, что сопровождал Ашу, когда банкир доставил к ней Теона. Здоровяк с крылатой свиньёй на плаще. Второй был ещё выше: широкоплечий, мускулистый, в плаще, скреплённом горящим сердцем, и в панцире из посеребрённой стали с чернением, несмотря на вмятины и царапины, сиявшем при свете свечей.

– Мейстер Тибальд, – провозгласил рыцарь бабочек.

Рыжий сутулый мейстер опустил на колени, не сводя взгляда своих близко посаженных глаз с висевшего на стене Теона.

– Ваше величество. Чем могу служить?

Станнис ответил не сразу. Нахмурившись, он изучал стоявшего перед ним человека.

– Встаньте.

Мейстер поднялся.

– Вы мейстер Дредфорта. Как получилось, что вы оказались здесь, с нами?

– Лорд Арнольф взял меня с собой для ухода за его ранеными.

– За ранеными? Или за его воронами?

– Теми и другими, ваше величество.

– Теми и другими! – рявкнул Станнис. – Мейстерский ворон летает лишь в одно место, и только туда. Верно?

Мейстер отёр рукавом пот со лба.

– Н-не совсем, ваше величество. Большинство – да. Немногих можно обучить летать между двумя замками. Такие птицы очень ценятся. И совсем редко нам удаётся найти ворона, способного выучить названия трёх, четырёх или пяти замков и летать в любой из них по команде. Такие умные птицы появляются на свет лишь раз в столетье.

Станнис указал на чёрных птиц в клетках.

– Полагаю, эти две не настолько сообразительны.

– Нет, ваше величество. К сожалению.

– Тогда скажите мне: куда обучена летать эта парочка?

Мейстер Тибальд не ответил. Теон Грейджой слабо лягнул ногой и чуть слышно засмеялся. *«Попался!»*

– Отвечайте. Отпусти мы этих птиц, они вернулись бы в Дредфорт? – Король наклонился вперёд. – Или, может, вместо этого полетели бы в Винтерфелл?

Мейстер Тибальд обмочился. Теон не мог видеть с того места, где он висел, растекающегося тёмного пятна, но запах мочи был резким и сильным.

– Мейстер Тибальд лишился дара речи, – сказал Станнис своим рыцарям. – Годри, сколько клеток вы нашли?

– Три, ваше величество, – ответил рыцарь в посеребрённом панцире. – Одна оказалась пуста.

– В-ваше величество, мой орден поклялся служить, мы...

– Мне известно всё о ваших обетах. Я хочу лишь знать, что в том письме, которое вы послали в Винтерфелл. Может, вы сообщили лорду Болтону, где нас найти?

– С-сир, – гордо выпрямился сутулый Тибальд, – правила моего ордена запрещают мне разглашать содержимое писем лорда Арнольфа.

– Похоже, ваши обеты сильнее вашего мочевого пузыря.

– Ваше величество должны понять...

– *Разве?* – пожал плечами король. – Ну, раз вы так говорите. В конце концов, вы учёный человек. На Драконьем Камне у меня был мейстер, он был мне почти что отцом. Я испытываю глубочайшее уважение по отношению к вашему ордену и его обетам. Однако же сир Клейтон не разделяет моих чувств. Все свои знания он получил в переулках Блошиного Конца. Поручи я вас ему, он задушил бы вас вашей же цепью или выковырял вам ложкой глаз.

– Лишь один, ваше величество, – отозвался лысеющий рыцарь крылатой свиньи. – Другой бы оставил.

– Сколько глаз нужно мейстеру для чтения писем? – поинтересовался Станнис. – Думаю, одного вполне достаточно. Я бы не хотел лишать вас возможности служить своему господину. Однако же, на нас в любой момент могут напасть люди Русе Болтона, так что вы должны понять, почему я скуп на любезности. Спрошу ещё раз. Что было в сообщении, которое вы отправили в Винтерфелл?

Мейстера затрясло.

– К-карта, ваше величество.

Король откинулся на спинку стула.

– Уберите его отсюда, – приказал он. – Воронов оставьте.

На его шее запульсировала вена.

– Заприте эту серую тварь в одной из хижин, пока я не решу, как с ним поступить.

– Будет сделано, – произнёс высокий рыцарь.

Мейстер исчез в очередном порыве холода и снега. Остался лишь рыцарь трёх бабочек.

Станнис сердито взглянул на Теона.

– Как оказалось, ты здесь не единственный перевёртыш. Если бы у всех лордов Семи Королевств была только одна шея...

Он повернулся к рыцарю.

– Сир Ричард, пока я буду завтракать с лордом Арнольфом, вы обезоружите его людей и возьмёте их под стражу. В большинстве своём они будут спать. Не причиняйте им вреда, если не окажут сопротивления. Возможно, они не знали. Расспросите об этом кого-нибудь из них... Но, вежливо. Если им ничего не известно об этой измене, то надо дать им возможность доказать свою преданность.

Король жестом отослал приближённого.

– Пришлите Джастина Масси.

«Ещё один рыцарь», – понял Теон, когда вошёл Масси: белокурый, с аккуратно постриженной светлой бородой и густыми прямыми волосами – настолько блёклыми, что казались скорее белыми, чем золотыми. На его рубахе была изображена тройная спираль – древний знак древнего дома. – Мне сказали, что я понадобился вашему величеству, – произнёс он, преклонив колено.

Станнис кивнул.

– Проводишь банкира-браавосца обратно к Стене. Выбери шестерых человек понадежнее и возьми двенадцать лошадей.

– Под седло или на обед?

Королю было не до смеха.

– Я хочу, сир, чтобы вы отправились до полудня. Лорд Болтон может напасть в любой момент, и крайне важно, чтобы банкир вернулся в Браавос. Будешь сопровождать всю дорогу через Узкое море.

– Если предстоит битва, то моё место здесь, с вами.

– Твоё место там, где я скажу. У меня пять сотен мечей ничем не хуже тебя, если не лучше, но у тебя хорошие манеры и бойкий язык – именно те качества, от которых мне больше проку в Браавосе, а не здесь. Железный Банк открыл для меня свои закрома. Возьми у них деньги и купи корабли и наёмников. Отряд с хорошей репутацией, если таковой отыщется. Я бы предпочёл Золотое Братство, если они свободны. При необходимости поищи их в Спорных Землях. Но сначала найми столько мечей, сколько сможешь в Браавосе, и отправь их ко мне через Восточный Дозор. И лучников тоже, нам нужно больше луков.

Сир Джастин откинул прядь волос, упавшую ему на один глаз и сказал:

– Капитаны вольных отрядов охотнее присоединятся к лорду, чем к простому рыцарю, ваше величество. У меня нет ни титула, ни земель, с чего им продавать мне свои мечи?

– Приди к ним с полными пригоршнями золотых драконов, – язвительно ответил король. – Это сможет их убедить. Двадцати тысяч бойцов хватит. Не возвращайся с меньшим количеством.

– Сир, могу ли я говорить открыто?

– Если только быстро.

– Вашему величеству следует отправиться в Браавос вместе с банкиром.

– Таков твой совет? Я должен бежать? – лицо короля потемнело. – Насколько я помню, то же ты советовал мне и на Черноводной. Когда удача изменила нам, я позволил тебе и Хорпу загнать меня назад на Драконию Камень,

словно побитую дворнягу.

– Бой был проигран, ваше величество.

– Да, так ты и сказал: *«Бой проигран, сир. Отступите сейчас, чтобы сразиться вновь»*. А теперь ты хочешь, чтобы я удрал за Узкое море...

– ...да, чтобы собрать армию. Как сделал Злой Клинок после битвы на Красном поле, где пал Дейемон Чёрное Пламя.

– Не стоит при мне молоть чепухи об истории, сир. Дейемон Чёрное Пламя был мятежником и узурпатором, Злой Клинок – бастардом. Спасаясь бегством, он поклялся вернуться, чтобы посадить одного из сыновей Дейемона на Железный Трон. Не посадил. Слова – ветер, а ветер, что уносит изгнанников за Узкое море, редко возвращает их обратно. Этот мальчик, Визерис, тоже твердил о возвращении. Он проскользнул у меня меж пальцев на Драконьем Камне лишь для того, чтобы всю жизнь обхаживать наёмников. В Вольных городах его называли королём-попрошайкой. Что ж, я не попрошайничаю и не побегу снова. Я наследник Роберта, законный король Вестероса. Моё место с моими людьми. Твоё – в Браавосе. Отправляйся вместе с банкиром и сделай, как я велю.

– Как прикажете, – ответил сир Джастин.

– Может случиться, что мы проиграем эту битву, – мрачно произнёс король.

– В Браавосе ты можешь услышать о моей смерти. Это даже может оказаться правдой. Но ты всё равно найдёшь мне наёмников.

Рыцарь запнулся.

– Ваше величество, если вы умрёте...

– ...ты отомстишь за мою смерть и посадишь мою дочь на Железный Трон. Или погибнешь, пытаясь это сделать.

Сир Джастин положил ладонь на рукоять меча.

– Клянусь вам рыцарской честью.

– Да, и прихвати с собой дочь Старка. Доставь её лорду-командующему по пути в Восточный Дозор. – Станнис постучал по пергаменту, лежавшему перед ним. – Настоящий король платит свои долги.

«Ага, оплати, – подумал Теон. – Оплати фальшивой монетой». Джон Сноу мгновенно разглядит подмену. Угрюмый бастард лорда Старка знал Джейни Пуль и всегда любил свою сводную сестрицу Арию.

– Чёрные братья сопроводят вас до Чёрного замка, – продолжал король. – Железные люди останутся здесь, предположительно чтобы сражаться за нас. Ещё один подарок Тихо Несториса. К тому же они бы вас только задержали. Железные люди созданы для кораблей, а не для лошадей. Леди Арье

понадобится компаньонка. Возьми Алисанну Мормонт.

Сир Джастин снова отбросил волосы.

– А леди Аша?

Король немного подумал над этим.

– Нет.

– Однажды вашему величеству потребуется захватить Железные острова. Это получится куда легче, когда дочь Бейлона Грейджоя будет вашей пешкой, если один из верных вам людей станет ей мужем и господином.

– Ты? – нахмурился король. – Эта женщина замужем, Джастин.

– Формальный брак, не осуществлённый. Его легко отменить. Жених к тому же стар. Наверняка скоро умрёт.

«От меча в брюхе, если вы добьётесь своего, сир-червяк». Теон знал, как мыслят эти рыцари.

Станнис сжал губы.

– Послужи мне на славу в этом деле с наёмниками и, может быть, твоё желание исполнится. До этого женщина останется моей пленницей.

Сир Джастин склонил голову.

– Понимаю.

Это, похоже, лишь разозлило короля.

– Мне нужно от тебя не понимание, а повиновение. Ступайте, сир.

В этот раз, когда рыцарь выходил, мир снаружи показался скорее белым, чем чёрным.

Станнис Баратеон прошёлся по комнате. Башня была маленькой, сырой и тесной. Несколько шагов приблизили короля к Теону.

– Сколько людей у Болтона в Винтерфелле?

– Пять тысяч. Шесть. Или больше. – Он улыбнулся королю жуткой гримасой разбитых и расколотых зубов. – Больше, чем у вас.

– Сколько из них он может послать против нас?

– Не более половины.

Конечно же, это лишь догадка, но она показалась ему правильной. Русе Болтон не тот человек, чтобы брести вслепую через снег даже с картой. Он оставит главные силы в резерве, придержит своих лучших людей при себе под охраной массивных двойных стен Винтерфелла.

– Замок переполнен. Люди были готовы глотки друг другу резать, особенно Мандерли и Фреи. Их и послал за вами его светлость – тех, от которых он с радостью бы избавился.

– Виман Мандерли. – Король презрительно скривил рот. – Лорд Слишком-

Жирный-Чтобы-Сесть-На-Коня. Слишком жирный, чтобы присоединиться ко мне, но в Винтерфелл он явился. Слишком жирный, чтобы преклонить колено и обещать мне свой меч, но теперь обнажил меч ради Болтона. Я послал своего Лукового лорда с ним договориться, а Лорд-Слишком-Жирный убил его и водрузил его голову и руки на стены Белой Гавани, на радость Фреям. А Фрей... Красная Свадьба забыта?

– Север помнит. Красную Свадьбу, пальцы леди Хорнвуд, разрушение Винтерфелла, Темнолесье и Торрхенов Удел – они помнят всё.

«Брана и Рикона. Которые были всего лишь сыновьями мельника».

– Фрей и Мандерли никогда не объединят силы. Они придут за вами, но по отдельности. Лорд Рамси последует за ними. Он хочет вернуть свою жену. Он хочет своего Вонючку. – Теон то ли смеялся, то ли хныкал. – Вашему величеству стоит опасаться только лорда Рамси.

Станниса это рассердило.

– Я одолел твоего дядю Виктариона и его Железный Флот у Прекрасного острова, когда твой отец короновался в первый раз. Я в течение года удерживал Штормовой Предел против всей мощи Простора и отобрал Драконий Камень у Таргариенов. Я разбил Манса Налётчика у Стены, хотя он в двадцать раз превосходил меня числом. Скажи мне, перевёртыш, какие такие победы одержал Бастард Болтона, чтобы я его боялся?

«Вы не должны так называть его!» Волна боли захлестнула Теона Грейджоя. Он закрыл глаза и скривился, а открыв их вновь, произнёс:

– Вы его не знаете.

– А он не знает меня.

– *Знает меня!* – закричал один из воронов, которых оставил мейстер, и захлопал большими чёрными крыльями по решёткам клетки.

– *Знает!* – закричал он снова.

Станнис обернулся.

– Прекратить этот шум!

Позади него открылась дверь. Пришли Карстарки.

По пути к столу согнутый и скрюченный кастелян Кархолда тяжело опирался на трость. Плащ лорда Арнольда был сшит из добротной серой шерсти, подбитой чёрным горностаем, и скреплялся серебряной звездой. *«Богатое одеяние, – подумал Теон, – на жалком подобии человека.* Он знал, что видел этот плащ прежде, как и его обладателя. *«В Дредфорте. Как же, помню. Он ужинал с лордом Рамси и Амбером Смерть Шлюхам той ночью, когда Вонючку выпустили из темницы».*

Шедший рядом со стариком мужчина мог быть только его сыном. Теон рассудил, что тому около пятидесяти. Его круглое мягкое лицо напоминало бы отцовское, случись лорду Арнольфу растолстеть. За ним вошли трое мужчин помоложе. «Внуки», – догадался Теон. Один из них был облачён в кольчугу с короткими рукавами. Остальные оделись для завтрака, не для битвы. «Глупцы».

– Ваше величество, – склонил голову Арнольф Карстарк. – Какая честь. Он поискал глазами, где присесть, но вместо этого заметил Теона.

– А это кто?

Узнавание пришло почти сразу же. Лорд Арнольф побледнел.

Его тупой сын так ничего и не понял.

– Стульев нет, – заметил олух.

Один из воронов закричал в клетке.

– Только для меня. – Король Станнис сел. – Не Железный Трон, но здесь и сейчас сойдёт и такой.

Дюжина мужчин вошли в дверь башни, возглавляемые рыцарем бабочек и высоким мужчиной в посеребрённом панцире.

– Вы уже покойники, осознайте это, – продолжил король. – Осталось лишь определить, каким способом вы умрёте. Не советовал бы тратить моё время на отрицания. Покаетесь – умрёте так же легко, как лорд Рикард от руки Молодого Волка. Солжётё – взойдёте на костёр. Выбирайте.

– Выбираю это! – Один из внуков схватился за меч и попытался его обнажить.

Этот вариант оказался плохим. Не успел клинок внука покинуть ножен, как два королевских рыцаря ринулись на него. В итоге его кисть шлёпнулась в грязь, из обрубка руки хлынула кровь, а один из братьев устремился к лестнице, спотыкаясь и зажимая рану в животе. Пошатываясь, он взобрался на шесть ступеней, прежде чем упасть и с грохотом скатиться на землю.

Ни Арнольф Карстарк, ни его сын не пошевелились.

– Уведите их, – приказал король. – Меня тошнит от одного их вида.

Всех пятерых моментально связали и вывели. Потерявший правую руку лишился сознания от кровопотери, но его брат с раной в животе кричал за двоих.

– Так я поступаю с предателями, перевёртыш, – сообщил Теону Станнис.

– Меня зовут *Теон*.

– Как пожелаешь. Скажи-ка мне, *Теон*, сколько мужей с Морсом Амбером у Винтерфелла?

– Ни одного. Они не мужи, – улыбнулся он собственной шутке. – У него одни мальчишки. Я их видел.

Не считая горстки полуискалеченных сержантов, воины, которых привёл из Последнего Очага Воронье Мясо, едва доросли до того, чтобы бриться.

– Копья и топоры старше, чем руки, которые их сжимают. Это у Амбера Смерть Шлюхам в замке мужи. Видел я и их. Старики – все, до последнего, – хихикнул Теон. – Морс прихватил зелёных мальчишек, а Хозер – седобородых. Все настоящие мужчины ушли с Большим Джоном и погибли на Красной Свадьбе. Вы это хотели узнать, ваше величество?

Король Станнис пропустил колкость мимо ушей.

– Мальчишки! – только и сказал он, с отвращением. – Мальчишки недолго смогут удерживать лорда Болтона.

– Недолго, – согласился Теон. – Совсем недолго.

– *Недолго!* – завопил ворон из клетки.

Король злобно зыркнул на птицу.

– Банкир-браавосец сказал, что сир Эйенис Фрей мёртв. Это дело рук какого-то мальчишки?

– Двадцати зелёных мальчишек с лопатами, – ответил Теон. – Снег валил целыми днями – настолько сильно, что замковых стен не разглядеть и за десять ярдов. Так же и люди на стенах не видели, что происходит у них под носом. Потому Воронье Мясо послал своих мальчишек копать ямы перед замковыми воротами, а потом подул в рог, чтобы выманить лорда Болтона. Взамен он получил Фреев. Снег укрыл ямы, и те въехали прямо в них. Как я слышал, Эйенис сломал себе шею, но сир Хостин, к сожалению, потерял только лошадь. Теперь, небось, гневается.

Станнис, как ни странно, улыбнулся.

– Разгневанные враги меня не беспокоят. Гнев притупляет разум, а Хостин Фрей и без того глуп, если хотя бы половина того, что я о нём слышал, правда. Пусть приходит.

– Он придёт.

– Болтон просчитался, – заявил король. – Всё, что ему было нужно сделать, так это сидеть в своём замке до тех пор, пока мы не умрём с голоду. Вместо этого он отправил часть своего войска на бой с нами. Его рыцари будут на лошадях – нашим придётся сражаться пешими. Его люди будут хорошо накормлены – наши пойдут в бой с пустыми животами. Не важно кто. Сир Тупица, лорд Слишком-Жирный, Бастард – пусть приходят. Мы удерживаем позицию, и я намерен обратить это нам на пользу.

– Позицию? – произнёс Теон. – Какую позицию? Эту? Эту позорную башенку? Эту жалкую деревушку? У вас нет ни возвышенности, ни стен, чтобы укрыться за ними, нет естественной защиты.

– Пока что.

– *Пока что!* – закричали в унисон обе птицы.

Потом одна каркнула, а другая пробормотала:

– *Дерево, дерево, дерево.*

Распахнулась дверь. Мир за ней был белым. Вошёл рыцарь трёх бабочек и, потоптавшись, чтобы сбить облепивший ноги снег, доложил:

– Ваше величество, Карстарки захвачены. Кое-кто сопротивлялся и поплатился за это жизнью. Большинство были совсем сбиты с толку и сдались добровольно. Мы загнали их в общинный дом и там заперли.

– Отлично.

– Они говорят, что не знали. Те, которых мы допросили.

– Ещё бы.

– Мы можем допросить их получше...

– Нет. Я верю им. Карстарк не мог бы надеяться сохранить свою измену в тайне, если бы поделился замыслами с каждым простолюдином в отряде.

Какой-нибудь пьяный копейщик однажды проговорился бы ночью в постели шлюхи. Им не требовалось знать. Они люди Кархолда. В нужный момент они подчинились бы своим господам, как и делали всю жизнь.

– Как скажете, сир.

– Каковы ваши потери?

– Погиб один из людей лорда Писбури, и двое моих ранены. Но, если угодно вашему величеству, народ начинает волноваться. Сотнями собрались вокруг башни, гадая, что происходит. Слухи об измене у всех на устах. Никто не знает, кому можно верить, или кого могут схватить следующим. Северяне особенно...

– Мне нужно с ними поговорить. Вулл всё ещё ждёт?

– Вместе с Артосом Флинтом. Вы примете их?

– Скоро. Но сначала кракен.

– Как прикажете, – рыцарь вышел.

«*Моя сестра, – подумал Теон, – моя милая сестрица*». Хотя руки полностью потеряли чувствительность, он ощутил, как скручиваются его внутренности, совсем как тогда, когда этот бледный банкир-браавосец представил его Аше в качестве дара. Воспоминание всё ещё терзало его. Дородный лысеющий рыцарь, сопровождавший сестру, почти сразу принялся звать на помощь, так

что спустя короткое время Теона поволокли к королю. *«Этого времени хватило»*. Его глубоко задело то, как Аша восприняла их встречу: потрясение во взгляде, жалость в голосе, скривившийся от отвращения рот. Вместо того, чтобы обнять его, она отшатнулась прочь.

– С тобой это сделал бастард? – спросила сестра.

– Не называй его так.

Потом слова потоком полились из Теона. Он пытался всё ей рассказать: про Вонючку и Дредфорт, про Киру и ключи, про то, что лорд Рамси никогда не забирал ничего кроме кожи, если только не попросить прямо. Он рассказал, как спас девушку, спрыгнув с замковой стены в сугроб.

– Мы улетели. Пусть Абель сложит об этом песню, мы *улетели*.

Потом ему пришлось рассказать о том, кто такой Абель, и о прачках, которые не были настоящими прачками. К этому времени Теон понял, как странно и бессвязно всё это звучало, но остановиться не мог. Он так замёрз, так страдал, так устал... он слаб, так слаб, так ужасно слаб.

«Она должна понять. Она моя сестра». Он никогда не желал причинить вред Брану или Рикону. Вонючка заставил его убить тех мальчишек, не он-Вонючка, а тот, другой.

– Я не братоубийца, – настаивал Теон.

Он рассказал ей, как ему приходилось спать вместе с сучками Рамси, предупредил, что Винтерфелл полон призраков.

– Мечи исчезли. Четыре, по-моему, или пять. Не помню. Каменные короли гnevаются.

К этому времени его трясло, он дрожал как лист на осеннем ветру.

– Сердце-дерево знало моё имя. Старые боги. Я слышал, как они прошептали *«Теон»*. Ветра не было, но листья шевелились. Они сказали *«Теон»*. Меня зовут Теон.

Произносить имя было приятно. Чем чаще говоришь его, тем вернее не забудешь.

– Ты должна знать своё имя, – сказал он сестре. – Ты... ты назвалась мне Эсгред, но это неправда. Тебя зовут *Аша*.

– Верно, – произнесла сестра так тихо, что он испугался, не заплачет ли она. Теон ненавидел женский плач. Джейни Пуль рыдала всю дорогу сюда от Винтерфелла, ревела, пока её лицо не стало бордовым, точно свёкла, и слёзы не замёрзли на щеках. А всё потому, что он велел ей быть Арьей, иначе волки могут отправить их назад.

– Тебя обучали в борделе, – напомнил он ей, шепча в самое ухо, чтобы

другие не услышали. – Джейни немногим лучше шлюхи, ты должна остаться Арьей.

Он не хотел её обидеть, так нужно для её же блага и для его тоже. *«Она должна помнить своё имя»*. Когда кончик её носа почернел от мороза и один из всадников Ночного Дозора сказал, что она может его лишиться, Джейни разрыдалась и из-за этого.

– Всем будет безразлично, как выглядит Арья, пока она остаётся наследницей Винтерфелла, – утешал её он. – Сотни мужчин пожелают взять её в жёны. Тысячи.

Воспоминание заставило Теона скорчиться в его цепях.

– Опустите меня, – взмолился он. – Ненадолго, потом можете снова подвесить.

Станнис Баратеон взглянул на него, но не ответил.

«Дерево! – закричал ворон. – Дерево, дерево, дерево».

Другая птица отчётливо произнесла *«Теон»*, когда в дверь вошла Аша.

С ней был Кварл Девица и Тристифер Ботли. Теон провёл детство на Пайке в компании Ботли. *«Зачем она притащила своих собачек? Собирается выволить меня силой?»* Если она попытается, они закончат как Карстарки. Королю тоже не понравилось их присутствие.

– Ваши защитники могут подождать снаружи. Если я решу причинить вам вред, два человека не заставят меня передумать.

Железнорождённые поклонились и вышли. Аша преклонила колено.

– Ваше величество, неужели обязательно приковывать моего брата вот так?

Это дурная награда за то, что он доставил вам девчонку Старков.

Рот короля дёрнулся.

– У вас дерзкий язык, миледи. Совсем как у вашего брата-перевёртыша.

– Благодарю, ваше величество.

– Это не комплимент. – Станнис долго смотрел на Теона. – В деревне нет темницы, а у меня больше пленников, чем я рассчитывал, когда мы здесь остановились.

Он знаком приказал Аше подняться.

– Можете встать.

Она выпрямилась.

– Браавосец выкупил семерых моих людей у леди Гловер. Я с радостью заплачу выкуп за моего брата.

– На всех ваших Железных островах не хватит на это золота. Его руки по локоть в крови. Фарринг убеждает меня отдать его Рглору.

- Ещё, конечно же, Клейтон Саггс.
- Он, Корлисс Пенни и все остальные. Даже сир Ричард, который любит Владыку Света только тогда, когда это ему выгодно.
- Хор красного бога знает одну-единственную песенку.
- И пусть поют её, пока богу нравится, как она звучит. Люди лорда Болтона окажутся здесь скорее, чем нам хотелось бы. Нас разделяет лишь Морс Амбер, а, по словам твоего брата, его войско состоит из одних лишь зелёных мальчишек. Людям нравится думать, что их бог с ними, когда они идут в бой.
- Не все ваши люди поклоняются этому богу.
- Знаю. Я не такой дурак, как мой покойный брат.
- Теон – последний выживший сын моей матери. Смерть его братьев сокрушила её, а его смерть уничтожит то, что от неё осталось... Но я пришла не для того, чтобы молить вас сохранить ему жизнь.
- Мудро с вашей стороны. Мне жаль вашу мать, но я не милую перебежчиков. Особенно этого. Он убил двух сыновей Эддарда Старка. Ни один северянин не останется у меня на службе, если я сколько-нибудь смягчу его участь. Ваш брат должен умереть.
- Тогда сделайте это собственноручно, ваше величество. – Холод в голосе Аши заставил Теона задрожать в своих оковах. – Отведите его за озеро, к островку, где растёт чардрово, и отрубите ему голову вашим волшебным мечом. Так поступил бы Эддард Старк. Теон убил сыновей лорда Эддарда. Отдайте его богам лорда Эддарда. Старым богам севера. Отдайте его древу. Внезапно раздался дикий стук: это вороны мейстера принялись прыгать и хлопать крыльями внутри клеток. Их чёрные перья разлетались в стороны, когда они бились о решётки с громкими и хриплыми криками.
- *Древо!* – вопила одна из птиц. – *Древо, древо...*
- А вторая кричала только:
 - *Теон, Теон, Теон!*
- Теон Грейджой улыбнулся. «*Они знают моё имя*», – подумал он.

Покинутый (Эйрон I)⁸

В чреве китовом всегда царила полночь. Немые отняли у него плащ, обувь и набедренную повязку — вместо одежды узнику остались собственные волосы, цепи да парша на коже. Ноги ему окатывало соленой водой каждый раз, когда в темницу набегал прилив — она доходила узнику до промежности, чтобы отхлынуть, когда прилив уходил. Ноги распухли и размякли, став огромными и бесформенными, как окорока. Узник знал, что он в какой-то темнице, но понятия не имел, где она и сколько он здесь. До этого узилища было другое, а между ними корабль — «Молчаливая». В ночь, когда его перевозили с места на место, узник увидел, как в черновинном море ухмыляется луна, похожая на Эурана. В темноте к узнику приплывали крысы — они кусали его во сне, заставляя кричать и метаться. В бороде и волосах кишмя кишели вши и черви — он чувствовал, как они ползают по волосам и как нестерпимо чешутся укусы. Цепи коротки — руку не поднимешь, не почешешься. Оковы, что держали его у стены, были старые, ржавые, они впивались в лодыжки и запястья. Когда нахлынувший прилив целовал их, в раны попадала соль, заставляя узника охать от боли. Потом он забывался, и его поглощала темнота, а затем приходил сон: Урри и скрежет ржавых дверных петель. В этом сыром мирке если и бывал свет, то только от фонарей, с которыми приходили гости, да и то бывало так редко, что от света у узника начинали болеть глаза. Кто-то безымянный с неприязненным лицом приносил ему пищу: немного говядины, жесткой, как кровельная дранка, хлеб, кишаций долгоносиками, склизлую и вонючую рыбу. Эйрон Мокроголовый съедал все, что ему давали, и желал еще — впрочем, нередко бывало и так, что его тут же рвало обедом. Тот, кто носил ему пищу, был смуглокож, угрюм и нем. Язык ему вырвали, без сомнений — так поступал Эурон. Свет уходил вместе с немым, и вновь мир узника заполняла сырая тьма, пахнувшая солью, плесенью и калом. Иногда к нему приходил и сам Эурон. Мокроголовый просыпался от какого-то сна и видел, что над ним стоит брат с фонарем в руке. Однажды на борту «Молчаливой» тот повесил фонарь на брус и налил им обоим по чаше вина. — Выпьем, брат, — сказал он. Той ночью на Вороньем Глазе были рубаха из железных чешуек и плащ из кроваво-красного шелка. Нашлепка на глазу из красной кожи, губы синие.

⁸ пер. Xavier Xanbie, <http://7kingdoms.ru/2016/forsaken-excerpt-from-the-winds-of-winter/>

— Почему я здесь? — прохрипел ему Эйрон Мокроголовый. Губы у него запеклись, голос осип. — Куда плывем?

— На юг. Воевать. Грабить. За драконами.

«Безумие».

— Мое место на островах.

— Твое место будет там, где я скажу. Я твой король.

— Чего ты от меня хочешь?

— А что у тебя есть такого, чего у меня раньше не было? — улыбнулся Эурон. — Я оставил острова старому Эрику Айронмейкеру, а верности ради отдал ему руку нашей милой Аши. Вот чего я тебе не позволю, так это проповедовать против моей власти — оттого и взял с собой.

— Отпусти меня. Так повелевает бог.

— Пей. Так повелевает король.

Вороний Глаз ухватил жреца за спутанные черные волосы, оттянул ему голову назад и приставил к губам винную чашу — но то, что текло Эйрону в глотку, не было вином. Это что-то было густыми и вязким, со вкусом, который, казалось, менялся с каждым глотком: то оно горькое, то кислое, то сладкое. Когда Эйрон попытался сплюнуть, брат прихватил его покрепче и влил в горло еще больше жидкости.

— Пей, жрец. Глотай. Вино колдунов слаще вашей морской воды, в нем больше истины, чем во всех богах на свете.

— Будь ты проклят, — сказал Мокроголовый, когда чаша опустела.

Жидкость стекала к нему по подбородку и в длинную бороду.

— Кабы я оставлял себе каждый проклинавший меня язык — хватило бы языков на плащ.

Эйрон Мокроголовый отхаркнулся и плюнул. Плевков угодил брату в щеку и повис там — сине-черный, блестящий. Вороний Глаз смахнул его с лица указательным пальцем, а затем облизнул палец дочиста.

— Твой бог тебя простит за сегодняшнее. *Какой-нибудь* бог, по крайней мере.

А потом Мокроголовый спал, обвиснув на цепях, и слышался ему скрип ржавых петель.

— Урри, — вскрикнул он.

«Нет здесь ни петель, ни двери, ни Урри». Брат его Урригон давно мертв — нет, вот же он, стоит рядом. Одна рука почернела и распухла, кишит червями, но это все еще Урри. Все еще мальчик, не старше, чем в день смерти.

— Знаешь, что ждет тебя на дне морском, брат?

— Утонувший Бог, — сказал Мокроголовый, — в подводных чертогах.

Урри покачал головой.

— Черви. Тебя ждут черви, Эйрон.

Он засмеялся, и кожа поползла с лица, и жрец увидел, что это не Урри улыбается ему, а глаз Эурана — второй, спрятанный. Вот он, открыл всему миру глаз, налитый кровью, темный и страшный; весь в чешуе с головы до пят, черной, как оникс; восседает на груди обугленных черепов, у ног пляшут карлики, а позади горит лес.

— Кровавая звезда возвещает конец всему, — объявил он Эйрону Мокроголовому. — Наступают последние дни, когда мир будет сокрушен и переделан, и из могил и гробниц родится новый бог.

Затем Эурон поднял большой рог к губам и подул, и драконы, кракены и сфинксы пришли на его зов и склонялись перед ним.

— Склонись передо мной, брат, — велел Вороний Глаз. — Я твой король. Я твой бог. Склонись передо мной, и я подниму тебя и сделаю *своим* жрецом.

— Никогда. Ни один безбожник не может сидеть на Морском Троне.

— Да зачем мне этот черный булыжник? Приглядишься снова, брат, смотри, на чем я сижу.

Эйрон Мокроголовый присмотрелся: груды черепов не стало. Теперь под Вороньим Глазом был металл. Огромное высокое сиденье из бритвенно острых шипов, лезвий, сломанных мечей, со всех капала кровь.

На самые длинные были наколоты трупы богов. Там была Дева, и Отец, и Мать, и Воин, и Старица, и Кузнец, и даже Неведомый. Они висели бок о бок со всевозможными странными, чужими богами: Великим Пастырем и Черным Козлом, трехглавым Триосом и бледным отроком Баккалоном, Владыкой Света и богом бабочек Наата, и среди них — Утонувший Бог, весь распухший, зеленый, наполовину объединенный крабами, гниющий вместе со всеми остальными, и морская вода капала у него с волос.

Потом Эурон Вороний Глаз снова рассмеялся, и жрец с криком проснулся в утробе «Молчаливой», чувствуя, как моча бежит у него по ноге. «Это был всего лишь сон, видение, порожденное гнусным черным вином».

Вече, где выбирали короля, было последним, что Мокроголовый помнил ясно. Когда капитаны подняли Эурана на плечи, чтобы провозгласить своим королем, жрец ускользнул от них, чтобы найти другого своего брата — Виктариона.

— Кошунства Эуруна навлекут на нас всех гнев Утонувшего Бога, — предупреждал он.

Виктарион уперся: мол, это бог возвысил их брата, пусть бог его и низложит. «Он действовать не будет, — понял жрец. — Действовать должен я».

Вече выбрало Вороньего Глаза королем, но вече состоит из людей, а люди слабы и глупы, падки на золото и ложь. «Я призвал их сюда, к Костям Нагги, в чертог Серого Короля, я собрал их всех вместе, чтобы выбрать короля-праведника, но в своем пьяном безумии они согрешили». Теперь он должен уничтожить то, что породил.

— Капитаны и короли провозгласили Эуруна королем, но простой народ его свергнет, — пообещал он Виктариону. — Я пойду на Большой Вик, на Харлоу, на Оркмонт, на сам Пайк. В каждом городе и деревне будут услышаны мои слова. Ни один безбожник не может сидеть на Морском Троне.

Расставшись с братом, он искал утешения в море. Несколько старых утопленников захотели следовать за ним, но Эйрон несколькими резкими словами отправил их восвояси. Ему не нужно было ничье общество, кроме бога. На берегу, где на каменистом песке лежали вытащенные на сушу ладьи, он увидел, как черные соленые волны бушуют в белой пене и как разбиваются о щербатую скалу, наполовину погребенную в песке. Вода оказалась ледяной, когда он спустился в море, но Эйрон не вздрогнул от ласк своего бога. Волны накатывались ему на грудь одна за другой, заставляли шататься его, но он шел глубже и глубже, пока водяные стены не начали биться ему о макушку. Вкус соли на губах был слаще любого вина. Он уходил в море, а с берега к нему докатывался дальний гул победных песнопений. Он слышал слабый скрип ладей, оседающих на пляже. Он слышал вой ветра в снастях, грохот волн, барабанный бой богов, призывающих его на битву.

И тогда Утонувший Бог вновь воззвал к нему из морской пучины:

— Эйрон, мой добрый, верный раб, скажи всем железнорожденным, что Вороний Глаз не настоящий король. Морской Трон по праву должен занять... должен занять... должен занять...

«Не Виктарион». Виктарион предложил себя капитанам, и они отвергли его.

«Не Аша». В глубине души Эйрон всегда любил ее больше всех других детей брата Бейлона. Утонувший Бог благословил ее душой воина и проклял женским естеством. Никогда женщины не правили Железными островами.

«Не надо было ей самой заявлять права на трон, надо было выступить за Виктариона, присоединить к нему своих собственных сторонников».

А ведь еще не поздно, думал Эйрон, съездившись в море. Если Виктарион возьмет Ашу в жены, они смогут править вместе: король и королева. В древние времена на каждом острове было два короля: соленый и каменный. «Пусть вернется старый закон».

Эйрон Мокроголовый вышел на берег, исполнившись яркой решимости. Он свергнет Эуруна, и не мечом или топором, но силой своей веры. Он легко ступал среди камней, и волосы, черные и мокрые, липли к щекам; жрец откинул их назад с глаз, и вот тут-то его и схватили. Немые следили за ним, ждали, крались по следам, по песку и морским брызгам. Ему зажали рот рукой, а затем что-то твердое врезалось в затылок.

В следующий раз, когда Мокроголовый открыл глаза, он был в цепях и в темноте. Потом пришел жар, и вкус крови во рту, когда Эйрон метался в цепях глубоко в утробе «Молчаливой». Более слабый человек пал бы духом, но Эйрон Мокроголовый молился. Он молился, просыпаясь и отходя ко сну, даже в лихорадочном бреде продолжал молиться. «Мой бог испытывает меня. Я должен быть сильным. Я должен быть верным».

Однажды — в другой темнице, что была перед этой — вместо немного слуги пищу ему принесла женщина. Молодая, пышногрудая, красивая, в роскошных одеждах, как леди из зеленых земель. В свете фонаря она показалась Эйрону самым прекрасным зрелищем, которое он когда-либо видел.

— Женщина, — сказал он. — Я божий человек. Вот мой приказ: освободи меня.

— Ах, нельзя, — ответила она. — Но я принесла вам поесть. Кашу с медом. Она поставила миску на стул рядом и начала кормить узника с ложечки.

— Что это за место? — спросил он, когда рот был свободен от ложки.

— Замок моего лорда-отца на Дубовом Щите.

«Щитовые острова. Тысяча лиг от дома».

— А ты кто такая, дитя?

— Фалия Флауэрс. Внебрачная дочь лорда Хьюэтта. Будущая соленая жена короля Эуруна. Родней будем.

Эйрон Мокроголовый поднял на нее глаза, запекшиеся губы запачкались влажной кашей.

— Женщина, — цепи зазвенели, когда он пошевелился. — Беги от него. Он будет тебя мучить. Он тебя убьет.

Гостья засмеялась.

— Глупости! Ничего он такого не сделает. Я его любимая, его леди. Он дарит мне подарки. Столько подарков — шелка, меха и драгоценности. «Тряпки и камни», как он их называет.

«Вороний Глаз не видит проку в таких вещах». Вот одна из особенностей, которые привлекают людей ему на службу. Большинство капитанов забирает себе львиную долю любой добычи, но Эурон не брал для себя почти ничего.

— Он дарит мне любое платье, какое хочу, — радостно трещала девушка. — Мои сестры раньше заставляли меня прислуживать им за столом, а Эурон заставил их самих прислуживать всему залу — голыми. Зачем ему это делать, кроме как из любви ко мне? — она положила руку себе на живот и погладила по ткани платья. — Я подарю ему сыновей. Много сыновей.

— Есть у него уже сыновья. Бастарды и выродки, как сам Эурон говорит.

— Мои сыновья поплывут впереди них — он сам поклялся вашим Утонувшим Богом.

Эйрон оплакивал ее. «Кровавыми слезами», подумал он.

— Я хочу, чтобы ты передала весть моему брату. Не Эурону, а Виктариону, лорду-капитану Железного флота. Знаешь, о ком я?

Фалия отступила на шаг.

— Да, — сказала она. — Только я не смогу передать ему весть, его здесь нет. Нет. Вот самый жестокий удар.

— Куда же он делся?

— Отплыл на восток, — сказала девушка, — со всеми своими кораблями. Он привезет в Вестерос драконов. Я буду Эурону соленой женой, но у моего любимого должна быть и каменная жена — королева, чтобы править Вестеросом с ним вместе. Говорят, она самая красивая женщина в мире, и у нее есть драконы. Мы с ней будем близки как сестры.

Эйрон Мокроголовый едва-едва слышал ее. «Виктарион отплыл на восток и сейчас за семью морями — или вовсе мертв». Конечно, Утонувший бог испытывает его. «Вот и урок: не полагаться на людей — сейчас меня может спасти только моя вера».

В ту ночь, когда в темницу нахлынул прилив, узник молился, чтобы вода за ночь поднялась настолько, чтобы положить конец его мучениям. «Я был твоим преданным, верным слугой, — говорил он богу, накренившись в своих цепях. — Вырви меня из рук брата, заведи к себе в пучину, посади к себе за стол».

Избавление так и не пришло — пришли немые, которые вынули его из кандалов и протащили по длинной каменной лестнице туда, где в холодном черном море стояла «Молчаливая». А несколько дней спустя, когда ее борта содрогались в объятиях налетевшей бури, Вороний Глаз вновь спустился к узнику с фонарем в руке. На этот раз в другой руке у него был кинжал.

— Все молишься, жрец? Бог тебя оставил.

— Неправда.

— Это я научил тебя молиться, братец, забыл? Я заглядывал к вам в спальню по ночам, когда выпивал лишнего. Вы с Урригоном спали в одних покоях, высоко в Морской башне. Я еще из-за двери слышал, как ты молишься. Всегда было любопытно, о чем: просишь ли ты бога, чтобы я выбрал тебя, или чтобы прошел мимо?

Эурон прижал нож к горлу Эйрона.

— Молись мне. Умоляй, чтобы я прекратил твои страдания, и я так и сделаю.

— Даже ты не посмел бы, — сказал Мокроголовый. — Я твой брат. Никто так не проклят богом, как братоубийца.

— И все же на мне корона, а на тебе кандалы. Как же твой Утонувший Бог дал мне убить троих братьев?

Эйрон только и мог, что тарачиться на него.

— Троих?

— Ну, если считать и единокровных тоже. Помнишь малыша Робина?

Бедняжка. Помнишь, какая у него была большая голова, какая *мягкая*? Все, что он мог делать — хныкать и ходить под себя. Он был моим вторым.

Первым был Харлон. Достаточно было зажать ему нос и подержать. Из-за серой хвори рот у него закаменел, так что и кричать он не мог. Помню, как у Харлона горели глаза, когда он умирал. Он проклял меня — взглядом. Когда из Харлона вышла вся жизнь, я вышел к морю, помочился в воду и позвал бога — пусть он меня покарает. Никто меня не покарал. А третьим был Бейлон, но ты это и сам знаешь. Сам я этого сделать не мог, но это моя рука столкнула его с моста.

Вороний Глаз чуть придавил кинжал к коже, и Эйрон почувствовал, как по шее у него течет кровь.

— Раз уж твой Утонувший Бог не покарал меня за убийство трех братьев, станет ли он утруждать себя ради четвертого? Потому что ты его жрец?

Он отступил на шаг и убрал кинжал.

— Нет. Не буду я убивать тебя сегодня, святой человек со святой кровью. Мне, может, эта кровь пригодится... потом. Пока что приговариваю тебя жить.

«Святой человек со святой кровью, — подумал Эйрон, пока его брат забирался на палубу. — Он глумится надо мной и над богом. Братоубийца. Богохульник. Демон в человеческой шкуре».

В ту ночь он молился о смерти своего брата.

В этой второй темнице начали появляться и другие служители веры, чтобы разделить с Эйроном мучения. Трое носили облачения септонов с зеленых земель, а еще один — красные одежды жреца Рглора. В этом последнем едва можно было узнать человека. Обе руки у него были сожжены до костей, лицо — обугленный, испаленный кошмар: над растрескавшимися щеками шевелились слепые глаза, подтекая гноем. Жрец умер уже через несколько часов после того, как его приковали к стене, но немые оставили труп там еще на три дня — дозревать. Наконец привели двух колдунов с Востока: оба белесые, как грибы, но губы лилово-синие, словно болезненный синяк; оба изможденные, оголодавшие — кожа да кости. Один из них был без ног. Немые подвесили его на стропила.

— Прей, — кричал колдун, раскачиваясь взад и вперед. — Прей, Прей. Надо думать, так звали демона, которому он поклонялся. «Утонувший Бог хранит меня, — сказал себе жрец. — Он сильнее всех других богов, которым поклонялись колдуны, сильнее, чем их черные чары. Утонувший Бог меня освободит». В моменты ясности Эйрон задавался вопросом, зачем Вороний Глаз собирает священников, и думалось ему, что ответ он знать не захочет. Виктарион уплыл, и с ним уплыла надежда. Утопленники Эйрона, надо думать, полагали, что Мокроголовый прячется на Старом Вике, или Большом Вике, или на Пайке, и задавались вопросом — когда же он объявится и выступит против короля-безбожника. В горячечном бреде его преследовал Урригон.

«Теперь ты мертв, Урри, — думал Эйрон. — Спи, дитя, не беспокой меня больше. Скоро я и так к тебе присоединюсь». Всякий раз, когда Эйрон молился, безногий колдун издавал странные звуки, а его спутник начинал нести дикую тарабарщину на своем восточном языке — тяжело было сказать, проклятия это или мольбы. Септоны тоже время от времени издавали тихие звуки — но ни единого слова, которое жрец мог бы понять. Эйрон подозревал, что и им тоже вырезали языки.

В следующий раз, когда Эурон спустился к ним, волосы у него были зачесаны ото лба назад, а губы посинели почти до черноты. Короны из плавника он уже не носил. Новая корона была железной, а зубцы на ней были сделаны из акульих зубов.

— То, что мертво, умереть не может, — свирепо сказал ему Эйрон. — Ибо тот, кто вкусил смерть единожды, не убоится впредь. Кто был утоплен, тот возродится вновь — железом и кровью.

— И возродишься ли ты, братец? — спросил Эурон. — Думаю, нет. Думаю, если я тебя утоплю, ты так и останешься утопленником. Все боги — ложь, а твой — ложь смехотворная. Бледное, белесое подобие человека с раздутыми членами, волосы колышутся в воде, рыбы лицо объедают — какой дурак будет поклоняться этой пакости?

— Он и твой бог тоже, — настаивал Мокроголовый. — И когда ты умрешь, он сурово тебя осудит, Вороний Глаз. Станешь на веки вечные морским слизняком, будешь ползать на животе и питаться отбросами. Не боишься кары за убийство родича — перережь мне горло и покончи со мной. Устал я от твоего бахвальства.

— Убить моего собственного младшего брата, кровь моей крови, рожденного от чресл Квеллона Грейджоя? С кем же я буду делиться своими свершениями? Победы слаще на вкус, когда рядом милый друг.

— Твои победы — чушь собачья. Ты не сможешь удержать Щиты.

— А зачем мне их удерживать? — смеющийся глаз брата блестел в свете фонаря, синий, дерзкий и полный злобы. — Щиты свое дело сделали. Я их одной рукой взял, другой отдал. Великий король должен быть великодушен, брат. Пусть новые лорды сами думают, как удержать свои владения. Слава завоевателя этих скал будет моей навсегда. Когда они будут потеряны, поражение запишут на счет четырех дурней, которые так охотно приняли мои подарки. — Он придвинулся ближе. — Наши ладьи грабят земли вверх по Мандеру, доходят даже до Арбора и Редвиновых проливов. Старый закон, брат, старый путь.

— Безумие. Отпусти меня, — приказал Эйрон Мокроголовый настолько суровым голосом, насколько мог, — или прогневишь бога.

Эурон принес мокрый бурдюк и винную чашу.

— Тебя, кажется, замучила жажда, — ответил он, наполняя сосуд. — Надо бы выпить — чуток вечерней тени.

— Нет. Эйрон отвернулся от чаши. — Я сказал: нет.

— А я говорю: да. — Вороний Глаз опять оттянул ему голову назад за волосы и вновь залил в рот мерзкое пойло. Как ни стискивал Эйрон зубы, как ни крутил головой из стороны в сторону, в конце концов ему осталось задохнуться или проглотить вино колдунов.

Во второй раз сны были еще хуже первого. Он увидел ладьи железных людей, отданные воле волн и ветра, горящие на волнах кипящего кровавого моря. Он вновь увидел своего брата на Железном Троне, но Эурон в этот раз уже был не человеком. Не людской облик — осьминожий, точно чудище, порожденное кракеном из пучины, вместо лица масса извивающихся щупалец. Рядом с ним стояла тень в облике женщины — высокая, длинная, страшная, руки горят бледным белым пламенем. Им на потеху скакали карлики — мужского и женского пола, они сплетались в плотских утехах, кусали и рвали друг друга, а Эурон и его женщина смеялись, смеялись, смеялись...

Эйрону снилось, как он тонет. Вместо блаженства, что наверняка должно открыться ему в подводных чертогах Утонувшего Бога, снился ему ужас, который ощущают даже самые истово верующие, когда вода наполняет им рот, нос и легкие, не давая дышать. Трижды просыпался Мокроголовый, и трижды пробуждение оказывалось не настоящим — просто еще один сон после предыдущего.

Но наконец-то наступил день, когда дверь темницы распахнулась, и внутрь ввалился немой — без еды, зато со связкой ключей в одной руке и фонарем в другой. Свет был таким ярким, что на него нельзя было смотреть, и Эйрон боялся того, что этот свет значил. «Что-то яркое, что-то ужасное. Что-то изменилось. Что-то случилось».

— Давайте их сюда, — сказал наполовину знакомый голос, полный смертной тоски. — Не мешкайте — сами знаете, каким *он* бывает.

«О, я знаю. Я знаю, каким *он* бывает, с самого детства».

Один из септонов страшно захрипел, когда с него сняли цепи — какое-то полузадушенное мычание, которое, наверное, было попыткой заговорить. Безногий колдун, висящий на стропилах, уставился на черную воду, шевеля губами в молчаливой молитве. Когда немой пришел за Эйроном, жрец попытался бороться, но силы покинули его руки и ноги, и одного удара оказалось достаточно, чтобы он присмирел. Его руки расковали — сначала одну, потом другую. «Свободен, — сказал он себе. — Я свободен».

Когда жрец попытался сделать шаг, шаткие ноги подогнулись под ним. Оказалось, что ни один из заключенных не в состоянии ходить. В конце

концов немим пришлось позвать еще товарищей. Двое схватили Эйрона за руку и потащили вверх по винтовой лестнице. При подъеме ноги бились о ступеньки, отзываясь режущей болью. Он кусал губы, чтобы не закричать. Жрец слышал, как позади бормочут колдуны. Септоны замыкали шествие, всхлипывая и тяжело дыша. С каждым поворотом лестницы ступени становились светлее и ярче, пока, наконец, по левую руку не появилось окно. Это была всего лишь щель в каменной кладке — едва руку просунешь, но через нее лился поток солнечного света.

«Какой золотой, — подумал Мокроголовый. — Какой прекрасный».

Его потянули вверх по лестнице, в свет, жрец почувствовал на лице тепло, и по щекам покатались слезы. «Море. Я чую запах моря. Утонувший бог не оставил меня. Море сделает меня целым. То, что мертво, умереть не может, оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде».

— Отведите меня к воде, — велел он, словно вернувшись на Железные острова к своим утопленникам — но немые были рабами его брата и не обратили на приказ ни малейшего внимания. Они протащили его вниз по другой лестнице, через освещенные факелами галереи в мрачный каменный чертог, где со стропил свисала дюжина трупов, поворачиваясь и качаясь. В чертоге собралось с дюжину эуроновых капитанов — они пили вино под трупами. Лукас-Левша Кодд восседал на почетном месте, завернувшись в тяжелый шелковый гобелен вместо плаща. Рядом с ним сидел Рыжий Гребец, и дальше за столом Сушенный Джон Майр, Каменная Рука и Раггин Соленая Борода.

— Кто эти мертвецы? — спросил Эйрон. Его язык так одеревенел, что слова вышли сиплым шепотом, слабым, как мышинный писк.

— Лорд, который защищал этот замок, и его родня, — голос принадлежал Торвальду Бурому Зубу. Один из капитанов брата, почти такая же гнусная тварь, как и сам Вороний Глаз.

— Свињи, — объявила другая тварь по кличке Рыжий Гребец. — Это был их островок. Очередная скала возле Арбора. Местные набрались смелости нас обхрюкать. «Редвины, хрю. Хайтауэры, хрю. Тиреллы, хрю-хрю-хрю». Теперь пусть в преисподней повизжат.

«Арбор, — с тех пор, как Утонувший бог благословил его второй жизнью, Эйрон Мокроголовый никогда не отплывал от Железных островов настолько далеко. — Я не должен быть здесь. Мне здесь не место. Я должен быть среди моих утопленников, проповедовать против Вороньего Глаза».

— Чем вас там, внизу, порадовали ваши боги? — любопытствовал Лукас-Левша Кодд.

Один из колдунов прорычал что-то в ответ на своем безобразном восточном языке.

— Проклинаю вас всех, — сказал Эйрон.

— У твоих проклятий здесь нет власти, жрец, — ответил Лукас-Левша Кодд.

— Вороний Глаз накормил твоего Утонувшего Бога досыта, и тот отяжелел от жертв. Слова — ветер, кровь — сила. Мы отдали морю тысячи, а море дало нам победы.

— Считай, тебе повезло, Мокроголовый, — объяснил Каменная Рука. — Мы опять выходим в море. На нас идет флот Редвинов. Пока они шли вокруг Дорна, ветра были против них, но теперь Редвины, наконец, достаточно близко, чтобы старая баба в Староместе осмелела — теперь сыновья Лейтона Хайтауэра вышли в залив Шепотов в надежде зайти нам в тыл.

— Уж ты-то знаешь, каково это, когда тебе заходят с тыла, — захохотал Рыжий Гребец.

— На корабли их, — скомандовал Торвальд Бурый Зуб.

И так Эйрон Мокроголовый вернулся в соленое море. К пристани под замком причалило с дюжину ладей, и еще вдвое больше было вытащено на берег. На мачтах реяли знакомые знамена: кракен Грейджоев, кровавая луна Винчей, боевой рог Гудбразеров, но вот на кормах плескались флаги с эмблемой, которой жрецу раньше видеть не доводилось: красный глаз с черным зрачком под железной короной, поддерживаемой двумя воронами. Дальше в спокойном бирюзовом море покачивалась целая армада мирных купеческих судов. Когги, каракки, рыбацьи лодки, даже большой хольк — супоросая свинья, а не корабль, огромный, как левиафан. Военные трофеи, — Мокроголовый это знал.

Эурон Вороний Глаз стоял на палубе «Молчаливой», одетый в черные чешуйчатые доспехи — такие, каких Эйрон Мокроголовый тоже никогда раньше не видывал. Они были темны, как дым, и Эурон держался в них так легко, словно на нем был лишь тончайший шелк. Чешуйки были отделаны каймой червонного золота, которая блестела и переливалась при движении. А на самом металле были видны другие узоры: завитушки, иероглифы, чародейские знаки, отлитые на стали.

«Валирийская сталь, — сообразил Мокроголовый. — У него доспехи из валирийской стали». Во всех Семи Королевствах ни одна живая душа не могла похвастаться, что владеет доспехами из валирийской стали.

Рассказывали, что такие вещи были в ходу четыреста лет назад, прежде Рока Валирии, и даже тогда такие доспехи стоили бы целого королевства.

Эурон не лгал. Он побывал в Валирии. Неудивительно, что он сошел с ума. — Государь, — сказал Торвальд Бурый Зуб. — Я привел жрецов. Что с ними делать?

— Привяжите их к носам кораблей, — скомандовал Эурон. — Моего брата к «Молчаливой». Одного сам себе выбери. Остальных пусть разыграют в кости — по одному жрецу на корабль. Пусть они почувствуют на лицах морскую пену, поцелуй Утонувшего бога — мокрый, соленый.

В этот раз немые не потащили его в подземелье. Вместо этого они привязали его к носу «Молчаливой» рядом с носовой фигурой — обнаженной девой, стройной и сильной, с распростертыми руками и волосами, растрепанными ветром — и гладким местом под носом, где должен был быть рот. Немые туго связали Эйрона Мокроголового полосками кожи, сжимающимися от влаги. Из одежды на нем остались борода и набедренная повязка.

Вороний Глаз отдал приказ, и черный парус взметнулся на рею. Швартовы отдали, и «Молчаливая» отошла от берега под неспешный стук барабана гребного мастера. Весла поднялись, опустились, поднялись вновь, вспенивая воду. Замок над ними горел, языки пламени вырывались из открытых окон. Когда они отошли далеко в море, Эурон снова вышел на нос.

— Брат, — сказал он. — Что-то ты там закрутил. На тебе подарок.

Он махнул рукой, и двое его сыновей-бастардов притащили на нос женщину и привязали ее с другой стороны носовой фигуры, напротив Мокроголового. Обнаженная, как и безротая дева, гладкий живот только чуть округлился понесенным ребенком, щеки красны от слез. Она не сопротивлялась, когда мальчики затащили на ней путы. Ее лицо было закрыто волосами, но Эйрон все равно ее узнал.

— Фалия Флауэрс, — позвал он. — Мужайся, девочка. Все это скоро закончится, и мы будем пировать вместе в подводных чертогах Утонувшего бога.

Девушка подняла голову, но ничего ему не ответила. «Нечем ей отвечать — у нее нет языка», — понял Мокроголовый. Он облизнул губы и почувствовал на них вкус соли.

Виктарион I⁹

«Благородная Леди», как и благородные леди зеленых земель, была толстым и валким кораблем. Её трюмы были огромны, и Виктарион загрузил их вооруженными людьми.

С ней плыли другие, поменьше, добыча Железного Флота на его долгом пути в Залив Работорговцев; много торговых судов, больших судов и торговых галер, плавающих тут и там с рыбацкими лодками. Этот флот был толстым и хилым, обещающим путь шерсти и вина, и других товаров, и совсем не представляющий угрозы. Виктарион назначил командовать им Вулфа Одноухого.

— Работорговцы могут дрогнуть, когда увидят ваши корабли, плывущие в море, — сказал он, — но, если они увидят ваш план, они будут смеяться над своим страхом. Торговцы и рыбаки, вот кто вы все. Любой человек способен это увидеть. Позвольте им приблизиться настолько, насколько они захотят, но держите своих людей спрятанными под палубой, пока вы не будете готовы. Потом закройте и захватите их. Освободите рабов и сбросьте в море работорговцев, но захватите корабли. Нам понадобится каждая посуда, чтобы вернуться домой.

— Домой, — Вулф улыбнулся. — Для людей это будет звучать как музыка, лорд капитан.

— Сначала корабли. Потом мы разобьем этих юнкайцев.

— Слушаюсь.

«Железная победа» двигалась рядом с «Благородной леди», два корабля крепко соединенные цепями и абордажными крюками, между ними натянут трап. Большое торговое судно было гораздо больше военного корабля и имело большую усадку в воде; все лица железорожденных, находящихся на планшире, были обращены вниз, наблюдая как Виктарион потрепал Одноухого Вульфа по плечу и отправил его взбираться вверх по трапу. Море было гладким и застывшим, на небе блестели звезды. Вульф поднял трап, отцепил цепи. Военный корабль и торговое судно разошлись. На расстоянии остальной притворный флот Виктариона поднял паруса. Неровное приветствие выкрикнула команда «Железной победы», и с «Благородной Леди» донесся ответ. Виктарион дал Вульфу лучших бойцов. Он завидовал им; они первыми нанесут удар, первыми увидят страх в глазах

⁹ пер. отрывка Helygan, <http://7kingdoms.ru/talk/posts/222275/>

врагов.

Когда он стоял на носу «Железной победы», смотря как торговые корабли Одноухого исчезают один за другим на западе, лицо первого убитого им врага возникло перед Виктарионом Грейджоом. Он думал о своем первом корабле, своей первой женщине. В нем было беспокойство, голод для рассвета и мысли что принесет этот день. «Смерть или славу, я выпью обе до дна сегодня».

Морской Трон должен был достаться ему после смерти Бэйлона, но его брат Эурон украл его у него, так же как украл его жену много лет назад. «Он украл ее и осквернил ее, но оставил ее мне, чтоб я ее убил». Все это было и прошло, Виктарион думал когда же он наконец расплатится за это. «У меня есть рог и скоро будет женщина, женщина прекраснее той, которую он заставил меня убить».

— Капитан? — Голос принадлежал Лонгвотеру Пайку. — Гребцы ждут вашей аудиенции. Трое, и каждый сильный.

— Пришли их в мою каюту. Я так же хочу видеть жреца.

Все гребцы были большими. Один был мальчишкой, один силачем, один бастардом бастарда. Мальчишка греб меньше года, силач — двадцать. У них были имена, но Виктарион их не знал. Один был с «Плача», другой с «Ястреба», третий с «Поцелуя паука». Он не мог помнить имя каждого гребца Железного Флота.

— Покажи им рог, — приказал он, когда трое вошли в каюту.

Мокорро принес его, и смуглая женщина подняла фонарь, чтобы они могли его рассмотреть. В мерцающем свете фонаря казалось, что адский рог крутился и извивался в руках жреца, как змея стремящаяся уползти. Мокорро был человеком огромным, пузатым, плечистым, башнеподобным, но даже в его руках рог казался огромным.

— Мой брат нашел его в Валирии, — сказал Виктарион рабам. — Подумайте, каким большим должен быть дракон, носивший его на голове. Больше Вхагара и Мираксиса. Больше Белариона Черного Ужаса.

Он взял рог у Мокорро и провел ладонью по его изгибам.

— На вече на Старом Вике, один из немых Эурона дул в него. Некоторые из вас помнят. Этот звук не забудет ни один человек.

— Говорят, он погиб», — сказал мальчик. — Тот, который дул в рог.

— Да. Рог дымился после этого. На губах немого были волдыри и кровь стекала по его груди. Он умер на следующий день. Когда его разрезали, его легкие были черными.

— Рог проклят, — сказал бастард бастарда.

— Рог дракона из Валирии, — сказал Виктарион. — Да, он проклят. Я никогда не говорил, что это не так.

Он провел рукой по красно-золотым линиям, и древние символы, казалось, запели под его рукой. Пол удара сердца ему больше всего на свете хотелось подуть в рог самому. «Эурон был дураком, давая мне его. Это драгоценная вещь и могущественная. С ним я сяду на Морской Трон, а потом и на Железный. С ним я одержу победу над всем миром».

— Крагорн дул в рог трижды и после этого погиб. Он был таким же большим, как каждый из вас, и сильным, как я. Таким сильным, что мог скрутить голову человека с плеч голыми руками, но все же рог его убил.

— Тогда он убьет и нас, — сказал мальчик.

Виктарион не часто прощал рабам разговоры вне очереди, но мальчишка был молодым, не больше двенадцати, и к тому же скоро должен умереть. Он позволил ему это.

— Немой дул в рог трижды. Каждый из вас будет дуть только один раз. Возможно, вы умрете. Возможно — нет. Все люди смертны. Железный Флот плывет на битву. Многие на этом самом корабле погибнут еще до захода солнца, заколотые или зарезанные, части выпустят кишки, часть утонет, сгорит заживо. Только боги знают, кто из нас доживет до завтра. Если вы подуете в рог и останетесь в живых, я освобожу вас, одного, двоих или всех троих. Я дам вам жен, землю, корабль для мореплавания, рабов. Люди запомнят ваши имена.

— Даже вы, лорд-капитан? — спросил бастард бастарда.

— Да.

— Тогда я сделаю это.

— И я, — сказал мальчик.

Силач скрестил руки на груди и кивнул.

Если вера в то, что у них есть выбор, сделает их храбрее, позволь им верить им в это. Виктариона мало заботило то, во что они верят; они были всего лишь рабами.

— Вы поплывете со мной на «Железной победе», — сказал он им, — но не будете участвовать в битве. Мальчик, ты самый младший, ты будешь дуть в рог первым. Когда придет время, ты подуешь в него долго и громко. Они говорят, ты сильный. Дуй в рог так долго, как можешь стоять, выжми из себя последний вздох, до тех пор, пока твои легкие не загорятся. Так, чтобы тебя услышали освобожденные в Меерине, рабы в Юнкае, призраки Астапора.

Так, чтобы обезьяны обделались, когда будут обходить Кедровый остров. После передай рог следующему. Ты услышал меня? Ты понял, что должен сделать?

Мальчик и бастард бастарда провели руками по волосам. Силач, возможно, хотел поступить так же, но он был лысым.

— Можете прикоснуться к рогу. Потом уходите.

Они оставили его один за другим, трое рабов, и после Мокорро. Виктарион не позволил ему забрать адский рог.

— Он будет тут, у меня, пока не понадобится.

— Как прикажите. Мне перевязать вашу руку?

Виктарион схватил темную женщину за запястье и притянул к себе.

— Это сделает она. Иди и молись своему красному богу. Разожги свой огонь и скажи мне, что ты там видишь.

Казалось, темные глаза Мокорро засветились.

— Я вижу драконов.

Виктарион планирует одурачить юнкайцев, используя в основном купеческие корабли с командой из воинов. Он заявляет о своём намерении взять Дени в жёны, завоевать Морской трон и Железный трон и отплатить Эруну за прошлые обиды. Мы узнаем, что Мокорро может прочесть надписи на роге, а Виктарион втирает в рог свою кровь.

Тирион I

Глава имеется лишь в пересказе:

Тирион играет в кайвассу с Бурым Беном, коротая время в ожидании вылазки сира Барристана. Бен Пламм замечает, что два оставшихся в Миэринне дракона могут напасть на любую из сторон и опасны. Тирион и Пламм считают, что Дени вернется на третьем драконе и хорошо бы к этому моменту спасти трех заложников — Даарио, евнуха и дотракийца, чтобы обосновать свое предательство. Тирион считает, что сам он уже заработал на прощание, убив самого опасного врага Дени — Тайвина. Когда Тирион уже близок к победе в кайвассу, вбегают Джорах с известиями о появлении в заливе кораблей железнорожденных с драконами на знаменах.

Тирион II¹⁰

Где-то вдалеке умирающий человек криками звал свою мать. «По коням!» — орал человек по-гискарски в соседнем лагере к северу от Младших Сыновей. «По коням! По коням!» Высокий и пронзительный, его голос разносился далеко в утреннем воздухе, куда дальше пределов его стана. Тирион достаточно знал гискарский, чтобы понимать слова, но страх в его голосе был бы понятен на любом языке. «Я знаю, каково ему».

Пора было найти коня себе, понимал он. Пришло время надеть броню какого-нибудь мертвого мальчишки, подпоясаться мечом и кинжалом, водрузить помятый большой шлем на голову. Рассвет наступил, и ослепляюще яркий край восходящего солнца был виден за городскими стенами и башнями. К западу гасли звезды, одна за другой. Вдоль Скахазадхана дули в трубы, боевые рога отвечали со стен Миэрина. Корабль тонул в устье реки, пылая. Мертвецы и драконы носились по небу, в то время как боевые корабли сталкивались и сходились в бою в Заливе Работорговцев. Тирион не мог видеть их отсюда, но слышал шум: удар корпуса о корпус, глубокие горловые звуки рогов железнорождённых и странный высокий посвист Кварта, треск вёсел, выкрики и боевые кличи, грохот топора о броню, меча о щит, перемешанные с воплями раненых. Многие корабли ещё были далеко в заливе, так что исходящие от них звуки казались слабыми и отдаленными, но он всё равно узнавал их. «Музыка резни».

В трех сотнях ярдов от места, где он стоял, возвышалась Злая Сестра, её длинная рука взметнулась вверх с пригоршней трупов — *треньк-ТУК* — и они полетели, голые и распухшие, бледные мёртвые птицы, безвольно кувыркаяющиеся в воздухе. Лагери осаждающих мерцали в яркой дымке розового и золотого, но знаменитые ступенчатые пирамиды Миэрина выделялись в сиянии черными громадами. Что-то двигалось на вершине одной из них, заметил он.

«Дракон, но который? — на таком расстоянии это вполне мог бы оказаться и орел. — *Очень большой орёл*».

После дней, что он провёл спрятанным в затхлых палатках Младших Сыновей, воздух внешнего мира казался свежим и чистым. Хотя он не мог видеть залив со своего места, острый запах соли подсказал ему, что тот близко. Тирион наполнил им свои лёгкие. «Хороший день для битвы». С

¹⁰ пер. Shtee, <http://7kingdoms.ru/2014/spoiler-chapter-tyrion2/>

востока прокатывался по выжженной равнине барабанный бой. Колонна всадников пронеслась мимо Карги, неся синие знамена Гонимых Ветром. Человек помоложе нашёл бы это волнующим. Более глупый мог счесть это величественным и славным – ровно до того момента, как какой-нибудь уродливый юнкайский боевой раб с кольцами в сосках всадит топор ему между глаз. Тирион Ланнистер знал лучше. *«Боги создали меня не для владения мечом, подумал он, так зачем они продолжают отправлять меня в битвы?»*

Никто не услышал. Никто не ответил. Никто не обратил внимания. Тирион обнаружил, что возвращается мыслями к своей первой битве. Шая проснулась первой, разбуженная горнами отца. Милая шлюха, которая доставляла ему удовольствие половину ночи, трепетала голая в его руках, как перепуганное дитя.

«Или всё это тоже было ложью, уловкой, которой она воспользовалась, чтобы заставить меня чувствовать себя отважным и блистательным? Что за лицедейка получилась бы из неё». Когда Тирион кликнул Подрика Пейна помочь ему с бронёй, он нашёл мальчика спящим и похрапывающим. *«Не самый шустрый парнишка, но достойный оруженосец. Надеюсь, он служит человеку получше».*

Странно, но Тирион помнил Зелёный Зубец намного лучше, чем Черноводную. *«Это был мой первый раз. Первый раз не забывается».* Он помнил туман, поднимающийся от реки, струящийся сквозь камыш, будто бледные белые пальцы. И красота того рассвета, её он тоже помнил: рассыпанные по пурпурному небу звёзды, трава, сверкающая от утренней росы словно стекло, алый блеск на востоке. Он помнил прикосновение пальцев Шай, когда та помогала Поду с несходной бронёй Тириона. *«Тот чертов шлем. Как ведро с шипом».* Шип, впрочем, спас его, заработал ему его первую победу, но Грош и Пенни никогда не выглядели и вполнину так же глупо, как он, должно быть, выглядел в тот день. Шая назвала его грозным, когда увидела его в стали, заметьте себе. *«Как я мог быть таким слепым, таким глухим, таким глупцом? Я должен был догадаться, а не думать своим членом».*

Младшие Сыновья седлали своих коней. Они занимались этим спокойно, неторопливо, со знанием дела; в этом не было ничего, чего они бы не делали сотню раз до того. Некоторые из них передавали из рук в руки бурдюк, но было то вино или вода, он не мог сказать. Боккоко бесстыдно целовал своего любовника, массируя ягодицы мальчика одной огромной рукой, другой

перебирая его волосы. Позади них сир Гарибальд причёсывал гриву своего черного мерина. Кем сидел на скале, глядя на землю... вспоминая своего мертвого брата, быть может, или размышляя о том друге, оставшемся в Королевской Гавани. Молот и Гвоздь передвигались от человека к человеку, проверяя копья и мечи, подгоняя броню, затачивая каждый клинок, нуждавшийся в этом. Ухват жевал свой кислolist, то и дело шутя и почесывая свои яйца рукой-крюком. Что-то в его манерах напомнило Тириону о Бронне. *«Теперь это сир Бронн Черноводный, если моя сестра не убила его. Это может оказаться не так просто, как ей думается».*

Он задумался о том, в скольких битвах сражались эти Младшие Сыновья. *«В скольких схватках, в скольких налётах? Сколько городов они взяли штурмом, сколько братьев они похоронили или оставили гнить?»* По сравнению с ними Тирион был зелёным мальчишкой, пока еще непроверенным, пусть ему и было больше лет, чем половине в отряде. Это будет его третья битва. *«Выдержанный и высшего сорта, марочный и запечатанный, испытанный воин — вот он я. Я убил некоторых мужчин и ранил прочих, получал раны сам и выжил, чтобы поведать об этом. Я возглавлял атаки, слышал, как кричат моё имя, рубил бóльших людей и лучших, даже урвал несколько глотков славы... разве это не было отменное роскошное вино для героев, и разве я откажусь от еще одного глотка?»* Однако, несмотря на всё, что он сделал и повидал, от перспективы очередной битвы кровь в его жилах стыла. Он пересекал мир в паланкине, гондоле и на свинье, плавал на рабских кораблях и торговых галеех, взбирался на шлюх и коней, постоянно говоря себе, что ему всё равно, жив он или мертв... чтобы в итоге обнаружить, что ему в значительной степени не всё равно.

Неведомый оседлал свою бледную кобылицу и скакал им навстречу с мечом в руке, но Тирион Ланнистер не стремился встретиться с ним снова. Не сейчас. Не теперь. Не в этот день. *«Что ты за мошенник, Бес. Ты позволил сотне стражников изнасиловать твою жену, застрелил отца болтом в живот, затягивал золотой цепью горло любовницы до тех пор, пока её лицо не почернело, но при этом почему-то всё ещё считаешь, что заслуживаешь жить».*

Пенни уже была в своей броне, когда Тирион скользнул обратно в палатку, которую они делили. Она годами облачалась в деревянный доспех ради своего потешного выступления; настоящие доспех и кольчуга не так уж и отличались, стоило освоить все застёжки и пряжки. И хотя сталь отряда была

мятой здесь да ржавой там, поцарапанной, испачканной или бесцветной, это не имело значения. Чтобы остановить меч, сгодится и такая.

Шлем был единственной частью облачения, которую она не надела. Когда он вошел, она подняла взгляд.

— Ты не в броне. Что происходит?

— Обычные вещи. Грязь и кровь, героизм, убийство и гибель. Одно сражение идет в заливе, другое под стенами города. Куда бы юнкайцы ни повернули, перед ними будут враги. Ближайшая схватка пока ещё в доброй лиге отсюда, но скоро мы окажемся посреди неё.

«На одной стороне или на другой». Младшие Сыновья созрели для очередной смены хозяина, Тирион был в этом почти уверен... однако существовала великая пропасть между «уверен» и «почти уверен». *«Если я неверно оценил своего человека, мы все пропали».*

— Надевай шлем и убедись, что все застёжки сомкнуты. Я снял свой однажды, чтобы не утонуть, и это стоило мне носа, — Тирион указал на свой шрам.

— Сначала мы должны одеть в броню тебя.

— Как хочешь. Сначала безрукавку. Варёную кожу с железными наклёпками. Кольчугу поверх, затем латный воротник, — он оглядел палатку. — Здесь есть вино?

— Нет.

— У нас оставалась половина бутылки после ужина.

— Четверть бутылки, и ты её выпил.

Он вздохнул.

— Продад бы свою сестру за чашу вина.

— Ты бы продал свою сестру и за чашу конской мочи.

Это было так неожиданно, что заставило его громко рассмеяться.

— Моя склонность к конской моче так известна, или ты просто встречала мою сестру?

— Я видела её только в тот раз, когда мы разыгрывали турнир для юного короля. Грош подумал, что она прекрасна.

«Грош был малорослым мелким подхалимом с дурацким именем».

— Только дурак поскачет в битву трезвым. У Пламма должно быть немного вина. Что, если он умрет в битве? Было бы преступлением потратить его впустую.

— Помолчи. Мне надо зашнуровать эту безрукавку.

Тирион пытался, но ему казалось, что звуки боя становятся громче, и его язык не желал сидеть за зубами.

— Кисель хочет использовать отряд для того, чтобы отбросить железнорожденных обратно в море, — слышал он себя, пока Пенни одевала его. — Лучше бы он направил всю свою кавалерию на евнухов, на полном скаку, прежде чем они отойдут на десять футов от ворот. Послать Кошек на них слева, нас и Гонимых Ветром справа, разорвать на части их фланги с обеих сторон. Человек к человеку, Безупречные не хуже и не лучше любого другого копейщика. Опасными их делает дисциплина, но если они не смогут сформировать стену копий...

— Подними руки, — сказала Пенни. — Вот, так-то лучше. Может, это тебе следует командовать юнкайцами?

— Они используют солдат-рабов, почему бы не воспользоваться рабом-командиром? Впрочем, это испортило бы состязание. Это всего лишь партия *кайвассы* для Мудрых Господ, а мы — фигурки, — Тирион склонил голову набок в раздумьях. — В этом они с моим лордом-отцом родственные души.

— Твоим отцом? Что ты имеешь в виду?

— Я только что вспоминал мою первую битву. Зелёный Зубец. Мы сражались между рекой и дорогой. Когда я увидел, как разворачивается войско моего отца, помню, я подумал, как оно прекрасно. Как цветок, раскрывающий лепестки солнцу. Багровая роза с железными шипами. И мой отец! О, он никогда не выглядел столь великолепно. На нем была багровая броня и тот огромный плащ, сделанный из золотой парчи. Пара золотых львов на плечах, ещё один на шлеме. Его жеребец был величественен. Его светлость взирал на битву со спины того коня, ни разу не приблизившись ни к одному врагу и на расстояние сотни ярдов. Он ни разу не двинулся, ни разу не шевельнулся, ни разу не вспотел, пока тысячи умирали внизу. Вообрази меня взгромоздившимся на лагерную скамейку, смотрящим вниз на *кайвассную* доску. Мы могли бы сойти за близнецов... будь у меня конь, какая-нибудь багровая броня и плащ, сшитый из золотой парчи. Ещё он был выше, а у меня волос больше.

Пенни поцеловала его.

Она двигалась так быстро, что у него не было времени на мысли. Она метнулась к нему, стремительная, как птица, и прижала свои губы к его.

Столь же быстро это прекратилось. «*Зачем?* — почти сказал он, но он знал, зачем. — *Спасибо тебе,* — мог бы он сказать, но она могла принять это за

разрешение повторить. — *Дитя, я не хочу причинить тебе боль*», — стоило попробовать, но она была не дитя, а его пожелания не притупили бы боли. Впервые за срок более долгий, чем он мог определить, Тирион Ланнистер не сумел найти слов.

«Она выглядит такой юной, — подумал он. — Девочка, в этом она вся. Девочка, почти хорошенькая, если забыть, что она карлица». Её волосы были тёплого коричневого оттенка, густые и вьющиеся, а глаза большие и доверчивые. *«Слишком доверчивые»*.

— Ты слышишь этот звук? — произнёс Тирион.

Она прислушалась.

— Что это? — спросила она, пристегивая пару разных наголенников к его коротким ногам.

— Война. С обеих сторон от нас и менее чем в лиге. Это резня, Пенни. Люди, отступающие в грязи, с выпадающими из них внутренностями. Это отрубленные конечности, сломанные кости и бочки крови. Знаешь, что черви выползают наружу после сильного дождя? Я слышал, они делают то же самое и после большой битвы, если достаточно крови пропитает почву. Неведомый близится, Пенни. Чёрный Козёл, Бледное Дитя, Тот, У Кого Много Ликов — называй его как хочешь. Это смерть.

— Ты пугаешь меня.

— Правда? Это хорошо. Тебе следует быть напуганной. Железнорожденные наводнили побережье, сир Барристан и его Безупречные высыпались из городских ворот, а мы прямо между ними, бьемся не за ту треклятую сторону. Я сам в ужасе.

— Ты такое говоришь, но всё ещё шутишь.

— Шутки — это способ не поддаться страху. Вино — другой способ.

— Ты храбрый. Немногие люди могут быть храбрыми.

«Мой гигант Ланнистер, — услышал он. — Она смеётся надо мной». Он едва не отвесил ей пощечину снова. Его голова раскалывалась.

— Я не хотела тебя рассердить, — сказала Пенни. — Прости меня. Мне страшно, вот и всё.

Тирион отшатнулся от неё. *«Мне страшно»*, — это были те же слова, которые говорила Шая. *«Её глаза были величиной с яйцо, и я купился на это с потрохами»*.

«Я знал, что она из себя представляла. Я велел Бронну найти мне женщину, и он привел ко мне Шаю». Его руки сжались в кулаки, лицо Шаи плыло перед ним, усмехаясь. Потом цепь стала затягиваться вокруг её горла, глубже

впиваясь золотыми руками в её плоть, а её руки порхали по его лицу со всей силой, на какую способны бабочки. Окажись у него тогда цепь под рукой... будь у него арбалет, кинжал, что угодно, он бы... он мог бы... он...

Только в этот момент Тирион услышал крики. Он потерялся в приступе чёрной ярости, утопая в омуте памяти, но крики вмиг вернули реальность обратно. Он разжал руки, сделал вдох и отвернулся от Пенни.

— Что-то происходит.

Он вышел наружу, чтобы узнать, что это. *Драконы*.

Зеленое чудовище кружило над заливом, пикируя и закладывая виражи, а ладьи и галеи сталкивались и горели под ним, но это не на него, а на белого дракона тарасились наёмники. В трех сотнях ярдов Злая Сестра качнула рукой, *треньк-ТУК*, и шесть свежих трупов, кружась, отправились в небо. Они поднимались всё выше и выше и выше. Потом два из них вспыхнули огнем.

Дракон поймал одно пылающее тело, когда то начало падать, и вгрызся в него, а бледные языки пламени проглядывали между его зубов. Белые крылья хлопали в утреннем воздухе, зверь начал набирать высоту. Второй труп отскочил от протянутых к нему когтей и рухнул прямо вниз, чтобы приземлиться среди юнкайских всадников. Некоторые из них тоже загорелись. Один конь вскинулся на дыбы и сбросил всадника. Остальные бежали, пытаясь перегнать огонь, но вместо этого лишь раздувая его. Тирион Ланнистер почти ощущал на вкус панику, охватившую лагерь.

Острый, знакомый запах мочи наполнил воздух.

Карлик огляделся и с облегчением понял, что это обмочился Чернильница, а не он.

— Тебе штаны бы сменить, — посоветовал ему Тирион. Казначей побледнел, но не шелохнулся.

Он неподвижно стоял и смотрел, как дракон перехватывает трупы в воздухе, когда с топотом явился посланник. «*Чертов офицер*», — Тирион понял это сразу. Он был облачен в золотую броню и восседал на золотом коне. Громко объявив, что он послан верховным командиром Юнкая, благородным и могущественным Горзаком за Эразом.

— Лорд Горзак шлет свои любезности капитану Пламму и запрашивает его направить отряд к берегу залива. Наши корабли под атакой.

«*Ваши корабли тонут, горят, спасаются бегством*, — думал Тирион. — *Ваши корабли захватывают, ваших людей предают мечу*». Он был Ланнистером с Утёса Кастерли, недалеко от Железных островов;

железнорожденные разбойники не были незнакомцами на их берегах. За века они сжигали Ланниспорт по крайней мере трижды и совершали на него набеги две дюжины раз. Люди запада знали, на какую свирепость способны железнорожденные; тогда как эти работоторговцы только начали узнавать.

— Капитана здесь сейчас нет, — ответил Чернильница посланцу. — Он ушел повидать Генерал-Деву.

Всадник указал на Солнце.

— Командование госпожи Малаззы завершилось с восходом солнца. Делайте так, как велит лорд Горзак.

— Атаковать кальмаров, хотите сказать? Тех, что в воде? — Казначей нахмурился. — Сам я не знаю, как это сделать, но когда Бурый Бен вернется, я сообщу ему, чего хочет ваш Горзак.

— Я передал вам *приказ*. Вы должны следовать ему.

— Мы получаем приказы от нашего капитана, — ответил Чернильница своим обычным мягким тоном. — Его здесь нет. Я же сказал вам.

Гонец потерял терпение, Тирион это видел.

— Битва началась. Ваш командир должен быть с вами.

— Возможно, но его нет. Деву послала за ним. Он ушел.

Посланец сделался пунцовым.

— Вы должны исполнять приказанное!

Ухват выплюнул комок хорошо пережеванного кислота левой стороной рта.

— Прошу прощения, — обратился он к юнкайскому всаднику, — но мы все здесь наездники, такие же, как и м'лорд. Хорошо обученный боевой конь бросится на стену копий. Некоторые перескочат пылающий ров. Но я никогда еще не видел коня, который умел бы скакать по воде.

— С кораблей высаживаются люди, — закричал юнкайский лорденыш. — Они заблокировали устье Скахазадхана горящим кораблем, и каждую секунду, пока вы торчите здесь болтая, очередная сотня мечей шлепает сюда по мелководью. Соберите своих людей и отбросьте их обратно в море!

Немедленно! Горзак приказывает!

— Который Горзак? — спросил Кем. — Кролик?

— Кисель, — отозвался Чернильница. — Кролик недостаточно туп, чтобы послать легкую конницу против тяжелых кораблей.

Всадник услышал достаточно.

— Я доложу Горзаку зо Эразу, что вы отказываетесь исполнять его приказ,
— ответил он сухо, затем повернул коня и галопом унесся туда, откуда пришел, преследуемый взрывом наёмничьего смеха.

Чернильница был первым, чья улыбка погасла.

— Довольно, — сказал он, неожиданно мрачный. — Вернёмся к делу.

Седлайте коней. Я хочу, чтобы каждый из вас был готов выехать, когда Бен вернется с какими-нибудь надлежащими приказами. И потушите этот огонь. Позавтракать сможете и после битвы, если доживете до её конца, — его взгляд упал на Тириона — Чему ты усмехаешься? Ты похож на шута в этой броне, Полумуж.

— Лучше быть похожим на шута, чем быть им, — ответил карлик. — Мы на стороне проигравших.

— Полумуж прав, — сказал Джорах Мормонт. — Нам не следует сражаться на стороне работорговцев, когда Дейнерис вернется... а она вернется, можете не сомневаться. Ударьте сейчас и ударьте как следует — и королева этого не забудет. Разыщите её заложников и освободите их. Я готов поклясться честью моего дома и самим домом, что Бурый Бен планировал это с самого начала.

Снаружи, в водах залива Работорговцев, ещё одна квартийская галера занялась пламенем после внезапного огненного *вжжжжух*. Тирион слышал, как к востоку трубят слоны. Руки шести сестёр вскидывались и опадали, швыряя трупы. Щит ударял о щит, когда две стены копий сошлись под стенами Миэрина. Драконы кружили над головами, их тени скользили по задранным лицам союзников и врагов.

Чернильница поднял руки.

— Я храню книги. Я охраняю золото. Я составляю наши договоры, собираю плату, слежу за тем, чтобы у нас оставались деньги на покупку провианта. Не мне решать, за кого мы сражаемся и когда. Это решает Бурый Бен. Обсудите это с ним, когда он вернется.

К тому моменту, как Пламм и его спутники вернулись из лагеря Генерал-Девицы, белый дракон улетел обратно в своё логово над Миэрином. Зелёный всё еще рыскал, паря широкими кругами над городом и заливом на огромных зелёных крыльях.

Бурый Бен Пламм носил латы и кольчугу поверх варёной кожи. Шёлковый плащ, ниспадающий с его плеч, был единственной уступкой тщеславию: он струился волнами при движении, меняя цвет от бледно-фиолетового до

глубокого пурпура. Пламм спустился с лошади, передав её конюху, после чего сказал Ухвату позвать капитанов.

— Вели им поторопиться, — добавил Каспорио Мудрый.

Тирион не являлся даже сержантом, но их игры в *кайвассу* сделали его частым гостем в шатре Бурого Бена, и никто не попытался остановить его, когда он вошёл вместе с остальными.

Помимо Каспорио и Чернильницы, в числе вызванных были Улан и Боккоко. Карлик с изумлением обнаружил здесь и сира Джораха Мормонта.

— Нам приказано защищать Злую Сестру, — объявил им Бурый Бен.

Мужчины обменялись тревожными взглядами. Казалось, никто не хотел говорить, пока сир Джорах не спросил:

— Чьё это приказание?

— Девицы. Сир Дедуля направляется к Карге, но она боится, что затем он повернет к Злой Сестре. Призрак уже взят. Вольноотпущенники Марселена сломали Длинные Копий, как прогнившие палки, и перетащили его цепями. Девушка полагает, что Селми намеревается покончить со всеми требушетами.

— На его месте я делал бы то же самое, — заметил сир Джорах. — Разве что я справился бы с этим быстрее.

— Почему девушка всё ещё отдаёт нам приказы? — озадаченно спросил Чернильница. — Рассвет наступил и завершился. Разве она не заметила солнце? Она ведет себя так, будто остается верховной командующей.

— Ты бы тоже продолжал раздавать приказы на её месте, если бы узнал, что командование примет Кисель, — ответил Мормонт.

— Одна не лучше другого, — заявил Каспорио.

— Воистину, — подтвердил Тирион, — но титьки у Малаззы покрасивее.

— Удерживать Злую Сестру надо арбалетами, — сказал Чернильница. — Скорпионами. Баллистами. Вот что необходимо. Нельзя использовать всадников для защиты фиксированной позиции. Неужели девушка имеет в виду, что мы должны спешиться? И если так, то почему не воспользоваться её копейщиками или пращниками?

Кем сунул свою светловолосую голову внутрь палатки:

— Простите за беспокойство, м'лорды, но прибыл ещё один всадник.

Говорит, у него новые приказы от верховного командующего.

Бурый Бен поглядел на Тириона, затем пожал плечами:

— Зови его сюда.

— Сюда? — переспросил Кем сконфуженно.

— Это значит туда, где я нахожусь, — произнес Пламм с ноткой раздражения. — Если он направится куда-то еще, он меня не найдет. Кем ушёл. Когда он вернулся, то придержал занавесь у входа для юнкайского вельможи в плаще из жёлтого шёлка и такого же цвета панталон. Масляные чёрные волосы мужчины были завиты и покрыты лаком так, чтобы выглядеть будто сотня крохотных роз, растущих из головы. На его нагруднике изображалась сцена такой восхитительной развращённости, что Тирион почувал родную душу.

— Безупречные продвигаются к Дочери Гарпии, — объявил посланец. — Кровавая Борода и два гискарских легиона противостоят им. Пока они держат ряды, вы должны проскользнуть позади евнухов и напасть на них сзади, не щадя никого. Исполните это по приказу наибогороднейшего и могущественного Моргара зо Жерзина, верховного командующего юнкайцев. — Моргар? — нахмурился Каспорио. — Нет, сегодня командует Горзак. — Горзак зо Эраз лежит убитый, сражённый пентошийским вероломством. Предатель, зовущий себя Принцем в Лохмотьях, умрет за это бесчестье исходя криками — благородный Моргар клянётся в том.

Бурый Бен почесал бороду.

— Гонимые Ветром переметнулись, не так ли? — произнес он со сдержанным интересом.

Тирион сдавленно засмеялся:

— Вот мы и променяли Киселя на Завоевателя-Пьяницу. Чудо, что он смог вынырнуть из бутылки настолько, чтобы отдать частично здравый приказ.

Юнкаец уставился на карлика:

— Попридержи язык, ты, мерзкий маленький... — его отповедь прервалась.

— Этот наглый карлик — беглый раб, — объявил он поражённо. — Он собственность благородного Йеззана зо Каггаза, да святится его память.

— Ты ошибся. Он мой брат по оружию. Свободный человек и Младший Сын. Рабы Йеззана носят золотые ошейники, — Бурый Бен улыбнулся своей самой любезной улыбкой. — Золотые ошейники с маленькими колокольчиками. Ты слышишь колокольчики? Я — нет.

— Ошейники можно снять. Я требую, чтобы карлика выдали для наказания в сей же миг.

— Звучит грубо. Джорах, что ты думаешь?

— Это.

Меч Мормонта уже был в его руках. Едва всадник обернулся, сир Джорах всадил клинок ему в глотку. Остриё вышло позади шеи юнкайца, красное и

мокрое. Кровь пузырилась на его губах и под подбородком. Мужчина сделал несколько шатающихся шагов и рухнул на доску для *кайвассы*, рассыпав деревянные армии повсюду. Он дёрнулся ещё несколько раз, хватаясь за лезвие мормонтова меча одной рукой, пока другая слабо царапала перевернутый стол. Только потом до юнкайца дошло, что он мёртв. Он лежал, уткнувшись лицом в ковёр, в хаосе красной крови и масляных чёрных роз. Сир Джорах выдернул меч из шеи мертвеца. Кровь стекала по желобку дола.

Белый *кайвассный* дракон оказался у ног Тириона. Он поднял его с ковра и вытер рукавом, но немного юнкайской крови осталось в маленьких углублениях, вырезанных в фигурке, и светлое дерево казалось испещрённым кровавыми прожилками.

— Да здравствует наша возлюбленная королева Дейнерис.

Будь она жива или будь она мертва. Он подбросил окровавленного дракона в воздух, поймал его, усмехаясь.

— Мы всегда оставались людьми королевы, — объявил Бурый Бен Пламм.

— Присоединение к силам Юнкая было лишь уловкой.

— И какой хитроумной была затея, — Тирион одарил мертвеца тычком сапога. — Если этот нагрудник придется мне впору, то я его хочу.